ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОСТАВИЛЪ

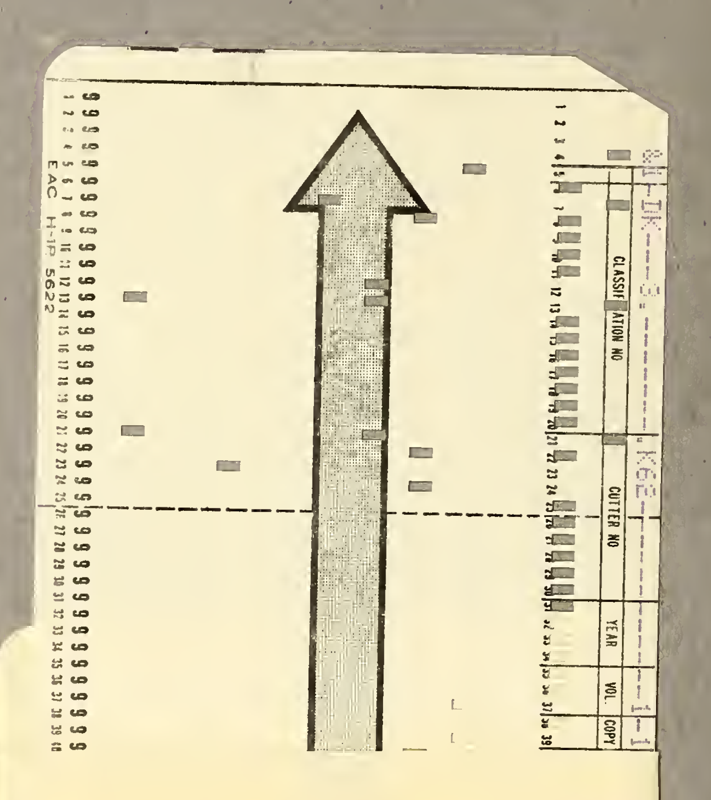
Михаилъ Коваленскій.

Томъ I.

Цѣна 75 коп.

Изданіе Т-ва „МІРЪ" въ Москвѣ.

1914.



DK3
.K62
t.1

ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

составилъ
Михаилъ Коваленскій.

Томъ I.

Цѣна 75 коп.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“ въ Москвѣ.
1914.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Нѣтъ, кажется, надобности доказывать нужду въ подобной книгѣ; расширить школьный курсъ конкретнымъ матеріаломъ, взятымъ изъ первоисточниковъ, дополнить, обосновать языкомъ эпохи—не менѣе важная задача, чѣмъ созданіе стройной схемы, которая легла бы въ основу историческаго курса. И это задача, можно сказать, очередная. Кто не слышалъ въ послѣдніе годы голосовъ, раздающихся въ пользу усиленной конкретизаціи школьнаго историческаго курса! И это не есть, разумѣется, возвращеніе къ анекдоту; въ самомъ подборѣ конкретнаго матеріала педагогъ руководится опредѣленнымъ, продуманнымъ планомъ, беретъ тѣ краски и тѣ черты, какія ему нужны для построенія широкой исторической картины, для обоснованія серьезныхъ выводовъ, отмѣченныхъ печатью науки. „Стройная схема должна лежать въ основѣ курса; планъ его долженъ быть ясенъ ученикамъ; они имъ въ концѣ-концовъ должны овладѣть, соціологическихъ понятій тоже накопить много. Но сообщаться имъ все должно конкретно; терминъ долженъ итти послѣ конкретнаго описанія. Старые факты и событія пора возстановить въ ихъ правахъ, извлечь изъ забвенія, и загона. Теперь, когда мы тверды въ схемахъ и анализѣ, „событія“ насъ не „соблазнятъ“, а жизненную сочность введутъ въ наше преподаваніе, да и къ жизни его приблизятъ, помогутъ научиться конкретное въ жизни освѣщать аналогіей и схемой“. Такъ писалъ одинъ педагогъ въ отвѣтъ на анкету о преподаваніи исторіи, въ 1912 г. (Вѣст. Воспитанія, 1913, № 4, с. 128). И это далеко не единичный голосъ, въ этомъ направленіи слагается господствующее педагогическое мнѣніе. Между тѣмъ добыть для школы конкретный матеріалъ, и при томъ не анекдотическій, а научный, — и провѣренный, и построенный научно,—не такъ-то легко и доступно нашему, и особенно провинціальному педагогу; многое и многое въ этой области приходится разыскивать въ спеціальныхъ и часто вышедшихъ изъ продажи изданіяхъ. Отсюда необходимость подобныхъ хрестоматій, необходимость, засвидѣтельствованная на опытѣ и провѣренная теоріей. Отчасти этой необходимости отвѣчали дѣлавшіяся въ этомъ направленіи попытки; однако, признать задачу выполненной нельзя. Всѣ доселѣ выходившія христоматіи историческаго характера страдали излишнимъ преобладаніемъ сухого юридическаго матеріала въ связи съ недостаткомъ болѣе живого и красочнаго культурнаго элемента, что дѣлало ихъ для средней школы черезчуръ тяжелыми и непод-

ходящими; этимъ грѣхомъ страдаетъ и старая, 70-хъ годовъ, хрестоматія г. Аристова, и новая, отчасти на ней основанная, хрестоматія г. Фарфоровскаго. Нашей задачей, при составленіи настоящей книги, было избѣжать по возможности этой опасности, и создать книгу, которой можно было бы пользоваться именно въ средней школѣ. Насколько это намъ удалось сдѣлать, судить, конечно, не намъ.

Наряду съ первоисточниками въ собственномъ смыслѣ, въ нашемъ изданіи читатель найдетъ отрывки иного характера, — описанія раскопокъ, производившихся археологами; описаніе самыхъ предметовъ, найденныхъ при этихъ раскопкахъ; эти описанія приводились нами наряду съ первоисточниками, ибо что можно было бы предложить взамѣнъ, какимъ первоисточникомъ замѣнить Уваровское описаніе Волосовскихъ раскопокъ, или страницы о скиѳскихъ древностяхъ изъ Толстого и Кондакова? Съ другой стороны, не могли мы выключить изъ книги по русской исторіи и знаменитыхъ характеристикъ, принадлежащихъ перу В. О. Ключевскаго,—съ ними обязанъ всякій педагогъ-историкъ познакомить своихъ учащихся; — пусть покажутъ имъ эти характеристики, что можетъ получиться изъ матеріала первоисточниковъ, послѣ работы надъ нимъ такого художника, какъ Ключевскій.

Въ заключеніе мы считаемъ своимъ долгомъ принести свою глубокую признательность всѣмъ, содѣйствовавшимъ составленію этой книги своими совѣтами, указаніями и книгами, а въ особенности библіотекѣ Московскаго Румянцевскаго Музея, въ лицѣ ея администраціи, безъ дружественнаго содѣйствія коей немыслимо было бы осуществленіе подобной работы.

Михаилъ Коваленскій.

Москва, 3 марта 1914.

P. S. Духовная Симеона Гордаго, по недосмотру составителя, попала не на свое мѣсто. Ея мѣсто было послѣ духовной Калиты. Извиняюсь.

М. К.

1. И. С. Поляковъ.

1. Громовыя стрѣлки [1]).

Я совершилъ рядъ экскурсій какъ около Руднева, такъ и въ окрестностяхъ другихъ деревень, какъ то — Ершовой, Крюковой, Сухотиной, Федяшевой, Фуниковой и пр. Изъ распросовъ у мѣстныхъ жителей, крестьянъ, я узналъ, что каменныя орудія были находимы ими и при томъ преимущественно на пашняхъ; но такъ какъ пашни давно уже обрабатываются, а орудія издавна выбирались при полевыхъ работахъ, то въ настоящее время они почти исчезли. И въ самомъ дѣлѣ, я осмотрѣлъ въ разныхъ мѣстахъ большое количество полей и не видалъ не только цѣлыхъ орудій, но даже болѣе или менѣе характерныхъ для каменнаго вѣка кремневыхъ обломковъ.

Тѣмъ не менѣе, однако у крестьянъ въ разныхъ деревняхъ, какъ оказалось, каменныя орудія распространены весьма сильно; сказать точнѣе, нѣтъ почти деревни, въ которой кто-либо изъ жителей не имѣлъ бы одной или нѣсколькихъ каменныхъ стрѣлъ. Владѣтельницами орудій являются преимущественно старухи, для которыхъ эти орудія составляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ лекарственныхъ средствъ; повидимому, вѣра въ лѣкарственную силу каменныхъ орудій нигдѣ не достигаетъ такой степени, какъ въ Тульской губерніи, хотя орудія подъ именемъ „громовыхъ стрѣлъ“ имѣютъ большое значеніе при лѣченіи болѣзней и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Во многихъ изъ вышеназванныхъ деревень я встрѣчалъ старухъ, владѣющихъ иногда стрѣлками штукъ 10 и болѣе; у старухъ, славящихся наиболѣе своимъ кудесническимъ искусствомъ, всякая стрѣлка имѣетъ даже свое названіе, по именамъ святыхъ, или же присоединяется названіе „спаситель“ къ стрѣлкѣ, помогающей наиболѣе отъ всякихъ недуговъ. Лѣчатъ стрѣлками посредствомъ укола больного или же спусканіемъ воды; послѣдній способъ лѣченія заключается въ томъ, что на стрѣлку льется вода, которая затѣмъ собирается въ сосудъ и дается для питья больному или для обливанія страждущей части тѣла.

Несмотря на то, что вѣра въ лекарственное значеніе каменныхъ орудій, или „громовыхъ стрѣлъ“, есть суевѣріе, относящееся къ области отживающихъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе она повсемѣстно распространена по деревнямъ Тульскаго уѣзда; въ каждой деревнѣ, навѣрное, есть знахарка, промышляющая стрѣлками; всякій паціентъ за труды, навѣрное, приноситъ своей мнимой исцѣлительницѣ хлѣба, холста и разныхъ другихъ предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту крестьянъ. Такимъ образомъ знахарка, умно ведущая свое дѣло, можетъ круг-

[1]) Авторъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ по Тульской, Воронежской и др. губерніямъ для археологическихъ раскопокъ. [См. слѣд. статью.]

лый годъ существовать; благодаря своимъ операціямъ надъ громовыми стрѣлами, она можетъ имѣть паціентовъ не только изъ своего, но даже изъ сосѣднихъ селъ, гдѣ другія цѣлительницы недуговъ не такъ искусно ведутъ свое дѣло. На этомъ основаніи крестьянки чрезвычайно дорожатъ „громовыми стрѣлами", лучшія изъ которыхъ добыты, повидимому, весьма давно и переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, при чемъ иногда служатъ даже предметомъ ожесточеннаго спора между наслѣдницами. При трудности многимъ имѣть стрѣлки, я видѣлъ у нѣкоторыхъ женщинъ простые камни или валунчики, болѣе или менѣе своеобразной формы, или даже раковины, то ископаемыя, то еще нынѣ живущія, морскія,—все это также слыветъ подъ именемъ стрѣлокъ. Но исключая эти случайные предметы, не относящіеся къ каменному вѣку, нужно думать, что настоящія каменныя орудія весьма распространены у крестьянъ, такъ что еслибъ собрать все то, что я видѣлъ или что знаю по разсказамъ, то полагаю, уже изъ этихъ предметовъ, находящяхся въ посѣщенныхъ мною деревняхъ, можно было бы составить порядочный музейчикъ. Такъ, въ деревнѣ Федяшево я встрѣтилъ старуху, въ распоряженіи которой было до 6 штукъ каменныхъ орудій, изъ нихъ два или три наконечника копій. Оказалось, что старуха, имѣющая лѣтъ 90 отъ роду, лѣтъ 70 живетъ въ Федяшевѣ, куда она вышла замужъ, и принесла орудія, какъ приданое и наслѣдство отъ матери изъ Воронежской губерніи. Понятно, что она ни за какія деньги не хотѣла уступить хотя одну вещицу, говоря, что желаетъ помереть вмѣстѣ съ ними.

При такихъ условіяхъ пріобрѣтеніе орудій, въ особенности для человѣка, случайно и не надолго заѣхавшаго въ край, весьма затруднительно, хотя мнѣ все-таки удалось пріобрѣсти покупкою нѣсколько интересныхъ экземпляровъ.

2. Раскопки въ Костенкахъ (Воронеж. губ.) въ 1874 г.

Рано утромъ зазвенѣли заступы и желѣзныя лопатки моихъ рабочихъ; на пространствѣ, отведенномъ мнѣ Ѳедоромъ Абрамовичемъ, я проложилъ канаву. Пришлось снимать слой чернозема, оказавшійся весьма толстымъ и въ то же время тучнымъ. На глубинѣ его, около полуаршина, начали попадаться мелкіе осколки кремней, очевидные остатки каменнаго вѣка, но только новѣйшаго періода; изрѣдка встрѣчались даже обломки довольно грубой глиняной посуды: эти вещи не представляли, впрочемъ, для меня особеннаго интереса, такъ какъ таковыя я уже не разъ находилъ въ окрестностяхъ Костенокъ. Тѣмъ не менѣе онѣ не переставали показываться въ черноземѣ до глубины одного аршина; затѣмъ прекратились,—наступила безотрадная пора раскопокъ. Внизу пошелъ слой чернозема, не содержащій никакихъ, ни человѣческихъ, ни животныхъ остатковъ.

Наконецъ, къ вечеру, когда весь слой чернозема, мощностью отъ 1,15 м. до 1,4 м. (1 арш. 10 верш.—до 2 арш.) былъ снятъ, обнаружилась сѣрая глина, а вмѣстѣ съ нею и тѣ ископаемые остатки, которые произвели на меня неизгладимо глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Въ глинѣ, какъ разъ на границѣ ея съ черноземомъ, я началъ встрѣчать первоначально типичные кремневые осколки каменнаго вѣка, потомъ замѣтилъ глину, перемѣшанную съ золой и втиснутыми въ нее кремневыми осколками, и наконецъ тутъ же рядомъ были найдены осколки коренныхъ зубовъ и лопатка мамонта. Такимъ образомъ, къ концу работъ перваго дня, были вырыты мною изъ глубины почвы самыя неопровержимыя доказатель-

ства того, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ,—на р. Удаѣ Полтавской губерніи и около Карачарова, Владимірской губерніи, — человѣкъ не только существовалъ вмѣстѣ съ мамонтомъ и охотился на него, но даже больше, онъ преслѣдовалъ его, шелъ по пятамъ за нимъ. Мамонтъ, этотъ гигантъ дилювіальной эпохи, былъ какъ бы единственнымъ животнымъ, на котораго были обращены всѣ взоры, силы и вниманіе человѣка; можно сказать, что человѣкъ былъ хищнымъ спутникомъ мамонта.

Всѣ послѣдующіе дни приносили мнѣ все большую и большую массу доказательствъ въ пользу заключенія, сдѣланнаго мною въ первый день. На слѣдующій день я раскопалъ остальное пространство, отведенное подъ амшаникъ, снявши первоначально всю толщу чернозема, въ верхней части котораго также содержались орудія; затѣмъ слѣдовалъ промежутокъ въ нижнихъ частяхъ безъ осколковъ кремней, наконецъ глина, давшая мнѣ еще большую массу орудій и костей мамонта. Какъ кремневые осколки, такъ и очевидно обдѣланныя орудія отличались своимъ чрезвычайнымъ изяществомъ. Кости, принадлежавшія преимущественно мамонту, были различныхъ сортовъ; здѣсь находились ребра, трубчатыя кости, вѣроятно разбитыя, коренные зубы, бивни и пр. Какъ орудія, такъ и кости не были разсѣяны на всемъ пространствѣ равномѣрно; были пункты, гдѣ онѣ не встрѣчались, въ другихъ лежали одиночно; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были скучены и при томъ такъ,—гдѣ кости, тамъ и орудія и другіе слѣды пребыванія человѣка,—или обратно, начинаютъ встрѣчатся болѣе или менѣе часто орудія, тогда будутъ и кости. Это правило было до такой степени очевидно, что мои рабочіе, совершенные скептики по отношенію ко всѣмъ моимъ предпріятіямъ и словамъ, быстро его усвоили. Обыкновенно занятый выборкой орудій изъ глины, выбрасываемой со дна ямы, я нерѣдко слышалъ возгласъ того или другого изъ рабочихъ; „Баринъ, маслы (кости) пошли!“—кричавшій уже зналъ, что будутъ орудія, нужно было мнѣ спускаться въ яму самому и вести раскопку собственными руками, или же непосредственно наблюдать какъ за положеніемъ остатковъ, такъ и за дѣйствіями рабочаго. Случалось и обратно, — „баринъ, кремни пошли!“ — значитъ кости будутъ, снова нужно лѣзть въ яму.

Это соотношеніе въ изобиліи костей и орудій сопровождалось другимъ, въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ; въ такихъ именно мѣстахъ, изобилующихъ костями и орудіями, появлялась зола и въ большомъ количествѣ пережженыя кости; очевидно, въ такихъ пунктахъ человѣкъ жилъ и разводилъ огонь; здѣсь онъ сидѣлъ, отдыхалъ и грѣлся, также готовилъ себѣ пищу. Замѣчательно еще то, что въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ кости были скучены, костяныхъ углей и перегорѣлыхъ камней было изобиліе,—я добылъ часть мамонтовой тазовой кости съ вертлюжной впадиной. Впадина этой кости была обращена вверхъ; похожая объемомъ и формой на весьма порядочную чашку, она была также заполнена золой и пережженными костями, какъ будто она служила порвобытному человѣка посудиной, на что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ большая доля вѣроятности. Но есть еще одинъ не менѣе замѣчательный фактъ, указывающій, что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пепелищемъ, оставленнымъ человѣкомъ. Изъ числа орудій, встрѣчающихся обыкновенно съ массою костей, золы и угля, большая часть—самые лучшіе экземпляры, хорошо, даже изящно обдѣланы. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ мало костей, встрѣчаются только осколки кремня

значитъ около пепелища человѣкъ употреблялъ орудія въ дѣло, здѣсь въ то же время онъ готовилъ ихъ, отбрасывая осколки въ сторону отъ очага.

Къ концу второго дня амшаникъ былъ почти готовъ; это была яма въ пять съ половиною аршинъ, около 4 метр. въ длину, въ четыре съ небольшимъ аршина, или 3 метра въ ширину и въ 2 аршина 6 вершк. (1,7 м.) въ глубину. Яма имѣла въ общемъ видъ четыреугольника; одинъ изъ угловъ ея былъ обращенъ на сѣверъ, и въ немъ то было сосредоточено наибольшее количество костей, съ пепломъ и орудіями. Другой уголъ, гдѣ также орудія и кости были скучены, но въ меньшей степени, чѣмъ въ первомъ, былъ обращенъ на югъ; оба пункта съ костями и пепломъ отстояли другъ отъ друга не больше, какъ на 3 аршина.

(И. Поляковъ. Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію).

---

2. В. Хвойко.

Раскопки въ Кирилловской улицѣ, въ Кіевѣ, въ 1893 г.

Въ послѣднихъ числахъ августа въ 1893 г., когда я осматривалъ усадьбу, находящуюся въ г. Кіевѣ, на Подолѣ, по Кириловской улицѣ, за № 59, мое вниманіе было привлечено геологическимъ строеніемъ находящейся въ этой усадьбѣ горы, выступающей въ видѣ отдѣльнаго мыса по направленію къ Кирилловской улицѣ; гора эта образуетъ при окончаніи полукругъ съ довольно крутыми склонами и съ юго-западной стороны соединяется съ Кіевскимъ нагорнымъ плато, которое тянется по правому берегу Днѣпра. Верхніе пласты этой горы, по которымъ бы можно прослѣдить ея строеніе, въ *N* и *W* сторонѣ ея обвалились,— передняя же, сѣверная ея часть, заросшая кустарникомъ и деревьями, почти совсѣмъ уцѣлѣла, исключая двухъ — трехъ небольшихъ выемокъ, сдѣланныхъ разновременно съ цѣлью добыванія глины.

Воспользовавшись одной изъ нихъ, я могъ разсмотрѣть расположеніе обнаженныхъ горизонтальныхъ слоевъ. Въ самомъ нижнемъ, состоявшемъ изъ сѣро-зеленоватыхъ мелкозернистыхъ песковъ, я замѣтилъ желто-бѣловатый правильный кругъ, выдѣляющійся своимъ цвѣтомъ изъ общей массы изслѣдуемой земли и оказавшійся, послѣ расчистки этого мѣста, окончаніемъ клыка мамонта, продолженіе котораго скрывалось въ горѣ. Убѣдившись, что безъ тщательной съемки верхнихъ слоевъ земли нельзя будетъ составить себѣ яснаго понятія о положеніи этого клыка, а равно и другихъ могущихъ оказаться при немъ костей, я попросилъ у владѣльца усадьбы разрѣшенія раскопать означенное мѣсто, на что и получилъ любезное согласіе.

На другой день я приступилъ къ съемкѣ земли по направленію клыка, при чемъ намъ удалось освободить также часть лобной кости и верхней челюсти мамонта, изъ которой клыкъ торчалъ наружу; земля, находившаяся подъ клыкомъ, осталась нами нетронутой. Объ этомъ открытіи мною было сообщено проф. Антоновичу, который своимъ пріѣздомъ для осмотра моей находки выразилъ свое любезное сочувствіе и поощреніе. На другой день, запасшись большимъ количествомъ рабочихъ, я занялся осторожной съемкой земли съ того мѣста, гдѣ можно было предположить залеганіе остальныхъ костей скелета мамонта, но осторожность эта оказалась излишней, такъ какъ ни въ одномъ изъ слѣдующихъ или предшествующихъ слоевъ никакихъ костей не было найдено, хотя поискамъ этимъ мы посвятили цѣлый день.

На слѣдующій же день, проработавъ нѣсколько часовъ, мы наткнулись на другой клыкъ мамонта, принадлежащій одной челюсти съ первымъ, а затѣмъ обнаружилась и нижняя челюсть съ двумя находящимися въ ней зубами. Желая тщательно изслѣдовать найденныя кости и зная уже нѣсколько ихъ расположеніе, мы принялись осторожно очищать ихъ, при чемъ, во избѣжаніе поврежденія костей рабочими, я самъ занялся съемкой примыкающей непосредственно къ нимъ земли, оставляя подъ ними, въ виду ихъ ветхости и хрупкости, нетронутые столбики ея въ небольшихъ промежуткахъ. Въ то время, когда я былъ занятъ этой работой, одинъ изъ рабочихъ подалъ мнѣ найденный имъ кусокъ кремня съ несомнѣнными слѣдами оббивки его рукой человѣка. Заинтересованный этой находкой совмѣстно съ костями мамонта, я лично занялся раскопкой ближайшихъ слоевъ, и вскорѣ мнѣ удалось найти два почти такіе же экземпляра кремней темно-сѣроватаго цвѣта, одинъ изъ которыхъ былъ продолговатый, сплющенной лопаткообразной формы; а другой, болѣе выпуклый, былъ загнутъ на концѣ въ видѣ клюва, съ явными слѣдами характернаго скалыванія. Имѣя такимъ образомъ неопровержимое доказательство присутствія при костяхъ мамонта орудій доисторическаго человѣка палеолитической эпохи, доказывающихъ совмѣстное существованіе человѣка и мамонта, я немедленно извѣстилъ объ этомъ проф. Антоновича, который обѣщалъ посѣтить мѣсто находки.

Слѣдующіе три дня были употреблены на розыски новыхъ костей и предметовъ, что намъ и удалось; при тщательной очисткѣ найденныхъ костей, мы нашли еще 5 новыхъ кремневыхъ предметовъ, сходныхъ съ предыдущими. На третій день мѣсто раскопки посѣтили профессора Антоновичъ и Армашевскій, и осмотрѣвъ, какъ мѣсто находки, такъ и обнаруженныя нами кости, оставленныя на мѣстѣ нетронутыми, а также и найденные кремневые предметы, признали послѣдніе безспорно орудіями доисторическаго человѣка. Послѣ этого проф. Армашевскій очень часто посѣщалъ мѣсто раскопокъ, интересуясь ихъ дальнѣйшими результатами. Раскопки наши, благодаря прекрасной погодѣ и возбуждаемому ими въ насъ интересу, шли въ теченіе нѣсколькихъ дней довольно успѣшно. Къ сожалѣнію всѣмъ нашимъ находкамъ суждено было на этотъ разъ погибнуть безвозвратно. Мѣсто раскопокъ, въ виду громадности костей и глубины, на которой онѣ были найдены, приняло въ глазахъ окрестныхъ жителей какой-то фантастическій характеръ, и разнесшаяся молва о выкопанномъ мамонтѣ, каменныхъ ножахъ, стрѣлахъ и т. д. такъ заинтересовала толпу, что въ ближайшій праздничный день на мѣсто раскопки собралось множество празднаго народа, желавшаго посмотрѣть откопанныя чудеса. Такъ какъ разсматриваніе не ограничивалось однимъ созерцаніемъ предметовъ, а ихъ безъ всякой церемоніи начали передавать изъ рукъ въ руки, несмотря на запрещеніе находившагося тутъ сторожа, то послѣдній разсудилъ за благо выпроводить непрошенныхъ посѣтителей и запереть ворота на замокъ. Раздраженная толпа ворвалась въ усадьбу, уничтожая по пути все, что попадалось подъ руку. Результатомъ этого было полное разрушеніе всего, что оберегалось нами такъ тщательно: столбики земли, на которыхъ лежали выкопанныя кости, были уничтожены, кости вмѣстѣ съ зубами и клыками были разбросаны и отчасти унесены разсвирѣпѣвшей толпой.

Интересно замѣтить, что среди мѣстнаго населенія существовало убѣжденіе, что раскопки и собираніе найден-

ныхъ костей дѣлается съ какой-то практической медицинской цѣлью; мнѣ пришлось по этому поводу имѣть вслѣдъ за тѣмъ столкновеніе со старухой, собиравшей въ узелокъ найденныя нами кости и увѣрявшей, что она хорошо знаетъ, что я пользуюсь ими для лѣченія больныхъ, и что ей желательно дѣлать то же. Обстоятельство это принудило насъ отказаться на дальнѣйшее время отъ первоначальнаго плана оставлять всѣ найденныя кости и другіе предметы на мѣстѣ, въ томъ положеніи, въ которомъ они были найдены, до самаго окончанія раскопокъ; мы старались сохранять ихъ нетронутыми только до тѣхъ поръ, пока они не были срисованы или сфотографированы, такъ какъ съ этого времени по необходимости приходилось почти сейчасъ же убирать найденное, и только раза два—три удалось при помощи фотографіи обозначить нѣкоторыя части и общій видъ мѣста раскопокъ.....

По окончаніи описанныхъ раскопокъ была сдѣлана новая, весьма интересная находка въ той же палеолитической стоянкѣ, о которой мы говорили выше. На третичныхъ отложеніяхъ на разстояніи 120 м. отъ мѣста, гдѣ были первоначально встрѣчены кости мамонта, найдены непосредственно на синей глинѣ, на глубинѣ 21 м., вмѣстѣ съ попадающимися изрѣдка костями мамонта, относящіеся къ той же эпохѣ предметы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) на разстояніи 100 м. прекрасной сохранности черепъ носорога съ зубами въ верхней челюсти; 2) далѣе на 10—12 м. бивень молодого мамонта 1 м. 70 стм. длины, на всемъ протяженіи котораго выдолбленъ желобокъ 4 стм. ширины и 3 стм. глубины; края его покрыты безчисленнымъ множествомъ зарубокъ отъ сильныхъ ударовъ кремневымъ орудіемъ, а углубленіе въ наиболѣе широкой части клыка сглажено; 3) три нижнія челюсти и нѣсколько костей мамонта, части дерева, превратившагося почти въ бурый уголь, и два или три небольшихъ кремневыхъ осколка; 4) фрагментъ бивня мамонта, съ глубоко врѣзанными, довольно сложными изображеніями, между которыми можно различить какое-то щитоносное животное въ видѣ черепахи, птичью голову и нѣчто въ видѣ ладьи, и 5) части гигантскихъ стволовъ первобытнаго кедра, одинъ изъ которыхъ имѣлъ около 2 м. въ діаметрѣ. Стволы эти, въ количествѣ четырехъ, лежали рядомъ; при корняхъ ихъ, какъ бы стесанныхъ, замѣчались слѣды дѣйствія огня. Общій видъ ихъ производитъ впечатлѣніе того, что они были въ употребленіи— можетъ быть входили въ составъ столбовъ для какого-либо человѣческаго убѣжища. Всѣ эти находки перемежались костями и углемъ, какъ и раньше, но въ гораздо меньшемъ количествѣ противъ прежняго.

(Труды XI Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ 1899 г. т. I).

---

3. Графъ А. Уваровъ.

Раскопки въ с. Волосовѣ.

Самою любопытною стоянкою, по найденнымъ предметамъ, являются окрестности деревни Волосова, и на эту мѣстность необходимо обратить особое вниманіе.

На правомъ, поемномъ берегу впадаютъ въ Оку, насупротивъ Мурома, сперва рѣка Велетьма, потомъ верстъ пять далѣе рѣка Тёша. По случаю ежегодныхъ разливовъ Оки, образовались на этомъ низменномъ берегу затоны и старицы, почти параллельные съ теченіемъ рѣки; и въ одинъ изъ такихъ затоновъ вливается Велетьма. Если ѣхать изъ Мурома или изъ Карачарова поемными лугами до лѣваго берега Велетьмы, то, переѣхав-

ши Велетьму, мѣстность становится болѣе возвышенною и измѣняется совершенно въ общемъ характерѣ. Начиная съ праваго берега Велетьмы, вмѣсто поемныхъ луговъ и болотистыхъ мѣстъ, начинается рядъ песчаныхъ пригорковъ, за которыми замѣтны котловины, окаймленныя еще другими пригорками. Весенніе разливы иногда пробиваются въ эти котловины, но никогда не покрываютъ пригорковъ, такъ что они въ каменномъ періодѣ составляли, вѣроятно, тотъ песчаный, правый берегъ, до котораго постоянно доходила рѣка.

Съ праваго берега Велетьмы до мельницы тянется первая группа песчаныхъ пригорковъ, покрытыхъ нѣсколькими соснами и слоемъ дёрна. Тутъ въ осыпи берега попадаются глиняные черепки отъ сосудовъ, кремневые осколки и орудія. За мельницею продолжающійся рядъ пригорковъ обстроенъ въ началѣ избами деревни Волосова и только за послѣдними постройками, песчаный пригорокъ сохраняетъ свой прежній видъ съ рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ, который въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни кончается большою порубью, или такъ называемымъ Селищенскимъ боромъ... Тутъ песчаные пригорки или возвышенности обнажаютъ сыпучесть своихъ песковъ. Кое-гдѣ пески еще прикрыты тощимъ слоемъ дёрна, а кое-гдѣ стволами и корнями срубленныхъ сосенъ. Между оставленными стволами нѣтъ почти никакой травы, за то большіе обширные корни срубленныхъ сосенъ удерживаютъ песокъ отъ разрушенія. Впрочемъ, не смотря даже на содѣйствіе этихъ корней, при весеннемъ разливѣ, когда вода подымается въ затонѣ и подходитъ къ песчанымъ возвышенностямъ, то подымаетъ ихъ, и уноситъ съ собою песокъ. Такое же пагубное вліяніе имѣютъ проливные дожди и сильные вѣтры, и отъ того, послѣ такихъ размывовъ, обнажается большое количество каменныхъ орудій, звѣриныхъ костей и въ особенности глиняныхъ черепковъ.

Моя первая задача, при изслѣдованіи этой мѣстности, состояла въ опредѣленіи залеганій слоевъ, чтобы разъяснить ея настоящее значеніе для культуры каменнаго вѣка. Проведеніе пробныхъ канавъ дало слѣдующіе выводы. Подъ тонкимъ слоемъ растительной земли находился верхній слой, культурный, состоящій изъ песка темно-сѣраго цвѣта, съ угольями, костями отъ животныхъ, глиняными черепками и каменными орудіями. Онъ имѣетъ 16 дюймовъ и болѣе толщины. Вообще эта толщина культурнаго слоя весьма разнообразна. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ кажется всѣхъ толще, тамъ именно выступилъ онъ наружу, а верхняя часть его снесена вѣтромъ, или снесена при рубкѣ и корчевкѣ деревъ. Вообще сосны были тутъ срублены года четыре или пять до моего посѣщенія...

Любопытно, что культурный слой, несмотря на свою сыпучесть, сохранилъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не перекапывали искатели каменныхъ орудій, замѣчательную правильность въ порядкѣ расположенія предметовъ. На самой вершинѣ его, подъ самымъ слоемъ растительной земли, лежали предметы неолитической эпохи, какъ-то: красивые наконечники для стрѣлъ, костяныя орудія, шлифованныя орудія и камни, служившіе для шлифовки. За тѣмъ въ самомъ культурномъ слою находились: угли, вѣроятно остатки пищи, звѣриныя кости, рыбьи кости и рыбья чешуя, раковины, костяныя издѣлія и черепки отъ глиняныхъ сосудовъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ описанію всѣхъ этихъ предметовъ, я долженъ объяснить вторую задачу, которую я себѣ поставилъ при изслѣдованіи Селищенскаго бора. Такъ какъ для опредѣленія эпохи издѣлій камен-

наго періода очень важно знать, какая фауна была современна человѣку того времени, то я старался не только собрать, но и отрыть какъ можно болѣе звѣриныхъ остатковъ. Однако всѣ собранные остатки были не настолько характеричны сами по себѣ, чтобы ясно опредѣлить фауну этой эпохи, хотя были весьма любопытны въ отрицательномъ отношеніи, т.-е. по совершенному отсутствію всякихъ слѣдовъ главныхъ представителей мамонтовой фауны. Въ этомъ не остается никакого сомнѣнія, что фауна Волосова не принадлежитъ къ мамонтовой фаунѣ, и дальнѣйшія изслѣдованія И. С. Поляковымъ собранныхъ костей доставили слѣдующій списокъ животныхъ: медвѣдь, барсукъ, волкъ, лисица, куница лѣсная, бобръ, заяцъ, кабанъ, лось, быкъ. Изъ рыбъ: стерлядь, щука, лещь. Найдено было также нѣсколько птичьихъ костей, которыхъ нельзя было опредѣлить.

Разсматривая такой списокъ, нельзя, къ сожалѣнію, прійти ни къ какому положительному выводу для хронологіи эпохи волосовской стоянки. Всѣ кости, хотя древнія, но принадлежатъ къ породамъ доселѣ еще живущимъ въ окрестностяхъ Мурома, за исключеніемъ кабана и бобра. Конечно ни кабанъ, ни бобръ не водятся болѣе въ Муромскихъ лѣсахъ и по берегамъ Оки; но имѣются письменныя доказательства, что, еще въ концѣ XVII вѣка, существовали на Окѣ и даже у самаго Волосова на Велетьмѣ бобровые гоны...

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду характеристическое отсутствіе всякихъ остатковъ домашнихъ животныхъ. Хотя были найдены нѣкоторыя кости отъ быка, но онѣ такъ малочисленны, что несомнѣнно принадлежали дикому, случайно убитому быку. Въ противномъ случаѣ, если найденные остатки быка принадлежали бы къ прирученнымъ породамъ, то вмѣстѣ съ ними встрѣтились бы и кости собаки, какъ перваго признака прирученія животныхъ, и кости домашней свиньи, вмѣсто костей дикаго кабана. Конечно, послѣ этихъ замѣчаній, фауна Волосовской стоянки обрисовывается немного яснѣе, хотя она все-таки далеко не удовлетворительна для точнаго опредѣленія эпохи.

Могилы.—Продолжая отыскивать еще другіе признаки древности этой стоянки и узнавъ отъ работниковъ, что весенніе разливы, разрушая пески отдѣльной возвышенности, обнажали иногда человѣческія кости, я приставилъ сюда работниковъ, и приступилъ къ изслѣдованію этой возвышенности, раскапывая ее отвѣсными слоями. Такимъ образомъ обнаружились тутъ могилы, и удобно было наблюдать ихъ устройство. Всего найдено пять, и всѣ одинаковаго совершенно устройства, но съ различною сохранностію костяковъ. Въ однихъ я нашелъ черепъ довольно цѣльный и часть костей, въ другихъ, напротивъ, только слѣды остова, между тѣмъ какъ глиняные сосуды во всѣхъ могилахъ сохранились прекрасно.

Всѣ могилы расположены были подъ обширными корнями срубленыхъ сосенъ, такъ что корни защищали ихъ отъ размыва дождей и отъ разрушенія вѣтровъ, но зато сами корни, углубляясь въ мягкую землю могилъ, причиняли поврежденія костякамъ. Всѣ остовы протянуты были по направленію отъ в.-в.-юга къ з.-з.-сѣверу и лежали такъ, что голова была повернута на лѣвую щеку, а правая рука, загнутая, подпирала ладонью лѣвую щеку. Могилы были вырыты въ величину остова, и въ томъ же направленіи на в.-в.-югъ. Въ глубину онѣ имѣли отъ 120 до 135 сентиметровъ, и дно ихъ кончалось тамъ, гдѣ кончался слой бѣлаго глинистаго песка, никогда не достигая нижняго глинистаго слоя, желтоватаго цвѣта. На про-

тяженіи всего костяка лежалъ слой древеснаго угля въ 35 сентим. толщины и шириною въ 90 сентим., во всю ширину вырытой могилы. Надъ этимъ слоемъ угля, надъ мѣстомъ, гдѣ находилась голова, поставленъ былъ глиняный сосудъ, наполненный до верху сожженными звѣриными костями и окруженный такими же сожженными костями. На сожженныхъ костяхъ въ сосудѣ, на самой серединѣ, положенъ былъ кремневый наконечникъ изящной отдѣлки. Затѣмъ вся могила была досыпана, въ уровень съ поверхностью земли, тѣмъ темно-сѣрымъ пескомъ, который образуетъ, въ Селищенскомъ борѣ, культурный слой.

Первая открытая гробница, отъ которой сохранился черепъ, находилась подъ самыми корнями срубленной сосны. Надъ черепомъ стоялъ сосудъ, а на немъ положена была стрѣла. Остальная часть костяка до такой степени была снесена весенними разливами, что на мѣстѣ, при черепѣ, остались только: верхнія ребра, плечевыя кости, верхніе два позвонка и подъ лѣвою щекою кости отъ правой руки. Вообще, удалось добыть только одинъ полный черепъ, остатки двухъ другихъ и нѣсколько костей. Всѣ могилы, расположенныя въ одномъ направленіи, вырыты были одна возлѣ другой. Затѣмъ видно было, что на этомъ мѣстѣ обитатели стоянки не проводили время, потому что, кромѣ могилъ, тутъ не встрѣчается никакихъ другихъ остатковъ ихъ быта, ни осколковъ, ни ядрицъ, ни черепковъ отъ сосудовъ, ни даже угля.

Окончивъ описаніе пяти открытыхъ мною могилъ и видя совершенно одинаковое, даже типичное ихъ устройство, я полагаю, что, по всѣмъ признакамъ, ихъ можно признать за могилы одной и той же эпохи, вѣроятно неолитической. Я склоняюсь скорѣе къ неолитической эпохѣ, чѣмъ къ переходной, основывая свое мнѣніе на отдѣлкѣ стрѣлъ, которыя были положены въ эти могилы. Навѣрно, въ нихъ клали лучшіе образцы, и любопытно, что клали только по одной въ каждую могилу. Поэтому можно предположить, что такое число имѣло какое-то особое значеніе для человѣка неолитической эпохи. Другого толкованія трудно допустить, такъ какъ мысль о желаніи человѣка сберечь наконечники, какъ цѣнное для него орудіе, невозможна при тѣхъ тысячахъ наконечниковъ, которые приготовлялись на Окскихъ стоянкахъ и которые разбросаны по всѣмъ мѣстностямъ...

...Эти пять могилъ, не смотря на ничтожное ихъ число, раскрываютъ передъ нами совершенно новую сторону въ культурномъ развитіи человѣка этой эпохи. Изъ отвлеченныхъ понятій доселѣ я могъ указать въ человѣкѣ каменнаго періода только на проблески чувства изящнаго, которые проявлялись въ украшеніяхъ, или въ правильныхъ, симметрическихъ узорахъ на нѣкоторыхъ издѣліяхъ. Теперь же, изъ внимательнаго наблюденія этихъ могилъ, проявляется особая обрядность при погребеніи, въ которой можно даже уловить ясные слѣды извѣстныхъ религіозныхъ понятій...

(Графъ А. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. Т. 1.).

---

4. Геродотъ.

(V в. до Р. X.).

1. Населеніе Скиѳіи.

Никто не знаетъ въ точности, что находится выше земли, о которой у насъ начата рѣчь: я не могу найдти никого, кто бы сказалъ, что знаетъ эти страны какъ очевидецъ; даже Аристей, о которомъ я немного ранѣе упомянулъ, даже онъ въ своей поэмѣ говоритъ, что не проникалъ далѣе земли Иссидоновъ, а о странахъ, лежащихъ

выше, говорилъ по слухамъ, утверждая, что такъ говорили Иссидоны. А что намъ доподлинно удалось узнать по слухамъ до самыхъ отдаленныхъ странъ, это все будетъ здѣсь разсказано.

Начиная отъ торжища Борисѳенитовъ (это самый срединный изъ приморскихъ пунктовъ всей Скиѳіи), первыми живутъ Каллиппиды, являющіеся Еллинами-Скиѳами, а выше ихъ другое племя, которое именуется Алазонами. Эти послѣдніе, какъ и Каллиппиды, въ прочихъ отношеніяхъ живутъ одинаково со Скиѳами, но сѣютъ и употребляютъ въ пищу хлѣбъ, а также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѳы-пахари, которые сѣютъ хлѣбъ не для собственнаго употребленія въ пищу, а на продажу. Выше ихъ живутъ Невры, а страна, лежащая къ сѣверу отъ Невровъ, на сколько мы знаемъ, не заселена людьми.

Эти племена живутъ по рѣкѣ Гипаниду [1]) къ западу отъ Борисѳена [2]); а если переправиться черезъ Борисѳенъ со стороны моря, то, во-первыхъ, будетъ Полѣсье, а отъ него вверхъ живутъ Скиѳы-земледѣльцы, которыхъ Еллины, живущіе на рѣкѣ Гипанидѣ, называютъ Борисѳенитами, а самихъ себя эти еллины зовутъ Ольвіополитами. Эти Скиѳы-земледѣльцы къ востоку занимаютъ пространство на 3 дня пути вплоть до рѣки, носящей названіе Пантикапа, а къ сѣверу пространство 11-ти дней плаванія вверхъ по Борисѳену. Надъ ними уже на обширное пространство раскинулась пустыня; за пустынею живутъ Андрофаги (Людоѣды), особое племя, вовсе не скиѳское. Выше ихъ лежитъ уже настоящая пустыня, и тамъ не живетъ, на сколько намъ извѣстно, ни одинъ народъ.

Къ востоку отъ этихъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, за рѣкою Пантикапомъ, обитаютъ уже Скиѳы-кочевники, ничего не сѣющіе и не пашущіе; вся эта страна лишена деревьевъ за исключеніемъ Полѣсья. Эти кочевники къ востоку занимаютъ область на 14 дней пути, простирающуюся до рѣки Герра.

По ту сторону Герра находятся такъ называемыя царскія владѣнія и живутъ самые лучшіе и многочисленные Скиѳы, считающіе прочихъ Скиѳовъ своими рабами. Занимаемая ими мѣстность простирается къ югу до Таврики, а къ востоку—до рва, который выкопали потомки слѣпыхъ, и до торжища при Мэотійскомъ озерѣ, называемаго Кримналіи; частію же ихъ владѣнія простираются до рѣки Танаида. Мѣстности, лежащія къ сѣверу отъ царскихъ Скиѳовъ, занимаютъ Меланхлэны (Черноризцы), особое, не скиѳское племя. Выше Меланхлэновъ, на сколько намъ извѣстно, лежатъ озера и безлюдная пустыня.

За рѣкою Танаидомъ уже не скиѳская земля; первый изъ тамошнихъ участковъ земли принадлежитъ Савроматамъ, которые, начиная отъ угла Мэотійскаго озера, занимаютъ пространство на 15 дней пути къ сѣверу; во всей этой землѣ нѣтъ ни дикихъ, ни садовыхъ деревьевъ. Выше Савроматовъ на второмъ участкѣ живутъ Будины, занимающіе мѣстность, сплошь покрытую разнороднымъ лѣсомъ...

По берегамъ Понта Евксинскаго, куда выступалъ походомъ Дарій, обитаютъ племена, за исключеніемъ скиѳскаго, несравненно болѣе грубыя, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ. Мы не можемъ указать ни одно племя по сю сторону Понта, которое бы выдавалось по уму, и не знаемъ ни одного замѣчательнаго человѣка, за исключеніемъ развѣ скиѳскаго народа и Анахарсиса. Впрочемъ и у скиѳскаго народа одно только, но самое важное изъ человѣческихъ дѣлъ придумано наиболѣе мудро изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ на-

---

[1]) Бугъ.

[2]) Днѣпръ.

родовъ, а остальное у нихъ не заслуживаетъ вниманія. Эта самая важная особенность Скиѳовъ состоитъ въ томъ, что никакой врагъ, напавшій на нихъ, не можетъ ни спастись отъ нихъ бѣгствомъ, ни захватить ихъ, если они не захотятъ быть открытыми: вѣдь народу, у котораго нѣтъ ни городовъ, ни укрѣпленій, который свои жилища переноситъ съ собою, гдѣ каждый—конный стрѣлокъ, гдѣ средства къ жизни добываются не земледѣліемъ, а скотоводствомъ, и жилища устраиваются на повозкахъ,—такому народу какъ не быть непобѣдимымъ и неприступнымъ?

2. Обычаи Скиѳовъ.

Такъ какъ скиѳская земля очень бѣдна лѣсомъ, то Скиѳами придуманъ слѣдующій способъ варенія мяса: содравъ съ животнаго кожу, очищаютъ кости отъ мяса, затѣмъ кладутъ его въ котлы туземнаго издѣлія, если таковые случится имѣть; эти котлы болѣе всего походятъ на Лесвійскія чаши, только гораздо больше ихъ; вложивъ мясо въ эти котлы, зажигаютъ кости животныхъ и на нихъ варятъ мясо; если котла не окажется, то вкладываютъ все мясо въ желудки животныхъ, подливаютъ воды и зажигаютъ кости; онѣ горятъ отлично, а очищенное отъ костей мясо легко умѣщается въ желудкѣ. Такимъ образомъ быкъ самъ себя варитъ, а равно и всѣ другія жертвенныя животныя. Когда мясо сварится, то жертвоприноситель, посвятивъ божеству самые лучшіе куски мяса и внутренностей, бросаетъ ихъ впередъ. Въ жертву приносится всякій скотъ, а особенно лошади.

Такимъ именно образомъ и такихъ животныхъ Скиѳы приносятъ другимъ богамъ, а жертвоприношенія Арею совершаютъ они слѣдующимъ образомъ: въ каждой области по околоткамъ построены у нихъ слѣдующія святилища Арея: связки хвороста накладываются одна на другую на пространствѣ 3-хъ стадій въ длину и ширину, а въ вышину нѣсколько меньше; на верху устраивается четыреугольная площадка; три стороны кургана дѣлаются отвѣсными, а съ одной есть доступъ. Ежегодно привозятъ полтораста возовъ хвороста, потому что отъ непогоды это сооруженіе постоянно осѣдаетъ. На каждомъ такомъ курганѣ водруженъ старинный желѣзный мечъ, и онъ-то служитъ кумиромъ Арея. Этому мечу они ежегодно приносятъ въ жертву рогатый скотъ и лошадей. Сверхъ такихъ жертвоприношеній, которыя совершаются и прочимъ божествамъ, въ честь Арея они приносятъ еще слѣдующія: изъ числа плѣнныхъ враговъ приносятъ ему каждаго сотаго мужчину, но не тѣмъ же способомъ какъ скотъ, а инымъ: совершивъ возліяніе надъ головами жертвъ виномъ, они рѣжутъ ихъ надъ сосудомъ, затѣмъ несутъ кровь на вершину кучи хвороста и обливаютъ ею мечъ; на верхъ они относятъ кровь, а внизу у святилища совершаютъ слѣдующее: отрубивъ у всѣхъ убитыхъ людей правыя плечи съ руками, бросаютъ ихъ въ воздухъ, затѣмъ, совершивъ другія жертвоприношенія, удаляются; каждая рука остается тамъ, гдѣ упадаетъ, а туловище лежитъ отдѣльно...

Военные обычаи у нихъ таковы: Скиѳъ пьетъ кровь перваго убитаго имъ врага, а головы всѣхъ убитыхъ имъ въ сраженіи относятся къ царю, потому что принесшій голову получаетъ долю захваченной добычи, а не принесшій не получаетъ. Съ головы онъ сдираетъ кожу... Многіе Скиѳы изъ содранныхъ кожъ дѣлаютъ себѣ для одѣянія плащи, сшивая ихъ какъ козьи шкурки. Многіе также, содравъ кожу вмѣстѣ съ ногтями съ правыхъ рукъ убитыхъ непріятелей, дѣлаютъ покрышки для колчановъ. Человѣческая кожа, дѣйствительно, и толста и блестяща; блестящею бѣлизною

она превосходитъ почти всѣ другія кожи...

Таковы у Скиѳовъ обычаи относительно кожи, а съ головами враговъ, впрочемъ не всѣхъ, а только злѣйшихъ, они обращаются слѣдующимъ образомъ: отпиливъ всю часть черепа до бровей, Скиѳъ очищаетъ его и затѣмъ, если онъ бѣденъ, то только снаружи обтягиваетъ его сырою воловьею кожей и пользуется имъ въ такомъ видѣ, а если богатъ, то обтягиваетъ черепъ кожею, покрываетъ изнутри позолотою и въ такомъ видѣ употребляетъ вмѣсто чаши. Такъ поступаютъ они и съ родственниками, если разссорятся съ ними... Когда явятся гости, которымъ Скиѳъ желаетъ оказать вниманіе, то онъ приноситъ такіе черепа и разсказываетъ, что это были его родственники, но вступили съ нимъ въ борьбу и онъ одержалъ надъ ними верхъ. Это разсказывается, какъ геройскій подвигъ.

Ежегодно по разу каждый начальникъ въ своей области приготовляетъ чашу вина, изъ которой пьютъ только тѣ Скиѳы, которые умертвили враговъ; тѣ, которымъ не удалось этого сдѣлать, не вкушаютъ этого вина и, какъ обезчещенные, садятся отдѣльно; это для нихъ величайшій позоръ. Напротивъ, тѣ изъ нихъ, которымъ удалось убить очень много враговъ, получаютъ по двѣ чаши и пьютъ изъ обѣихъ разомъ...

Царскія гробницы находятся въ Геррахъ, до которыхъ судоходенъ Борисѳенъ. Когда у нихъ умретъ царь, здѣсь выкапываютъ большую четырехугольную яму, изготовивъ ее, намазываютъ трупъ покойнаго воскомъ, разрѣзываютъ животъ, вычищаютъ его, наполняютъ рубленнымъ куперомъ, ладаномъ, сѣменами сельдерея, анисомъ, затѣмъ снова зашиваютъ, берутъ трупъ и на повозкѣ везутъ къ другому племени. Тѣ, къ которымъ привезутъ покойника, дѣлаютъ то же, что и царскіе Скиѳы: отрѣзаютъ себѣ часть уха, обстригаютъ кругомъ волосы, надрѣзываютъ руки, расцарапываютъ лобъ и носъ и протыкаютъ стрѣлы сквозь лѣвую руку. Оттуда везутъ на повозкѣ трупъ царя къ другому подвластному имъ племени, при чемъ тѣ, къ которымъ пріѣзжали раньше, слѣдуютъ за ними. Объѣхавъ такимъ образомъ съ трупомъ всѣхъ, они пріѣзжаютъ къ Геррамъ, которые изъ всѣхъ подвластныхъ народовъ живутъ на самой отдаленной окраинѣ и въ землѣ которыхъ находится кладбище. Здѣсь кладутъ трупъ въ могилу на подстилкѣ, по обѣимъ сторонамъ его втыкаютъ копья, на нихъ кладутъ доски и покрываютъ ихъ камышемъ, а въ остальномъ пространствѣ могилы хоронятъ одну изъ (женъ) царя, предварительно задушивъ ее, а также виночерпія, повара, конюха, слугу, вѣстника, лошадей, по отборной штукѣ всякаго другого скота и золотыя чаши (серебро и мѣдь вовсе не употребляется); послѣ всего этого они всѣ вмѣстѣ насыпаютъ большой курганъ, всячески стараясь сдѣлать его какъ можно больше.

По прошествіи года снова совершаютъ слѣдующее: изъ оставшихся слугъ выбираютъ самыхъ способныхъ (они природные Скиѳы, ибо царю служатъ тѣ, которымъ онъ самъ прикажетъ, а покупныхъ рабовъ у нихъ вовсе нѣтъ) и изъ этихъ слугъ 50 человѣкъ, а также 50 отборнѣйшихъ коней задушаютъ, затѣмъ, вынувъ внутренности и очистивъ животъ, наполняютъ ихъ мякиною и зашиваютъ; потомъ укрѣпляютъ на двухъ столбахъ половину колеса ободомъ внизъ, а другую половину на двухъ другихъ столбахъ; сколотивъ такимъ образомъ много такихъ станковъ, протыкаютъ сквозь лошадей, во всю длину ихъ до самой шеи, толстые колья и поднимаютъ лошадей на эти колеса такъ, что передними полукружіями поддерживаются плечи лошадей, задними—животы у бедеръ, а обѣ пары ногъ свѣшиваются внизъ, недоставая до земли; затѣмъ накидываютъ на

лошадей уздечки съ удилами, протягиваютъ ихъ впередъ и привязываютъ къ колышкамъ. Наконецъ каждаго изъ 50 удавленныхъ юношей сажаютъ на лошадь слѣдующимъ образомъ: въ трупъ каждаго протыкаютъ вдоль позвоночнаго столба прямой колъ до самой шеи; выдающійся внизъ конецъ этого кола втыкаютъ въ дыру, просверленную въ другомъ колѣ, проткнутомъ сквозь трупъ лошади. Разставивъ вокругъ могилы такихъ всадниковъ, Скиѳы расходятся.

Такъ хоронятъ Скиѳы своихъ царей; въ случаѣ же смерти одного изъ прочихъ Скиѳовъ ближайшіе родственники обвозятъ покойника на повозкѣ по всѣмъ его друзьямъ; каждый изъ нихъ устраиваетъ угощеніе провожатымъ, при чемъ и покойнику предлагаетъ часть всѣхъ яствъ, которыя предлагаетъ другимъ. Частныхъ лицъ возятъ такимъ образомъ сорокъ дней, а затѣмъ хоронятъ...

У Невровъ обычаи скиѳскіе... Можно думать, что эти люди колдуны: по крайней мѣрѣ по словамъ Скиѳовъ и живущихъ въ Скиѳіи Еллиновъ каждый Невръ ежегодно по разу на нѣсколько дней становится волкомъ и затѣмъ опять принимаетъ прежній видъ. Мнѣ не вѣрится, чтобы эти разсказы были справедливы, но тѣмъ не менѣе такъ говорятъ и даже подъ клятвою.

Изъ всѣхъ людей Андрофаги имѣютъ наиболѣе дикіе нравы: они не признаютъ правды и не имѣютъ никакихъ законовъ. Они ведутъ кочевую жизнь, носятъ одежду похожую на скиѳскую, но имѣютъ особый языкъ; они одни изъ этихъ племенъ ѣдятъ людей.

Меланхлэны всѣ носятъ черныя одежды, отъ которыхъ и произошло ихъ названіе, а образъ жизни у нихъ скиѳскій...

Будины, исконные обитатели страны, ведутъ кочевой образъ жизни и одни изъ мѣстныхъ племенъ питаются сосновыми шишками... Вся ихъ страна покрыта разнородными лѣсами; въ самомъ большомъ лѣсу есть большое и многоводное озеро, окруженное трясиною и тростникомъ. Въ немъ ловятся выдры, бобры и другіе звѣри съ четыреугольными мордами: ихъ мѣха употребляются на опушку кафтановъ...

(В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Томъ I).

---

5. Гиппократъ.

(V в. до Р. Х.)

О Скиѳахъ.

Въ Европѣ есть скиѳскій народъ, живущій вокругъ озера Мэотиды и отличающійся отъ другихъ народовъ. Названіе его Савроматы. Ихъ женщины ѣздятъ верхомъ, стрѣляютъ изъ луковъ и мечутъ дротики, сидя на коняхъ, и сражаются съ врагами, пока онѣ въ дѣвушкахъ; а замужъ онѣ не выходятъ, пока не убьютъ трехъ непріятелей... Та, которая выйдетъ замужъ, перестаетъ ѣздить верхомъ, пока не явится необходимость поголовно выступать въ походъ...

Такъ называемая „Скиѳская пустыня“ представляетъ собою равнину, изобилующую травою, но лишенную деревьевъ и умѣренно орошенную: по ней текутъ большія рѣки, которыя отводятъ воду съ степей. Здѣсь-то и живутъ Скиѳы; называются они кочевниками потому, что у нихъ нѣтъ домовъ, а живутъ они въ кибиткахъ, изъ которыхъ наименьшія бываютъ четырехколесныя, а другія—шестиколесныя; онѣ кругомъ закрыты войлоками и устроены подобно домамъ, однѣ съ двумя, другія съ тремя отдѣленіями; онѣ непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для снѣга, ни для вѣтровъ. Въ эти повозки запрягаютъ по двѣ и по три пары безрогихъ воловъ:

рога у нихъ не растутъ отъ холода. Въ такихъ кибиткахъ помѣщаются женщины, мужчины ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ; за ними слѣдуютъ ихъ стада овецъ и коровъ и табуны лошадей. На одномъ мѣстѣ они остаются столько времени, пока хватаетъ травы для стадъ, а когда ея не хватитъ, переходятъ въ другую мѣстность. Сами они ѣдятъ вареное мясо, пьютъ кобылье молоко и ѣдятъ „иппаку“ (это сыръ изъ кобыльяго молока).

Таковъ образъ жизни и обычаи Скиѳовъ.

(В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Томъ I).

6. Страбонъ.

(I в. до Р. Х.—I в. послѣ Р. Х.).

1. О скиѳахъ. [1])

Гомеръ, говорятъ они, по незнанію не упоминаетъ о Скиѳахъ и ихъ жестокости къ иностранцамъ, которыхъ они приносили въ жертву, мясо съѣдали, а черепа употребляли вмѣсто чашъ, почему и Понтъ назывался Негостепріимнымъ, а напротивъ-де онъ выдумываетъ какихъ-то дивныхъ Доителей кобылицъ, Млекоѣдовъ и Авіевъ, справедливѣйшихъ смертныхъ, нигдѣ не существующихъ на землѣ. Но какимъ же образомъ древніе называли Понтъ Негостепріимнымъ, если не знали этой дикости и самихъ людей, наиболѣе ею отличавшихся? А это, конечно, Скиѳы. Раньше за Мисійцами, Ѳракійцами и Гетами не жили ни Доители кобылицъ, ни Млекоѣды и Авіи? Да вѣдь и нынѣ существуютъ такъ называемые Амаксики и Номады, которые питаются домашнимъ скотомъ, молокомъ и сыромъ, особенно кобыльимъ, не имѣя и понятія о запасахъ и мелочной торговлѣ, за исключеніемъ обмѣна товара на товаръ. Какъ же поэтъ не зналъ Скиѳовъ, когда онъ упоминаетъ о какихъ-то Доителяхъ кобылицъ и Млекоѣдахъ? А что въ тѣ времена ихъ называли „Доителями кобылицъ“—объ этомъ свидѣтельствуетъ и Гесіодъ въ приведенныхъ Эратосѳеномъ стихахъ: „(Онъ видѣлъ) Эѳіоповъ, Лигіевъ и Скиѳовъ, доителей кобылицъ“.

Далѣе, что же удивительнаго, если, имѣя въ виду, что у насъ нерѣдко бываютъ несправедливости въ торговыхъ договорахъ, Гомеръ называетъ справедливѣйшими и дивными мужами тѣхъ, которые совсѣмъ не занимаются торговыми дѣлами или составленіемъ капитала, но всѣмъ владѣютъ сообща, кромѣ мечей и чашъ для питья... Эсхилъ также явно согласенъ съ Гомеромъ, говоря о Скиѳахъ: „но питающіеся кобыльимъ сыромъ и пользующіеся хорошими законами Скиѳы“. Такое мнѣніе и теперь еще существуетъ у Еллиновъ. Дѣйствительно, мы ихъ считаемъ очень прямодушными, совсѣмъ безхитростными и гораздо болѣе насъ умѣренными и довольными своимъ положеніемъ. Надо сказать, что нашъ образъ жизни почти у всѣхъ произвелъ перемѣну къ худшему, внося роскошь, страсть къ удовольствіямъ и для удовлетворенія этихъ страстей множество безнравственныхъ средствъ къ обогащенію. Такая испорченность нравовъ въ значительной степени проникла и къ варварамъ, между прочимъ и къ Номадамъ. Послѣдніе со времени знакомства съ моремъ сразу сдѣлались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцевъ и, вступая въ сношенія со многими народами, перенимаютъ отъ нихъ роскошь и торгашество; хотя это, повидимому, и способствуетъ смягченію дикости, однако портитъ нравы и на мѣсто простоду-

[1]) Страбонъ споритъ съ греческими писателями, нападавшими на Гомера за его ложныя свѣдѣнія о скиѳахъ; Страбонъ считаетъ эти обвиненія неправильными и защищаетъ отъ нихъ Гомера.

шія, о которомъ мы только что говорили, вводитъ коварство.

Но Скиѳы былыхъ временъ, преимущественно близкіе къ временамъ Гомеровскимъ, были и считались у Еллиновъ дѣйствительно такими, какими ихъ изображаетъ Гомеръ... Поэтому-то и Анахарсисъ, Аварисъ и нѣкоторые другіе Скиѳы, имъ подобные, пользовались большой славой среди Еллиновъ, ибо они обнаруживали характерныя черты своего племени: любезность, простоту, справедливость...

2. Греческія колоніи на Черномъ морѣ.

Если плыть изъ Тамиракскаго залива, то влѣво будетъ городокъ и другая гавань Херсонесцевъ. Затѣмъ, если плыть вдоль берега, къ югу выдается большой мысъ, составляющій часть цѣлаго Херсонеса. На немъ расположенъ городъ Гераклеотовъ, колонія живущихъ на южномъ берегу Понта, называемый такъ же Херсонесомъ (т.-е. полуостровомъ). Въ этомъ городѣ есть святилище Дѣвы, какой-то богини, имя которой носитъ и находящійся передъ городомъ, на разстояніи 100 стадій, мысъ, называемый Парѳеніемъ (т.-е. Дѣвинымъ). Въ святилищѣ находится храмъ богини и статуя. Между городомъ и мысомъ есть 3 гавани; затѣмъ слѣдуетъ древній Херсонесъ, лежащій въ развалинахъ, а за нимъ бухта съ узкимъ входомъ, возлѣ которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны Тавры, скиѳское племя, нападавшее на тѣхъ, которые спасались въ эту бухту; называется она бухтою Символовъ. Она съ другой бухтой, называемой Ктенунтомъ, образуетъ перешеекъ въ 40 стадій.

За вышеупомянутой горной областью лежитъ городъ Ѳеодосія съ плодородной равниной и гаванью, пригодною даже для сотни судовъ... Затѣмъ слѣдуетъ плодородная страна до Пантикапэя, столицы Воспорянъ, построенной на устьѣ Мэотиды. Отъ Ѳеодосіи до Пантикапэя около 530 стадій; вся эта земля богата хлѣбомъ, имѣетъ деревни и городъ съ хорошей гаванью, называемый Нимфэй. Пантикапэй представляетъ собою холмъ, со всѣхъ сторонъ заселенный, окружностью въ 20 стадій; съ восточной стороны отъ него находится гавань и доки приблизительно для 30 кораблей, есть также акрополь; основанъ онъ Милетянами...

Что же касается Херсонеса, то за исключеніемъ горной области на морскомъ берегу до Ѳеодосіи вся остальная часть его представляетъ равнину съ хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлѣбомъ: земля, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, даетъ урожай самъ-тридцать. Жители давали въ день Митридату 180.000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра вмѣстѣ съ азіатскими мѣстечками возлѣ Синдики. И въ прежнія времена отсюда вывозился хлѣбъ къ Еллинамъ, подобно тому какъ соленая рыба изъ Мэотиды. Разсказываютъ, что Левконъ послалъ изъ Ѳеодосіи Аѳинянамъ 2,100,000 медимновъ. Эти самые жители полуострова спеціально назывались Земледѣльцами вслѣдствіе того, что народы, обитавшіе выше ихъ, были Номады, питавшіеся мясомъ разныхъ животныхъ, преимущественно же конной, а также кобыльимъ сыромъ, молокомъ и сывороткой (послѣдняя, будучи особымъ образомъ приготовлена, составляетъ для нихъ лакомство). Поэтому-то поэтъ и называлъ всѣхъ здѣшнихъ жителей Млекоѣдами. Номады занимаются больше войною, чѣмъ разбоемъ, и войны ведутъ изъ-за дани: предоставивъ землю во владѣніе желающимъ заниматься земледѣліемъ, они довольствуются полученіемъ условленной умѣренной дани, не для наживы, а для удовлетворенія

ежедневныхъ жизненныхъ потребностей; въ случаѣ же неуплаты денегъ арендаторами, начинаютъ съ ними войну. Вотъ почему поэтъ назвалъ этихъ самыхъ людей и справедливыми и вмѣстѣ неимущими средствъ. Дѣйствительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно имъ уплачиваемы. А не платятъ имъ тѣ, которые увѣрены въ своихъ силахъ, такъ что могутъ или легко отразить нападающихъ, или воспрепятствовать вторженію... Земледѣльцы же, хотя и слывутъ въ отношеніи воинственности за людей болѣе мирныхъ и болѣе цивилизованныхъ, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь съ моремъ, не воздерживаются отъ разбоя и тому подобныхъ незаконныхъ средствъ къ обогащенію.

Кромѣ перечисленныхъ пунктовъ въ Херсонесѣ существовали и укрѣпленія, которыя построилъ Скилуръ и его сыновья и которыя служили для нихъ опорными пунктами въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Миѳридатовыхъ воеводъ, именно Палакій, Хавъ и Неаполь. Былъ также и Евпаторій, основанный Діофантомъ, полководцемъ Митридата. На разстояніи около 15 стадій отъ стѣны Херсонесцевъ есть мысъ, образующій заливъ порядочной величины, направляющійся къ городу. Выше его лежитъ морское болото съ солеварней. Здѣсь былъ и портъ Ктенунтъ.

(В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I.)

---

7. Павзаній.

(II в. по Р. X.)

О сарматахъ.

Здѣсь (т.-е. въ святилищѣ Асклепія въ Аѳинахъ), кромѣ другихъ даровъ, посвященъ Сарматскій панцырь. Взглянувъ на него, можно сказать, что варвары способны къ искусствамъ ничуть не менѣе Еллиновъ. У Савроматовъ нѣтъ желѣза, ни добываемаго ими самими, ни привознаго; ибо они менѣе всѣхъ мѣстныхъ варваровъ вступаютъ въ сношенія съ иностранцами. Но они нашли способъ восполнить этотъ недостатокъ: на копьяхъ у нихъ костяныя острія вмѣсто желѣзныхъ, луки и стрѣлы деревянные, а наконечники стрѣлъ также костяные; на попавшихся имъ враговъ они накидываютъ арканы и затѣмъ, повернувъ лошадей, опрокидываютъ попавшихся въ арканы.

Панцыри дѣлаютъ они слѣдующимъ образомъ: каждый изъ нихъ держитъ много лошадей, такъ какъ земля ихъ не раздѣлена на участки и ничего не производитъ, кромѣ дикой растительности, такъ какъ они ведутъ кочевой образъ жизни. Лошадей они употребляютъ не только для войны, но и приносятъ въ жертву туземнымъ богамъ и употребляютъ въ пищу. Ихъ копыта они собираютъ, очищаютъ, разрѣзаютъ и дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ змѣиной чешуи. Кому не случалось еще видѣть змѣи, тотъ навѣрное видалъ еще зеленыя сосновыя шишки: итакъ съ бороздками, виднѣющимися на сосновой шишкѣ, можно, пожалуй, безошибочно сравнить то, что дѣлается изъ копытъ; эти пластинки они просверливаютъ, сшиваютъ лошадиными и бычачьими жилами и употребляютъ въ качествѣ панцырей, которые ни красотой, ни крѣпостью не уступаютъ Еллинскимъ: они выдерживаютъ даже удары и раны, наносимыя въ рукопашную...

(В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I.)

---

8. Климентъ Александрійскій.

(II — III в. по Р. X.)

О скиѳахъ.

...Племена Кельтовъ и Скиѳовъ носятъ длинные волосы, но не употре-

бляютъ украшеній; густые волосы варвара внушаютъ страхъ, а ихъ рыжій цвѣтъ, похожій на кровь, грозитъ войною. И тѣ, и другіе изъ этихъ варваровъ ненавидятъ роскошь: достовѣрными свидѣтелями этого Германецъ представитъ Реінъ, а Скиѳъ—повозку. Иногда, впрочемъ, Скиѳъ пренебрегаетъ и повозкой: ея величина кажется варвару богатствомъ и, оставивъ роскошь, Скиѳъ живетъ дешево въ домѣ самодовлѣющемъ и болѣе легкомъ, чѣмъ повозка: взявъ коня и сѣвъ на него, Скиѳъ несется, куда хочетъ; мучимый голодомъ, онъ требуетъ пищи у коня,—и послѣдній, предоставивъ ему свои жилы, отдаетъ господину все, что имѣетъ,—свою кровь; такимъ образомъ конь является для кочевника и средствомъ передвиженія, и пищею.

(В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I.)

---

9. Гражданская присяга Херсонесцевъ.

(III в. до Р. Х.)

Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ и землею и укрѣпленіями Херсонаситовъ: я буду единомысленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ (ни) Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочихъ укрѣпленій, ни изъ прочей земли, коею Херсонаситы владѣютъ или владѣли, ничего никому, ни Еллину, ни варвару, но сохраню народу Херсонаситовъ; и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вмѣстѣ (съ нимъ), но заявлю городскимъ дамiургамъ; и врагомъ буду злоумышляющему и предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонесъ или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрѣпленія и область Херсонаситовъ; и буду служить димiургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ; и... народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни Еллину, ни варвару, что можетъ повредить городу; и дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ; и не замыслю никакого неправеднаго дѣянія противъ кого-либо изъ гражданъ не отпавшихъ, и замышляющему (не дозволю и не утаю ничего ни съ кѣмъ), но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ; и въ заговоръ не вступлю ни противъ общины Херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народу; если же я съ кѣмъ-либо вступилъ въ заговоръ и если связанъ какою-либо клятвою или обѣтомъ, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а пребывающему—обратное; и если я узнаю какой-либо заговоръ существующій и составляющійся, то заявлю дамiургамъ; и хлѣба вывознаго съ равнины не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины, но (только) въ Херсонесъ. Зевсъ и Земля и Солнце и Дѣва и боги Олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ да будетъ благо и самому и роду и моимъ, а не пребывающему — зло и самому и роду и моимъ, и да не приноситъ мнѣ плода ни земля, ни море, ни женщины да не (благорождаютъ)...

(Найдена на камнѣ, на которомъ была высѣчена, при раскопкахъ на мѣстѣ Херсонеса, въ Крыму. В. Латышевъ. „Pontica").

---

10. Діонъ Хризостомъ.

(I—II в. по Р. Х.)

Борисѳенитская рѣчь,

прочитанная въ отечествѣ.

Случилось мнѣ лѣтомъ быть въ Борисѳенѣ [1]), когда я послѣ изгнанія

[1]) Ольвія.

прибылъ туда моремъ, имѣя въ виду, если можно будетъ, пробраться чрезъ Скиѳію къ Гетамъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. И вотъ я въ рыночный часъ прогуливался по берегу Гипанида...

Городъ Борисѳенитовъ по величинѣ не сотвѣтствуетъ своей прежней славѣ вслѣдствіе неоднократныхъ раззореній и войнъ: находясь уже такъ давно среди варваровъ и притомъ почти самыхъ воинственныхъ, онъ постоянно подвергался нападеніямъ и нѣсколько разъ уже былъ взятъ врагами; послѣднее и самое сильное раззореніе его было не болѣе какъ за 150 лѣтъ...

Вслѣдствіе этого-то дѣла тамошнихъ Еллиновъ пришли въ крайній упадокъ: одни города совсѣмъ не были возстановлены, другіе—въ плохомъ видѣ, и при этомъ нахлынула въ нихъ масса варваровъ. Много сдѣлано было захватовъ во многихъ частяхъ еллинскаго міра, разсѣяннаго по разнымъ мѣстамъ. Послѣ разгрома Борисѳениты снова заселили городъ, какъ мнѣ кажется, по желанію Скиѳовъ, нуждавшихся въ торговлѣ и посѣщеніяхъ Еллиновъ, которые по разрушеніи города перестали пріѣзжать туда, такъ какъ не находили соплеменниковъ, которые могли бы ихъ принять, а сами Скиѳы не желали и не умѣли устроить имъ торговое мѣсто по еллинскому образцу.

О бывшемъ раззореніи свидѣтельствуютъ плохой видъ построекъ и тѣсное расположеніе города на небольшомъ пространствѣ: онъ пристроенъ лишь къ небольшой части прежней городской черты, гдѣ остается еще нѣсколько башенъ, не соотвѣтствующихъ ни величинѣ, ни силѣ нынѣшняго города; находящееся между ними пространство тѣсно застроено домишками почти безъ промежутковъ и обнесено очень низенькою и непрочною стѣнкою. Нѣкоторыя башни стоятъ такъ далеко отъ заселенной нынѣ мѣстности, что нельзя даже представить себѣ, чтобы онѣ принадлежали одному городу. Все это служитъ явными признаками его раззоренія, и затѣмъ еще то, что въ храмахъ не осталось ни одной цѣлой статуи, но всѣ онѣ изуродованы, равно какъ и бывшія на надгробныхъ памятникахъ.

Итакъ я сказалъ, что мнѣ случилось прогуливаться передъ городомъ. Нѣкоторые изъ Борисѳенитовъ по обыкновенію выходили ко мнѣ изъ города; потомъ Каллистратъ, возвращаясь верхомъ въ городъ извнѣ, сначала проѣхалъ мимо насъ, затѣмъ, немного опередивъ, слѣзъ съ коня и, передавъ его ѣхавшему съ нимъ слугѣ, самъ очень вѣжливо подошелъ, спрятавъ руку подъ плащъ. Онъ былъ опоясанъ большимъ всадническимъ мечемъ, одежду его составляли шаровары и прочее скиѳское убранство, на плечахъ былъ небольшой, тонкій черный плащъ, какой обыкновенно носятъ Борисѳениты...

Каллистрату было лѣтъ 18, онъ былъ очень красивъ и высокъ и въ наружности имѣлъ много іоническаго. Про него говорили, что онъ храбръ на войнѣ и многихъ Савроматовъ или убилъ, или взялъ въ плѣнъ; кромѣ того онъ прилежно занимался краснорѣчіемъ и философіей, такъ что даже выражалъ желаніе уѣхать вмѣстѣ со мною; благодаря всему этому онъ пользовался хорошею репутаціею у согражданъ...

Зная, что Каллистратъ почитатель Гомера, я тотчасъ заговорилъ о немъ. Почти всѣ Борисѳениты усердно читаютъ этого поэта, вѣроятно потому, что они и теперь еще воинственны. а можетъ быть вслѣдствіе любви къ Ахиллу: они чрезвычайно чтутъ его, построили ему одинъ храмъ на такъ называемомъ Ахилловомъ островѣ, а другой въ самомъ городѣ, и кромѣ Гомера ни о комъ другомъ не хотятъ и слушать. Хотя они по-гречески говорятъ

не совсѣмъ уже чисто, благодаря тому, что живутъ среди варваровъ, но все-таки Иліаду почти всѣ знаютъ наизусть. Я шутя сказалъ Каллистрату: „Какъ ты думаешь, Каллистратъ, который поэтъ лучше, Гомеръ или Фокилидъ?“—„Да я не знаю и имени другого поэта,—съ улыбкой отвѣтилъ Каллистратъ, — та вѣроятно и никто изъ присутствующихъ: мы не признаемъ никого другого за поэта кромѣ Гомера, но за то его знаетъ почти всякій“...

Всѣ они ослѣплены и не допускаютъ даже возможности существованія какого-нибудь другого поэта. „Въ этомъ отношеніи, сказалъ я, Гомеръ подѣйствовалъ на вашихъ поэтовъ, какъ глазная болѣзнь. Вы не знаете Фокилида, говоришь ты, а между тѣмъ онъ принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ поэтовъ. Когда къ вамъ пріѣдетъ какой-нибудь купецъ, не бывавшій у васъ прежде, вы не сейчасъ же распускаете о немъ дурные слухи, но сперва пробуете его вино или, если онъ привезетъ какой-либо другой товаръ, берете его образчикъ и затѣмъ уже, если товаръ понравится, покупаете, а если нѣтъ, то оставляете. Такъ и съ Фокилидовской поэзіей, говорилъ я, можно тебѣ познакомиться по маленькому образчику; онъ вѣдь не принадлежитъ къ числу сплетающихъ длинныя и связныя стихотворенія, какъ вашъ поэтъ разсказываетъ объ одной битвѣ болѣе, чѣмъ въ 5000 стихахъ;—его стихотвореніе начинается и оканчивается въ двухъ, трехъ стихахъ; поэтому онъ отмѣчаетъ свое имя въ каждой мысли, принимая ее за нѣчто серьезное и цѣнное, не такъ какъ Гомеръ, который нигдѣ не назвалъ себя въ поэмахъ. Напр. покажется ли тебѣ, что некстати поставилъ Фокилидъ свое имя въ слѣдующемъ изреченіи: „И это Фокилидово: хорошо управляемый маленькій городокъ на утесѣ лучше необузданной Ниневіи“. Не стóятъ ли эти стихи для мыслящихъ слушателей цѣлой Иліады и Одиссеи? Неужели вамъ полезнѣе было слушать объ Ахилловыхъ прыжкахъ, нападеніяхъ и голосѣ,—что онъ однимъ крикомъ обратилъ въ бѣгство Троянцевъ? Полезнѣе ли вамъ изучать это, или то, что маленькій городокъ, лежащій на утесистой скалѣ, если обладаетъ правильнымъ устройствомъ, лучше и счастливѣе, чѣмъ большой городъ на гладкой и широкой равнинѣ, если онъ населенъ безумными людьми, не знающими порядка и закона?“

Каллистрату слова мои пришлись не особенно по сердцу: „Гость, сказалъ онъ, дѣло въ томъ, что мы тебя любимъ и очень уважаемъ, иначе ни одинъ Борисѳенитъ не вынесъ бы подобныхъ нападокъ на Гомера и Ахилла: послѣдній, какъ ты видишь, нашъ богъ, а первый почитается почти наравнѣ съ богами“. Желая смягчить его и вмѣстѣ съ тѣмъ привести къ чему нибудь полезному, я сказалъ: „Прошу тебя извинить меня за Гомера, если я сказалъ теперь что-нибудь дурное. Когда нибудь въ другой разъ мы похвалимъ и Ахилла съ Гомеромъ, поскольку его рѣчи покажутся намъ справедливыми, а теперь разберемъ лучше изреченіе Фокилида: по моему мнѣнію онъ очень хорошо выразился о городѣ“. „Изволь, сказалъ онъ: ты видишь, что и всѣ эти люди желаютъ слушать тебя и для этого собрались сюда къ рѣкѣ, хотя на душѣ у нихъ и не очень спокойно: ты знаешь, конечно, что вчера въ полдень Скиѳы сдѣлали набѣгъ и нѣкоторыхъ заѣвавшихся часовыхъ убили, другихъ, можетъ быть, увели въ плѣнъ: мы еще не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній вслѣдствіе того, что бѣжавшіе забрались слишкомъ далеко, бросившись бѣжать не по направленію къ городу“.

Дѣйствительно, все это такъ и было: ворота были на запорѣ, и на стѣнѣ водружено было военное знамя. Одна-

ко они такъ были любознательны и такіе Еллины по характеру, что почти всѣ собрались въ вооруженіи, желая слушать. Съ удовольствіемъ замѣтивъ ихъ готовность, я сказалъ: „Не хотите ли пойдти куда-нибудь въ городъ и сѣсть? Теперь, при ходьбѣ, можетъ быть, не всѣмъ одинаково хорошо слушать: стоящіе дальше чувствуютъ неудобство и безпокоятъ стоящихъ предъ ними, стараясь пробраться поближе“.

Лишь только я сказалъ это, всѣ тотчасъ бросились къ храму Зевса, гдѣ они обыкновенно совѣщаются. Старѣйшіе и почетнѣйшіе граждане и должностныя лица усѣлись кругомъ на ступеняхъ, а остальная толпа осталась на ногахъ, такъ какъ предъ храмомъ былъ большой просторъ. Философу очень понравилось бы это зрѣлище. Когда водворилась тишина, я сказалъ, что мнѣ кажется справедливымъ выраженное ими, жителями стариннаго еллинскаго города, желаніе выслушать рѣчь о государствѣ...

(В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ, т. I).

---

11. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ.

1. Керченскія катакомбы.

Особо замѣчательнымъ видомъ погребенія являются такъ называемыя катакомбы, встрѣчаемыя во множествѣ въ Керчи, рѣже въ окрестностяхъ древней Фанагоріи и въ мѣстности Херсонеса.

Обычный типъ катакомбы, устраиваемой на скалистыхъ склонахъ холмовъ, въ каменной ихъ толщѣ, мало чѣмъ отличается отъ простыхъ каменныхъ гробницъ, только онѣ снабжены всегда крышею, и коль скоро не разграблены, что случается, впрочемъ, рѣдко, то бываютъ всегда закрыты приваленнымъ у входа камнемъ. Но въ позднѣйшую эпоху Пантикапеи возникаютъ въ ней катакомбы подъ землею, вырывавшіяся въ слоѣ материковой глины, на сѣверныхъ покатостяхъ горы Митридата, иногда на глубинѣ двухъ, трехъ саженъ и болѣе отъ поверхности. Повидимому, въ древности эта холмистая покатость образовывала болѣе глубокіе, чѣмъ нынѣ, овраги, и по склонамъ ихъ рядами шли катакомбы (такихъ рядовъ насчитывается доселѣ до пяти). Входы въ погребальныя камеры катакомбъ устраивались, какъ въ склепахъ кургановъ, въ видѣ галлереи, иногда выложенной по всѣмъ сторонамъ плитами мѣстнаго известняка, и образуютъ нынѣ глубокіе колодцы, засыпанные землею; входъ въ камеру закрытъ плитою; самая камера имѣетъ отъ шести до девяти квадратныхъ саженъ. На особыхъ лежанкахъ, выкопанныхъ изъ того же слоя глины, клались покойники на подстилкѣ изъ лубка, травы и проч., или же въ деревянныхъ гробахъ; камера наполнялась множествомъ сосудовъ, разныхъ предметовъ утвари и ея подобій, ставившихся въ особыхъ нишахъ, и если катакомба оказывалась цѣла, то находки въ ней составляли разомъ цѣлое собраніе античныхъ предметовъ...

Катакомба, открытая въ 1841 году, содержала въ себѣ двѣ погребальныя камеры, богато росписанныя въ два пояса рядомъ сценъ со множествомъ фигуръ. Мы видимъ здѣсь послѣдній пиръ умершаго съ семьею, среди богатой обстановки, передъ отъѣздомъ на войну съ варварами. Два отряда пантикапейской конницы и варваровъ столкнулись надъ грудою павшихъ тѣлъ; въ битвѣ былъ смертельно раненъ и хозяинъ этого богатаго дома... [Тутъ же изображено] прощаніе хозяина съ семьею за пиромъ; его смерть представляется рокомъ, безвременно похитившимъ его отъ семьи. Подъ пышнымъ рѣзнымъ, убраннымъ гирляндами балдахиномъ, его тѣло, закутанное

въ саванѣ, поддерживаютъ стоящая въ головахъ жена и у ногъ — любимый рабъ; балдахинъ несутъ 14 рабовъ, провожаютъ горожане, въ торжественной процессіи, съ музыкой флейтщиковъ. Послѣ похоронъ происходятъ разнообразныя цирковыя игры въ честь умершаго, въ которыхъ искусные укротители показываютъ чудеса ловкости, на конѣ, съ длиною пикою въ рукахъ преслѣдуя и убивая медвѣдя, лань, волка, онагра, барса. Рослые гладіаторы изъ варваровъ, съ желѣзною коническою шапкою на головѣ и въ одномъ препоясаніи по чресламъ, развлекаютъ толпы зрителей битвами на кинжалахъ, охотою на пантеру съ вилами, варвары—конными ристаніями, фокусники показываютъ свое мастерство на кошелькѣ и сосудѣ. Плафонъ представляетъ видъ пестрѣющаго цвѣтами степного ковра, съ прогуливающимися парами павлиновъ и голубей; посрединѣ какъ бы тянетъ по небу на югъ степная утка...

2. Куль-Оба.

Древности скиѳо-сарматскія сохранены исключительно въ погребальныхъ памятникахъ-курганахъ южной Россіи. Необозримое множество ихъ разсѣяно отъ устьевъ Дуная и Днѣстра, вверхъ по Бугу до Могилева, по Днѣпру и его притокамъ до Смѣлы и Роменъ, по Таврическому полуострову, по Дону и берегамъ Азовскаго моря, по Кубани и ея притокамъ до Каспійскаго моря. Значительная часть этихъ кургановъ, видимо, сосредоточена около мѣстностей древнихъ становищъ, путей и перевозовъ; множество расположено поясами около древнихъ греческихъ городовъ и колоній, много разбросано среди кургановъ греческихъ, а также другихъ кочевниковъ, позднѣе выступившихъ въ исторіи южной Россіи...

Наиболѣе полную картину погребальнаго убранства варварскихъ царей южной Россіи представила гробница, открытая на курганѣ Куль-Оба, въ 6 верстахъ къ западу отъ Керчи, въ 1831 году. Варварскій характеръ этого погребенія не только не утратился и даже не ослабѣлъ отъ непосредственнаго соприкосновенія варварскаго міра съ греческою культурою въ одномъ изъ ея центровъ, но напротивъ, обозначился съ особенной силой, благодаря именно услугамъ греческаго искусства, умѣвшаго въ ясныхъ пластическихъ образахъ и въ условныхъ эмблемахъ схватить и выразить туманную мысль варвара. При этомъ соприкосновеніи возникаетъ у варвара горделивое сознаніе своихъ національныхъ особенностей, которыя онъ и желаетъ, затѣмъ, видѣть точно воспроизведенными искусствомъ. Отсюда, погребальный уборъ, найденный въ гробницѣ Куль-Оба, представляется и чрезвычайно типическимъ для скиѳо-сарматской эпохи. Погребальный склепъ этого кургана былъ квадратный, но большого размѣра, съ крышею, сведенною изъ ряда выступающихъ внутрь плитъ. Стѣны были увѣшаны, по обычаю кочевниковъ, одеждами, совершенно истлѣвшими; отъ нихъ сохранилось множество золотыхъ бляшекъ, которыми одежды эти были украшены: этими бляшками былъ усѣянъ полъ склепа вездѣ подъ стѣнами.

Направо отъ входа, вдоль стѣны, въ два ряда стояли сосуды: у самой стѣны—четыре греческихъ амфоры изъ-подъ вина; одна съ клеймомъ острова Тазоса. У дверей стоялъ большой бронзовый котелъ, на ножкѣ, съ двумя ручками; въ немъ лежали овечьи кости. Далѣе стояла серебряная позолоченная лохань около 10 вершковъ въ діаметрѣ и въ ней 4 серебряныхъ сосуда: круглая ваза безъ ручекъ, гладкая чашка и два ритона [1]), одинъ съ головою барана. Далѣе стояло подобное же блюдо, также серебряное, съ двумя

[1]) Сосудъ опредѣленной формы.

красивыми ручками и на немъ также 4 серебряныхъ сосуда: 3 круглыхъ вазы безъ ручекъ съ рельефными изображеніями, двѣ украшены изображеніями борьбы животныхъ, третья утками и рыбами, и чашка съ крышкой и надписью („Гермеса"). За этими двумя рядами сосудовъ лежало два наконечника копій по 9 вершковъ длиною. Въ юго-западномъ углу въ полу находилось углубленіе въ полъ-аршина глубиною, въ которомъ были сложены лошадиныя кости, бронзовыя поножи и шлемъ; головою къ этому углубленію, на полу вдоль южной стѣны лежалъ скелетъ, вѣроятно раба, быть-можетъ, конюха.

Слѣва отъ головы раба лежали ножи съ кривыми лезвіями: шесть изъ нихъ съ рукоятками изъ слоновой кости и одинъ съ ручкой, обложенной золотыми листами, съ изображеніями грифовъ на бокахъ и льва на верхушкѣ. Посреди склепа лежалъ головою къ югу скелетъ женщины небольшого роста. Голова ея украшалась электроновой [1]) діадемой въ вершокъ шириной съ растительнымъ фантастическимъ орнаментомъ. На шеѣ было золотое ожерелье сканной работы съ амфорообразными привѣсками и золотая гривна со львами на концахъ. У пояса четыре золотыхъ круглыхъ привѣски съ подвѣшанными къ нимъ цѣпочками и амфорами, двѣ большихъ ушныхъ подвѣски съ головою Аѳины и двѣ богато украшенныя серьги. Между голенями остова стояла электроновая круглая ваза съ изображеніями Скиѳовъ. Руки остова украшались запястьями съ изображеніями охоты грифовъ на оленей. Остовъ женщины лежалъ на полу, но около него валялись доски, украшенныя живописью, и 4 круглыхъ точеныхъ ножки, вѣроятно, отъ саркофага.

Направо отъ женскаго остова почти все пространство склепа, вплоть до восточной стѣны занято было саркофагомъ изъ кипарисоваго дерева; сторона его, обращенная къ женскому остову, была открыта. Саркофагъ низкой перегородкой раздѣленъ былъ на двѣ части: въ одной лежалъ остовъ царя, въ другой, меньшей, сложено было его оружіе. Здѣсь лежали: желѣзный мечъ, съ рукояткой, покрытой золотымъ листомъ съ изображеніемъ двухъ животныхъ, золотая пластинка съ именемъ „Порнахо", украшавшая ножны этого меча, золотой круглый поддонъ, вѣрнѣе, средина церемоніальнаго щита, рукоятка нагайки, обвитая золотой лентой, поножъ, зеленый точильный камень, или мусатъ, въ золотой оправѣ, украшенной орнаментомъ. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ покоился самъ царь, у головы его лежало четыре золотыхъ пластинки, вѣроятно, отъ кожанаго башлыка, съ изображеніемъ Скиѳа, пятая подобная представляла двухъ Скиѳовъ—братановъ. На головѣ царя былъ скиѳскій остроконечный башлыкъ изъ тонкаго войлока, украшенный двумя обручами листового золота; по нижнему чеканомъ сдѣланы сфинксы и грифы; по верхнему, болѣе узкому въ діаметрѣ, растительные разводы и между ними фигура сидящей женщины. На шеѣ царя была большая золотая гривна съ изображеніями конныхъ Скиѳовъ. На правой рукѣ, выше локтя, надѣто было золотое кольцо, около дюйма шириною, украшенное цвѣтами и миѳологической (повторяющейся) сценой. На запястьяхъ обѣихъ рукъ—массивные золотые браслеты, кончающіеся сфинксами.

Внѣ саркофага, вдоль по сѣверной стѣнѣ склепа стояло три бронзовыхъ сосуда: два греческіе: одинъ амфорообразный, другой въ формѣ гидріи [2]) съ богатымъ орнаментомъ у основанія ручки, и одинъ варварскій котелъ на ножкѣ. Въ двухъ изъ этихъ сосудовъ

---

[1]) Электронъ—сплавъ золота съ серебромъ.

[2]) Сосудъ особой формы.

лежали бараньи кости. Въ томъ же ряду противъ дверей стояла бронзовая тарелка. По всему склепу разсѣяны были золотыя и электроновыя бляшки разной величины и формы, служившія для украшенія одеждъ и покрововъ; нѣсколько золотыхъ флаконовъ со втулками, пуговицы съ финифтью и головой Пана, нѣсколько сотъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, перержавѣвшихъ наконечниковъ копій и дротиковъ. Кромѣ того, при просѣваніи земли найдены были обломки тонкихъ костяныхъ пластинокъ съ греческими вырѣзанными рисунками, отъ лиры, или иного музыкальнаго инструмента. Тонкою гравировкою на нихъ изображены въ превосходномъ рисункѣ Судъ Париса и другія сцены миѳологическаго содержанія, а также бѣгъ четырехконной колесницы, охота на зайца и Скиѳъ, упавшій съ лошади на охотѣ.

Изслѣдованіе открытаго Куль-Обскаго склепа не было еще окончено, какъ ночью въ склепъ забрались грабители, и не только раскопавъ неизслѣдованныя мѣста, но выворотивъ даже огромныя плиты пола, нашли, кромѣ массы золотыхъ и электроновыхъ бляшекъ, у входа въ склепъ подъ поломъ (подъ мѣстомъ сосудовъ) могилу, выкопанную прямо въ материкѣ. Голова остова обращена была къ западу, на шеѣ надѣта была большая гривна изъ витой бронзовой проволоки, обложенная золотымъ листомъ съ такими же львиными головами, украшенными эмалью на концахъ, тамъ же найдена была и золотая бляха, украшавшая налучье, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ вкладываютъ стрѣлы, въ видѣ оленя съ начерченными буквами ПАI, здѣсь же найдено было значительное количество наконечниковъ стрѣлъ и копій. Все остальное изъ этой могилы безслѣдно пропало...

Гробница Куль-Оба несомнѣнно служила мѣстомъ погребенія какого-либо варварскаго царя или князя, какъ это очевидно по варварскому обычаю хоронить съ господиномъ его рабыню, раба и лошадь, по множеству украшеній отчасти варварской работы, отчасти приноровленныхъ къ варварскому вкусу, по многочисленнымъ изображеніямъ варваровъ на уборахъ, по варварской одеждѣ (башлыкъ, гривна, мужскіе браслеты) и оружію (особая форма ноженъ меча и рукоятки варварской работы и царскаго меча и ножа раба), по варварсимъ котламъ, въ которыхъ приготовлена была баранина, для пищи покойника и его слугъ. О подпольной могилѣ нельзя, кажется, сказать ничего опредѣленнаго, былъ ли похороненный въ ней варваръ съ варварскими вещами (гривна и бляха), похороненъ одновременно съ царемъ, или ранѣе его, и не былъ ли онъ, въ такомъ случаѣ, предкомъ царя, каковымъ его обыкновенно считаютъ...

3. Чертомлыцкій курганъ.

Въ 20-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ мѣстечка Никополя, лежащаго на правомъ берегу Днѣпра, находится огромный курганъ Чертомлыцкій, окруженный другими, небольшими.

Сама Чертомлыцкая могила достигала прежде 9 саженъ вышины, имѣла болѣе 165 саж. въ окружности по подошвѣ, обложенной саженъ на 9 вверхъ по склону камнями; сѣверный склонъ ея, особенно въ верхней половинѣ кургана, былъ гораздо круче остальныхъ и подпирался камнями. На вершинѣ стояла каменная баба, пользовавшаяся въ народѣ суевѣрнымъ поклоненіемъ, на которое указывали и разсказы, и нахожденіе при раскопкѣ около нея мѣдныхъ монетъ нашего времени. Съ сѣверной стороны замѣтна была яма около 4-хъ саженъ въ діаметрѣ—слѣдъ мины, проведенной отсюда въ центръ кургана. По описанію прошлаго вѣка (Зуева 1781—82), „вокругъ, видно, курганъ также былъ

окладенъ известковымъ каменьемъ, потому что сколь много по степи, подъѣзжая къ ему, его валялось, больше того на сей художественной горѣ его было“. Старожилы разсказывали, что отъ кургана къ востоку, на протяженіи около полутора верстъ,... обозначена была нѣсколькими рядами каменьевъ какъ бы дорога, что замѣчалось и у нѣкоторыхъ другихъ кургановъ тѣхъ мѣстъ...

Раскопка начата была въ 1862 году съ вершины кургана. Уже съ полусаженной глубины начали попадаться различные предметы конской упряжи и убора, а на глубинѣ около 3-хъ саженъ обнаружилась цѣлая куча разнаго рода украшеній, преимущественно конскихъ, весьма попорченныхъ ржавчиной, совершенно истребившей серебряныя вещи. Здѣсь же найдено было и нѣсколько золотыхъ украшеній: два нащечника изъ листового золота, въ видѣ крыльевъ, и 56 пластинокъ того же типа и другихъ, въ формѣ стрѣловидныхъ листьевъ и рубчатыхъ ленточекъ. Всѣ эти украшенія были прибиты къ ремнямъ золотыми гвоздиками...—

Во второй могилѣ лежало 4 коня: два осѣдланныхъ съ золотыми украшеніями и два съ серебряными безъ сѣделъ. У одного коня на шеѣ былъ бронзовый наборъ изъ трехъ большихъ овальныхъ бляхъ, 10 бляхъ въ видѣ полумѣсяца и 8 колокольчиковъ. Въ третьей могилѣ лежало тоже 4 коня: 3 въ золотыхъ уздечкахъ и сѣдлахъ съ золотомъ и одинъ въ серебрянойуздѣ безъ сѣдла; на шеѣ у одного изъ первыхъ былъ бронзовый уборъ, сходный съ выше описаннымъ. Головы всѣхъ одиннадцати коней обращены были къ центральной могилѣ. Къ востоку отъ конскихъ могилъ находились двѣ могилы конюшихъ, лежавшихъ головами на западъ. Въ южной лежалъ остовъ съ золотой серьгой, въ видѣ двулицей человѣческой головы, въ правомъ ухѣ, съ серебряною, обложенною золотомъ, гривною, золотымъ витымъ перстнемъ и кожанымъ колчаномъ. На прахѣ другого конюшаго была золотая витая гривна, колчанъ съ 60 бронзовыми стрѣлами на тростниковыхъ древкахъ съ красными поясками.

Сбоку крайней на сѣверъ конской могилы находилась обширная центральная пещера, происшедшая отъ раскопокъ кладоискателей, достигшихъ центра черезъ мину или шахту, шириною въ $1^1/_2$ аршина, устроенную сводомъ и направленную съ сѣверной полы кургана. Это подземелье тянулось отъ конскихъ могилъ, имъ нетронутыхъ, въ разстояніи лишь одного аршина, до центральной могилы и образовало по сторонамъ нѣсколько углубленій, какъ бы пещерокъ, которыми грабители доискивались мѣста гробницы. Все это подземелье, заваленное сплошь землею, оказалось усѣяно мелкими и уставлено крупными предметами, вынутыми изъ центральной и боковыхъ гробницъ: грабители, видимо, собирались вынести ихъ черезъ мину, когда послѣдовалъ обвалъ, накрывшій вещи и воспрепятствовавшій работамъ. Вещи были найдены въ полномъ безпорядкѣ... Около начала самой мины найденъ былъ скелетъ одного изъ грабителей, раздавленнаго обваломъ.

Далѣе къ востоку подземелье образовывало коридоръ, связывавшій его съ другимъ подземельемъ и захватившимъ центральную могилу. Здѣсь, въ толщѣ глины, у западной стѣны, найдена была знаменитая Чертомлыцкая серебряная ваза; рядомъ съ нею стояло огромное серебряное блюдо, украшенное растительнымъ орнаментомъ и фигурными ручками; на блюдѣ лежала серебряная черпалка, ручка которой оканчивается собачьей головой. Около южной стѣны подземелья найдены были въ глинѣ остатки дерева и слѣды синей, голубой, зеле-

ной и желтой красокъ, тянувшіеся болѣе сажени длиной, 2 аршинъ шириною и около аршина въ вышину; на этомъ ложѣ лежалъ женскій остовъ головой къ западу, въ богатомъ убранствѣ: на лбу была золотая лента, украшенная растительнымъ орнаментомъ; по сторонамъ черепа двѣ золотыя серьги въ видѣ кольца съ семью подвѣсками весьма грубой работы; головной уборъ кромѣ пластинки украшался еще 29 бляшками въ видѣ цвѣтовъ, 20 въ видѣ розетокъ и семью пуговками. Кромѣ того, голова и часть туловища покрыта была пурпурнымъ покрываломъ, какъ видно по слѣдамъ ткани этого цвѣта подъ нѣкоторыми изъ 57 золотыхъ четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ сидящей женщины съ зеркаломъ и стоящаго передъ ней скиѳа. Бляшки эти образовали рядъ выше черепа вершковъ на 8, составляя надъ нимъ треугольникъ съ закругленной вершиной, и потомъ спускаясь къ плечамъ и доходя до кистей рукъ. Очевидно, онѣ представляли уборъ остроконечнаго скиѳскаго колпака или женскаго клобука съ длинными лентами... На рукахъ погребенной женщины были золотые браслеты, въ видѣ широкихъ плоскихъ обручей съ ребромъ посрединѣ, на каждомъ изъ пальцевъ было по кольцу: 9 съ большими гладкими бляхами и одно на правомъ мизинцѣ съ изображеніемъ летящей утки. Подлѣ правой руки лежало бронзовое зеркало съ костяной ручкой, на немъ отпечатался кусокъ голубой матеріи. Близъ гроба этой женщины, на полу, оказался лежащимъ скелетъ головой къ гробу; на рукахъ его были браслеты бронзовый и желѣзный, у лѣваго бока ножикъ съ костяной ручкой, а пониже кучка бронзовыхъ стрѣлъ; слѣва лежала глиняная амфора. 13 такихъ же амфоръ стояли вдоль всей сѣверной стѣны подземелья.

Центральная могила была совершенно разбита грабителями... Изъ нея выходили по угламъ четыре ниши;... близъ входа (въ одну изъ нишъ) лежалъ скелетъ; на шеѣ у него была гладкая бронзовая гривна, близъ головы золотая привѣска отъ серьги: на среднемъ пальцѣ правой руки золотое спиральное кольцо, у лѣваго бока ножикъ съ костянымъ черенкомъ, и 67 бронзовыхъ стрѣлъ съ слѣдами кожанаго колчана. Въ головахъ остова собрано было нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ ручку или нѣсколько ручекъ отъ нагайки или лука: золотыя орнаментированныя бляхи, наконечники, спиральныя ленты, ободки и костяные обломки. По всему полу попадалось множество золотыхъ бляшекъ: четыреугольныхъ съ изображеніями лежащаго тельца (одна бляшка), двухъ цвѣтковъ (25), фантастическаго животнаго (64), льва, терзающаго оленя (7), варвара, борющагося съ грифомъ (10), грифа (31), зайца (45), круглыхъ, съ изображеніями розетки (12), человѣческой бородатой головы (130), головы Горгоны, съ пятью привѣсками (24), одной головы Горгоны (27), двулицей головы Аѳины и льва (3), Геракла, удушающаго льва (33), борьбы льва со сфинксомъ (одна бляшка), пирамидокъ съ зернью (24), множество дутыхъ подвѣсокъ, бусъ, трубочекъ, пуговицъ и другихъ нашивокъ на одежду. Особо любопытны ленты изъ листового золота съ разнообразными растительными украшеніями, битвами звѣрей и чудовищъ (напр. рядами фантастическихъ животныхъ), а нѣкоторыя и гладкія, величина которыхъ достигаетъ 14 дюймовъ длины. Ленты эти, судя по дырочкамъ на нихъ, нашивались на головные уборы и кафтаны; для той же цѣли служили и найденныя тутъ полоски, къ которымъ, при помощи особыхъ крючечковъ, привѣшены дутые репейки. Вся масса этихъ украшеній была, кажется, вмѣстѣ съ одеждами, на которыя они бы-

-ли нашиты, развѣшана по стѣнамъ и сводамъ подземелья на особыхъ, найденныхъ уже въ рухнувшей глинѣ, желѣзныхъ крючкахъ...

Чертомлыцкій курганъ далъ большее количество вещей, чѣмъ даже Куль-Оба; но вещи его или варварской работы, или греческой, но уже приспособленной ко вкусамъ варваровъ. Въ общемъ, стиль и греческихъ, и варварскихъ издѣлій Чертомлыцкаго кургана весьма близокъ къ стилю вещей Куль-Оба, что указываетъ на приблизительную одновременность устройства обѣихъ гробницъ... Многія изъ бляшекъ сдѣланы, видимо, одними штемпелями съ вещами босфорскими. Нѣкоторыя оказываются настолько свѣжими, что не успѣли еще утратить первоначальнаго мата, сообщаемаго чеканомъ и, слѣдовательно, были изготовлены непосредственно для погребенія...

4. Никопольская и Куль-Обская вазы.

Первое мѣсто между скиѳскими сосудами и древностями безспорно принадлежитъ великолѣпному серебряному сосуду, найденному въ Чертомлыцкомъ курганѣ и хранимому въ Императорскомъ Эрмитажѣ; подобнаго нѣтъ ни въ какомъ другомъ музеѣ. Сосудъ этотъ вышиною въ аршинъ, въ самой широкой своей части имѣетъ $8^3/_4$ вершка. Подножіе, шейка, ручки и всѣ изображенія густо вызолочены. Ваза нѣсколько повреждена въ двухъ мѣстахъ—на шейкѣ и на тульѣ. Она имѣетъ форму амфоры и, очевидно, предназначена была для храненія на пиршествѣ вина или кумыса; внутри ея шейки вдѣлано мелкое ситечко; такимъ же образомъ устроены и три носика, придѣланные къ нижней части вазы, для процѣживанья, и затыкавшіеся пробочками на серебряныхъ цѣпочкахъ; два носика сдѣланы въ видѣ львиныхъ головокъ; третій, на передней сторонѣ сосуда, имѣетъ форму головы крылатой лошади. Тщательная отдѣлка этой головки, окруженной лучезарнымъ вѣнцомъ, стоитъ въ связи съ главнымъ сюжетомъ на вазѣ, прославляющимъ скиѳское коневодство. Хотя орнаментація оборотной стороны вазы вполнѣ соотвѣтствуетъ лицевой, но всѣ украшенія передней стороны исполнены въ большемъ рельефѣ, и эта выпуклость постепенно уменьшается по направленію оборотной стороны, такъ что на ней многія частности рисунка только награвированы на поверхности. Фигуры верхняго фриза сдѣланы горельефомъ и его высота во всѣхъ частяхъ одинакова; каждая фигура отдѣльно отлита изъ серебра и припаяна къ поверхности сосуда. Надъ фризомъ мастеръ, исполнявшій вазу, помѣстилъ двѣ выпуклыя группы оленей, терзаемыхъ грифонами... Здѣсь они являются съ орлиною головою, съ тѣломъ львицъ...—

Содержаніе фриза указываетъ, что сосудъ былъ сдѣланъ для богатаго скиѳа, и что художникъ былъ близко знакомъ со скиѳскими нравами, или даже жилъ въ южной Россіи. Реальный сюжетъ, воспроизведенный вполнѣ правдиво и близко къ натурѣ, и съ необыкновенно живой, характерной передачею скиѳскаго типа, даетъ высокое понятіе о жанрѣ въ греческомъ искусствѣ конца IV и начала III вѣка до Р. Х. Но истиннымъ греческимъ изяществомъ отличается общая композиція фриза и фигуры нѣкоторыхъ изъ лошадей.

Центромъ всей сцены служитъ кобылица, около которой заняты четыре скиѳа—двое пожилыхъ и двое молодыхъ, безбородыхъ; дѣло идетъ о дрессировкѣ породистыхъ царскихъ коней, и мѣстомъ дѣйствія служитъ степь. Двѣ лошади покойно пасутся на степи, двумъ другимъ конюхи накинули на головы арканы и, присѣвъ на землю, пытаются задержать ихъ порывистый бѣгъ (арканами на вазѣ служили

серебряныя нити, сохранившіяся у каждаго скиѳа въ сжатомъ кулакѣ). Съ лѣвой стороны отъ главной группы скиѳъ-конюхъ одною рукою подгибаетъ коню лѣвую переднюю ногу и старается, затянувъ уздечку, повалить его на лѣвый бокъ. Съ правой стороны скиѳъ спутываетъ смирно стоящему передъ нимъ коню переднія ноги. Во всемъ изображеніи это единственный степной конь, котораго порода, близкая къ нынѣшнимъ киргизскихъ лошадямъ, передана съ особенною вѣрностью. Конюхъ пріѣхалъ въ табунъ очевидно послѣднимъ, и только теперь треножитъ своего коня.

Всѣ скиѳы одѣты въ короткій и узкій кафтанъ или казакинъ, укороченный сзади и на бокахъ и спущенный мыскомъ напереди, ради удобства при верховой ѣздѣ и согласно фасону кафтановъ, принятому въ Персіи во времена Парѳянъ. Кафтанъ этотъ видимо мѣховой, тогда какъ всѣ шаровары, заткнутыя за сапоги, — матерчатыя. Короткіе сапоги стянуты ремнемъ на лодыжкахъ и черезъ подъемъ. На головахъ скиѳовъ нѣтъ шапки; густые волосы острижены спереди въ скобку, а сзади спущены длинными прядями по-сарматски...

Богатыя украшенія, размѣщенныя художникомъ на туловищѣ вазы, въ видѣ фестоновъ изъ листьевъ и цвѣтовъ, соотвѣтствуютъ изображенію жизни роскошныхъ южно-русскихъ степей. Въ верхней части помѣщены и мастерски отдѣланы большіе дикіе голуби, а внизу журавли, водящіеся въ изобиліи въ степяхъ.

Между металлическою утварью скиѳскихъ гробницъ обращаютъ на себя вниманіе шесть серебряныхъ сосудовъ, найденныхъ въ Куль-Обской гробницѣ. Они имѣютъ круглое туловище безъ ножки и низкое, широкое горлышко. Судя по разной ихъ величинѣ, отъ 5 до 13 сентиметровъ въ вышину, они могли служить для разныхъ цѣлей — для питья, такъ и для мастей, краски и восточныхъ притираній. Единственно ихъ неразвитой и неуклюжій контуръ, а также ручной размѣръ подобной утвари указываетъ на восточное, и притомъ кочевое происхожденіе...

[Особенно интересна] электроновая ваза, найденная на прахѣ Куль-Обской царицы... Изображенныя на этой вазѣ сцены весьма любопытны. Порядокъ сценъ идетъ слѣва направо, и мѣстомъ дѣйствія имѣетъ степь, покрытую травою и кочками. На крайней группѣ слѣва представленъ скиѳскій вождь или царь, судя по діадемѣ-повязкѣ на его головѣ. Сидя на кочкѣ, онъ обѣими руками опирается на копье и, внимательно слушая своего лазутчика, невольно прижимаетъ лобъ къ копью; положеніе ногъ сидящаго отличается замѣчательною наблюдательностью, и вся фигура очень экспрессивна: группа воспроизводитъ живыми чертами моментъ дѣлового доклада и допроса. Лазутчикъ, сидя на землѣ по-восточному, весь изображаетъ собою вниманіе къ вопросу вождя. Въ рукахъ у обоихъ—копейныя рогатины; у вождя съ лѣваго бока—коритъ, у лазутчика—большой кожаный щитъ. Сосѣдній скиѳъ съ усиліемъ надѣваетъ тетиву на лукъ. Въ слѣдующей группѣ одинъ скиѳъ ощупываетъ больную или раненую челюсть другого: выраженіе страданія и непроизвольныя движенія больного, а также болѣе тонкая экспрессія наивнаго вниманія у врача придаютъ сценѣ легкій оттѣнокъ комизма. Такими же достоинствами рисунка и экспрессіи отличается послѣдняя сцена—перевязыванія больной или раненой ноги.

На этотъ разъ скиѳы одѣты въ кожаные, можетъ быть, также мѣхомъ внутрь (какъ и кафтаны), штаны; съ большими подробностями представлена узорчатая стежка на кожѣ; ременные пояса покрыты металлическимъ наборомъ. Мягкая кожаная обувь безъ

подошвы отличаетъ наѣздническое племя кочевниковъ. Въ общемъ, всѣ фигуры воспроизводятъ знакомый типъ Сарматскаго племени...

(Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I и II).

---

12. Прокопій.

(VI в. по Р. X.)

Славяне и Анты.

Эти народы, славяне и анты, не подчиняются одному человѣку, но изстари живутъ въ демократіи; поэтому обо всемъ, что для нихъ полезно или вредно, они разсуждаютъ сообща. И во всѣхъ почти другихъ отношеніяхъ оба варварскихъ народа изстари живутъ одинаково. Единаго Бога, громовержца, признаютъ они владыкой всего міра, и въ жертву ему приносятъ быковъ и всякаго рода священныхъ животныхъ. Судьбы они совсѣмъ не знаютъ, и не приписываютъ ей никакого вліянія на людей. Когда имъ угрожаетъ смерть, въ болѣзни ли, или на войнѣ, они даютъ обѣтъ, что если избѣгнутъ смерти, то тотчасъ же принесутъ, за спасеніе жизни, жертву богу, — и когда опасность миновала, приносятъ жертву и считаютъ, что этимъ купили свое спасеніе. Покланяются также рѣкамъ и нимфамъ, и другимъ божествамъ, и всѣмъ имъ приносятъ жертвы; при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ.

Живутъ они въ жалкихъ хижинахъ, далеко разставленныхъ другъ отъ друга, и часто мѣняютъ свои мѣста жительства. Отправляясь на войну, многіе изъ нихъ идутъ на врага пѣшіе, держа въ рукахъ небольшіе щиты и дротики; панцырей они не носятъ; нѣкоторые выходятъ въ бой безъ хитона и безъ трибонія (безъ верхней и нижней одежды), въ однихъ короткихъ портахъ, и сражаются въ шароварахъ, закрывающихъ только часть тѣла.

У тѣхъ и другихъ варваровъ одинъ языкъ, простой и варварскій; не различаются они другъ отъ друга и внѣшнимъ видомъ. Все это люди большого роста и чрезвычайной силы. Цвѣтъ лица у нихъ не совсѣмъ бѣлый, волосы не русые и не переходятъ въ черные, но рыжеватые, и при томъ у всѣхъ. Подобно Массагетамъ, и они ведутъ жизнь скудную и грубую, и такъ же, какъ и тѣ, пребываютъ постоянно въ грязи. Коварства или лукавства въ нихъ совсѣмъ мало; но при всей ихъ простотѣ, нравы у нихъ гуннскіе. И имя славянамъ и антамъ было издревле одно; тѣхъ и другихъ древность называла спорами (сербами); думаю, что они жили разсѣянно (разбросано тутъ и тамъ) и занимали большія пространства. Большая часть земель за Истромъ (за нижнимъ Дунаемъ) принадлежитъ имъ.

(Procopii, de bello gothico lib. III.)

---

13. Императоръ Маврикій.

(VI в. по Р. X.)

О славянахъ и антахъ.

Какъ слѣдуетъ обходиться со славянами и антами, и другими подобными народами, чтобы это было выгодно для ромеевъ.

Племена славянъ и антовъ живутъ вмѣстѣ, и жизнь ихъ одинакова; они живутъ свободно, и не даютъ никому поработить себя или подчинить. Ихъ весьма много въ ихъ странѣ, и они очень выносливы, выносятъ легко и зной и стужу, и дождь, и наготу тѣла и нищету. Къ тѣмъ, кто приходитъ къ нимъ и пользуется гостепріимствомъ, они относятся ласково и пріятельски,

радушно встрѣчаютъ ихъ—и провожаютъ потомъ отъ мѣста до мѣста, охраняя тѣхъ, кто нуждается въ этомъ. Если будетъ гостю какой нибудь вредъ, по винѣ хозяина, по его нерадивости,—тотъ, кто ему довѣрилъ гостя, поднимаетъ противъ него войну, и считаетъ своей священной обязанностью отмстить за гостя. Тѣхъ, кто находится у нихъ въ плѣну, они не держатъ въ рабствѣ безсрочно, подобно другимъ народамъ, но ограничиваютъ ихъ рабство извѣстнымъ срокомъ, послѣ чего отпускаютъ ихъ, если они хотятъ, за нѣкоторую мзду въ ихъ землю, или же позволяютъ имъ поселиться съ ними, но уже какъ свободнымъ людямъ и друзьямъ. Этимъ они снискиваютъ ихъ любовь.

Есть у нихъ и безчисленное множество всяческихъ плодовъ, сложенныхъ кучами, и большее всего—проса.

Женщины ихъ разумны больше, чѣмъ свойственно человѣческой природѣ: многія изъ нихъ признаютъ смерть своихъ мужей какъ бы концомъ собственной жизни, и сами, по доброй волѣ, даютъ себя удавить, не считая жизнью пребываніе во вдовствѣ.

Въ лѣсахъ и болотахъ, посреди рѣкъ и стоячихъ озеръ, живутъ они, недоступные постороннимъ; въ жилищахъ своихъ устраиваютъ они много выходовъ, чтобы можно было спастись въ случаѣ опасности,—а опасности, какъ это и естественно, имъ со всѣхъ сторонъ угрожаютъ. Все, что имъ необходимо для жизни, закапываютъ они въ землю, въ потайныхъ мѣстахъ, скрывая отъ глазъ все, что только пріобрѣтаютъ, и жизнь ведутъ прямо разбойническую. Враговъ любятъ они подстеречь въ лѣсной чащѣ, въ ущельяхъ и крутизнахъ; пользуются въ достаточной мѣрѣ засадами, внезапными нападеніями и хитростями, и ночью, и днемъ изобрѣтая всевозможные способы борьбы. Лучше кого угодно умѣютъ они переправляться черезъ рѣки, и могутъ подолгу оставаться въ водѣ. Въ случаѣ опасности они покидаютъ свои жилища и погружаются въ глубину воды, держа во рту длинные, полые внутри стволы тростника, приготовленные нарочно для этой цѣли; лежа навзничь въ глубинѣ рѣки, они выставляютъ концы тростниковъ наружу, и дышатъ чрезъ нихъ. Такимъ путемъ они по многу часовъ могутъ оставаться въ водѣ, такъ что никто ихъ тамъ и не замѣтитъ. Если даже случится, что стволы тростника будутъ видны снаружи, то люди, незнающіе, въ чемъ дѣло, подумаютъ, что тростникъ растетъ въ водѣ. Но кто знаетъ объ этомъ пріемѣ, тому не трудно догадаться, и тогда онъ можетъ проткнуть имъ ротъ тростникомъ, или же выдернуть его изъ воды, такъ что нечѣмъ будетъ дышать и придется вылѣзть наружу.

Всѣ мужчины вооружены у нихъ небольшими дротиками, по два на каждаго, а у нѣкоторыхъ сверхъ того прекрасные щиты, только черезчуръ тяжелые, затрудняющіе собой движенія. Есть у нихъ и деревянные луки и стрѣлы, намазанныя ядомъ; этотъ ядъ дѣйствуетъ сильно, и спастись отъ него можно только, принявъ вовремя какое нибудь противоядіе, или другое средство, извѣстное знающимъ врачамъ; или же надо вырѣзать пораженное ядомъ мѣсто, дабы отрава не распространилась по всему тѣлу. У нихъ нѣтъ общей власти, они вѣчно во враждѣ другъ съ другомъ, и въ бою не знаютъ правильнаго строя, не стараются сражаться въ боевомъ порядкѣ, равно не любятъ показываться на ровныхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ мѣстахъ. Если случится имъ отважиться на рукопашный бой, они поднимаютъ общій крикъ, и медленно подвигаются впередъ; если противникъ начнетъ отступать передъ ихъ крикомъ,—то наступаютъ сильнѣе; если

же нѣтъ,—поворачиваютъ назадъ, не стараясь испробовать силу врага въ рукопашной, и скрываются въ лѣсъ, гдѣ у нихъ есть надежная защита; такъ они заставляютъ врага сражаться въ тѣсныхъ мѣстахъ. Часто, неся съ собою добычу, они бросаютъ ее при малѣйшей тревогѣ, и убѣгаютъ въ лѣсную чащу; затѣмъ, когда враги окружаютъ добычу, они снова на нихъ нападаютъ, и наносятъ имъ вредъ. Такъ искусно они заманиваютъ враговъ.

Они въ высшей степени вѣроломны и невѣрны въ соблюденіи договоровъ, но уступаютъ болѣе страху, чѣмъ дарамъ. Часто расходятся во мнѣніяхъ, и не могутъ принять общаго рѣшенія; если и рѣшатъ что нибудь сообща, тотчасъ же нарушаютъ принятое рѣшеніе; такъ какъ всѣ держатся противоположныхъ мнѣній, и никто не хочетъ уступить другому...

Нападать на нихъ слѣдуетъ больше въ зимнее время, когда деревья обнажены отъ листьевъ, и (враги) не могутъ легко скрываться, а на снѣгу остаются ихъ слѣды. Зимой и семьи ихъ бѣдствуютъ и беззащитны, и рѣки замерзаютъ, что облегчаетъ переправу...

Остерегаться же сколь возможно, чтобы не ходить на нихъ по узкимъ, непроходимымъ мѣстамъ, во время лѣтней жары, когда враги собираются большими толпами; — прежде, чѣмъ выгнать ихъ конницей или пѣхотой...

Такъ какъ среди нихъ бываетъ много раздоровъ, и мало согласія, то умѣстно нѣкоторыхъ изъ нихъ привлечь къ себѣ рѣчами или дарами, особенно тѣхъ, которые ближе живутъ къ границѣ,—и вести борьбу съ остальными, не допуская, чтобы они всѣ соединились и подчинились общей власти. Бѣглецовъ, являющихся отъ нихъ, должно остерегаться, и зорко слѣдить за ними. И тѣ изъ нихъ, которые сами, съ теченіемъ времени, стали римлянами, и забыли о своей землѣ,—все же оказываются сочувствующими врагу. Но кто изъ нихъ хранитъ вѣрность,—тѣмъ надо чинить добро; если начнутъ вредить,—слѣдуетъ ихъ карать... Богатства, какія окажутся въ сосѣднихъ странахъ, не слѣдуетъ истреблять безъ нужды, но постараться доставить ихъ на вьючныхъ животныхъ и на судахъ въ собственную страну; ихъ рѣки впадаютъ въ Дунай, и можно устроить доставку водой...

Земли славянъ и антовъ лежатъ вдоль рѣки, подъ рядъ, однѣ за другими; онѣ смежны другъ съ другомъ, и нѣтъ между ними пустого мѣста, о коемъ стоило бы говорить. Близко отъ нихъ лѣса, болота и поросшія тростникомъ мѣста; тутъ имъ легко устроить заставу, у самой границы, и спрятать тутъ же свои отряды; а остальные воины, собравшись въ сосѣднемъ лѣсу, будутъ слѣдить оттуда за ихъ движеніями, и помогутъ имъ выгнать врага изъ лѣса. Ихъ молодые люди могутъ врасплохъ напасть на нашихъ воиновъ. При такихъ условіяхъ невозможно будетъ нанести имъ вредъ...

Предпринимая на нихъ походы, не надо щадить враговъ, способныхъ оказать сопротивленіе, но всѣхъ встрѣчающихся убивать, и не медлить съ тѣми, кто всѣхъ болѣе даетъ отпоръ, не терять времени...

(Prof. Dr. Lubor Niederle. Život Starých Slovanů. I. — Maurikios, Strategikon XI.

---

14. Гельмольдъ.

(XII в.).

О славянахъ.

Стоитъ того, мнѣ кажется, въ началѣ этой книги предпослать кое что о земляхъ, о характерѣ и о нравахъ славянъ, указать, въ какомъ лабиринтѣ заблужденій они запутались, чтобы по тягости болѣзни тѣмъ легче

познать дѣйствіе божественнаго спасительнаго средства (крещенія).

Народы славянъ многочисленны; живутъ они по берегамъ Балтійскаго моря...—Вокругъ этого моря живутъ многіе народы; датчане и шведы, коихъ мы называемъ норманнами, занимаютъ какъ сѣверные его берега, такъ и всѣ острова на немъ. Южный же берегъ населенъ племенами славянъ; изъ нихъ на востокѣ первые—руссы, затѣмъ поляки, съ которыми на сѣверѣ граничатъ пруссы, на югѣ чехи, моравы, каринтяне и сербы. Если еще причислить къ славянскому міру венгровъ, какъ хотятъ иные, такъ какъ ни по нравамъ, ни по языку они ничѣмъ не отличаются отъ славянъ, то окажется, славянскій языкъ охватываетъ столь обширную область, что пренебрегать имъ невозможно.

Всѣ эти племена, кромѣ пруссовъ, украшены почетнымъ именемъ христіанъ. Ибо уже давно Русь приняла христіанскую вѣру. Русь называютъ датчане Острогардъ, такъ какъ страна эта, богатая всякими благами, лежитъ на востокѣ. Зовутъ ее также Гунигардъ, такъ какъ тамъ сперва жили гунны. Главный городъ Руси—Кіевъ. Но какіе учителя привели ихъ къ истинной вѣрѣ, я не могъ это выяснить опредѣленно; знаю только, что во всѣхъ своихъ обычаяхъ они больше, какъ кажется, слѣдуютъ грекамъ, чѣмъ латинянамъ. Русское море ведетъ, послѣ недолгаго переѣзда, въ Грецію...—

Чехи и поляки носятъ одно оружіе, у нихъ одинакіе военные обычаи. Въ войнахъ съ другими народами они отличаются храбростью въ бою, но весьма жестоки потомъ, въ грабежахъ и убійствахъ; они не щадятъ ни монастырей, ни церквей и кладбищъ. Они и не вмѣшиваются иначе въ чужія войны, какъ только на томъ условіи, что имъ будетъ позволено расхищать богатства, охраняемыя святыней мѣста. Изъ-за жажды добычи они обращаются съ лучшими друзьями, какъ съ врагами; вслѣдствіе чего къ нимъ весьма рѣдко обращаются за помощью для войны...—

У славянъ—прирожденная жажда крови. Они не постоянны, и тревожатъ сосѣднія страны, на водѣ и на сушѣ. Трудно перечислить всѣ многоразличные виды смерти, какимъ они подвергаютъ христіанъ. У однихъ они вытягиваютъ кишки, и наматываютъ ихъ на колъ; другихъ пригвождаютъ ко кресту, чтобы надругаться надъ знаменіемъ нашего спасенія; какъ разъ величайшихъ преступниковъ присуждаютъ они къ крестной смерти. А тѣхъ, кого они берутъ въ плѣнъ ради выкупа, мучатъ они такими муками, и держатъ ихъ въ столь тяжелыхъ и тѣсныхъ оковахъ, что кто этого не знаетъ, едва можетъ тому повѣрить...

Прибыславъ (князь вагріевъ) просилъ насъ заѣхать къ нему въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали. Онъ принялъ насъ съ величайшей заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами поставили столъ, уставленный 20-ю кушаньями. Тутъ я и самъ узналъ на опытѣ то, о чемъ прежде слыхалъ отъ другихъ,—что нѣтъ народа, болѣе гостепріимнаго, чѣмъ славяне. Всѣ они на перерывъ приглашаютъ гостя, такъ что не приходится самому просить ихъ о пріемѣ. Все, что добываютъ они земледѣліемъ, рыболовствомъ, охотой, все готовы они отдать обѣими руками, и прославляютъ они, на ряду съ храбрыми, тѣхъ, кто оказывается всѣхъ щедрѣе. Многіе, чтобы возбудить вниманіе, прибѣгаютъ даже къ кражѣ и грабежу; эти преступленія случаются среди нихъ нерѣдко; ихъ извиняютъ, если цѣлью было гостепріимство. По обычаю славянъ, утромъ дѣлятъ съ гостями то, что украли за ночь. Если же кто нибудь, что бываетъ очень рѣдко, отка-

жетъ страннику въ гостепріимствѣ и будетъ уличенъ въ этомъ, то его домъ и имущество подлежатъ сожженію; всѣ сходятся во мнѣніи, что тотъ, кто не постыдился отказать страннику въ кускѣ хлѣба, безчестенъ, подлъ и заслуживаетъ всеобщаго презрѣнія.

(Helmoldi. Chronicon Slavorum. I.).

---

15. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку.

I. Обычаи славянъ.

Полем же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. (И) быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, (и) сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, ідѣже нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, идѣже ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже прозвася Хоривица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. (И) бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, (и) нарицахуся Поляне, отъ нихже суть Поляне в Киевѣ и до сего дне...

Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху; не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечерь, а заутра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣхъ, якоже (и) всякий звѣрь, ядуще все нечисто, (и) срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами, (и) браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и̇ на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. (И) аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и̇ на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи (и) прочии поганіи, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ...

2. Призваніе князей.

Въ лѣто 6370 (862). Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, (и) быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. (И) рѣша сами в себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. (И) идоша за море къ Варягомъ, к Русі; сице бо тіи звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Аньгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, (и) Словѣни, и Кривичи (и) Веи (Весь): „земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ: да поидѣте княжитъ и володѣти нами“.

И изъбрашася 3 братья с роды своими, (и) пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій, Рюрикъ, (сѣде Новѣгородѣ), а другий, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ, Труворъ. И отъ тѣхъ (Варягъ) прозвася Руская земля, Новугородьци, ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска, пре-

же бо бѣша Словѣни. По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ; и прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне, (въ) Полотьстѣ Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣ-озерѣ Весь, в Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.

3. Князь Олегъ.

Въ лѣто 6390 (882). Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи, и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои; оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свои.

(И) придоста къ горамъ хъ Киевьскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, (и) похорони вои в лодьяхъ, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и посла ко Асколду и Дирови, глаголя: „яко гость есмь, (и) идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта к намъ к родомъ своимъ“. Асколдъ же и Диръ придоста, (и) выскакаша вси прочии изъ лодья, и рече Олегъ Асколду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа“, (и) вынесоша Игоря: „а се есть сынъ Рюриковъ“. И убиша Аскольда и Дира, (и) несоша на гору, и погребоша й на горѣ, еже ся ныне зоветъ Угорьское, кде ныне Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною.

(И) сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: „се буди мати градомъ Русьскимъ“. (И) бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и (устави) Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.

4. Походъ Олега на грековъ.

Въ лѣто 6414. Въ лѣто 6415 (907). Иде Олегъ на Греки, Игоря оставивъ Киевѣ; поя (же) множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться отъ Грекъ Великая Скуѳь. (И) съ сими со всѣми поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ, и бѣ числомъ кораблей 2000, (и) прiиде къ Царюграду; и Греци замкоша Судъ, а градъ затвориша.

И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийство сотвори около града Грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви; а ихже имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа (зла) творяху Русь Грекомъ, еликоже ратнии творять. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставити на колеса корабля, и бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше Греци и убояшася, и рѣша выславше ко Олгови: „не погубляй града, имемъ ся по дань, якоже хощеши“. И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не прiа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася Греци, и рѣша: „нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны отъ Бога“. И заповѣда Олегъ (дань) даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли (по) 40 мужь; и яшася Греци по се, и почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецкые земли.

Олегъ же мало отступивъ отъ града, нача миръ творити со царьма Грец-

кима, со Леономъ и Александромъ, посла к нима въ градъ Карла, Фарлоѳа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: „имѣте ми ся по дань". И рѣша Греци: „чего хощеши, дамы ти". И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь, и потомъ даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, (і) на Переаславль, (і) на Полтѣскъ, (і) на Ростовъ, (і) на Любечь и на прочаа городы, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, подъ Олгомъ суще; „да приходячи Русь слюбное [1]) емлють, елико хотячи, а иже придутъ гости, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, (и) вино, (и) мясо, и рыбы и овощь; и да творять имъ мовь, [2]) елико хотять; поидучи же (домовь, в) Русь, да емлють у царя нашего (на путь) брашно, и якори, и ужа, и парусы, и елико (імъ) надобе". И яшася Греци и рѣста царя и боярьство все: „аще приидуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячины; да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣхъ в странѣ нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы, и после(ть) царьство наше, и да испишють имена ихъ, и тогда возмуть мѣсячное свое,—первое отъ города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради; и да входять в градъ одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, (и) да творять куплю, якоже имъ надобе, не платяче мыта ни в чемъ же.

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, целовавше (сами) крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ".

И рече Олегъ: „исшийте парусы паволочиты [1]) Руси, а Словеномъ кропиньныя [2])", и бысть тако; и повѣси щитъ свой въ вратехъ, показуа побѣду, и поиде отъ Царяграда. И воспяша (Русь) парусы паволочиты, а Словене кропиньны, и раздра а вѣтръ: и рѣша Словени: „имемся своимъ толстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ (паволочиты)". И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье. И прозваша Олга вѣщій: бяху бо людие погани и невѣголоси...

5. Договоръ Олега съ греками 912 г.

Въ лѣто 6420. Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межю Русью и Грекы, (глаголя): „Равно другаго свѣщания, бывшаго при тѣхже царьхъ Лва и Александра.

„Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоѳъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидулъ, Фостъ, Стемидъ, иже послани отъ Олга, великого князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь, и его великихъ бояръ, к вамъ, Львови и Александру и Костянтину, великимъ о Бозѣ самодержьцемъ, царемъ Греческымъ, на удержание и на извѣщение отъ многихъ лѣтъ межи хрестианы и Русью бывьшюю любовь, похотѣньемъ нашихъ великихъ князь и по повелѣнию отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати (и) извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, (но) и писаниемъ и клятвою

1) Посольское.
2) Баня.

1) Шолковые.
2) Полотняные.

твердою, кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣрѣ и по закону нашему. Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣре и о любви, главы таковыа: по первому убо слову да умиримся с вами, Грекы, да любимъ другъ друга отъ всеа душа и изволениа, и не вдадимъ, елико наше изволение, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ (князь) свѣтлыхъ никакомуже соблазну или винѣ; (но) подщимся, елико по силѣ, на сохранение прочихъ и всегда лѣтъ с вами, Грекы, исповеданиемъ и написаниемъ со клятвою извещаемую любовь непревратну и непостыжну. Такоже и вы, Грекы, да храните такуже любовь ко княземъ нашимъ свѣтлымъ Рускымъ и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего, несоблазну и непреложну всегда и въ вся лѣта...

„Си же вся да створять Русь Грекомъ, идѣже аще ключиться таково. На утверженье же неподвижние быти меже вами хрестьаны и Русью, бывшиі миръ сотворихомъ Ивановымъ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога вашего извѣсти и дасть нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленыхъ главъ мира и любви. И таковое написание дахомъ царства вашего на утверженье обоему пребывати таковому совещанию, на утвержение и на извещание межи вами бывающаго мира. Мѣсяца сентебря 2, недѣли 15, в лѣто созданиа мира 6420“...

6. Договоръ Игоря съ греками 945 г.

В лѣто 6453 (945). Присла Романъ, и Костянтинъ и Степанъ слы к Игореви построити мира первого; Игорь же глагола с ними о мирѣ. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляре и сановники. Приведоша Руския слы, и велѣша глаголати- (и) псати обоихъ рѣчи на харатьѣ:

„Равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ. Мы отъ рода Рускаго съли и гостье, Иворъ, солъ Игоревъ, великаго князя Рускаго, и обьчии сли: Вуефастъ Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини: Слуды Игоревъ, нети Игоревъ: Улѣбъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улѣблѣ; Прасьтѣнъ Туръдуви, Либи Аръфастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастѣнъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевъ Туръдовъ; Егри Евлисковъ; (Воистъ) Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастѣнъ Берновъ; Явтягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Колъ Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка . . . . . . ; Алвадъ Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купець Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелъдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тиленъ, Апубькcарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, посланиии отъ Игоря, великого князя Рускаго, и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людиі Руския земля. И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхиі миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити, отъ многъ лѣтъ и утвердити любовь межю Греки и Русью. И великиі князь нашь Игорь, (и князи) и боляре его, и людье вси Рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми цари, со всѣмьболярьствомъ и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить. И иже помыслить отъ страны Руския разрушити

таку любовь, и елико ихъ крещенье приняли суть (отъ страны Рускыя), да примуть месть отъ Бога вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущий.

„А великий князь Руский и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже имъ уставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь вашь посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаеми бывають отъ нихъ (посли) и гостье, да приносять грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селико; и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромь приходять. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему; аще ли руку не дадять, и противятся, да убьени будуть, да не изищется смерть ихъ отъ князя вашего; аще ли убѣжавше в Русь придуть, мы напишемъ ко князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячна. Да запрѣтить князь сломъ своимъ и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ имъ, да витають у святаго Мамы, та послеть царство наше, да испишеть имяна ваша, тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное, первое отъ города Киева, паки изъ Чернигова и (ис) Переяславля (иис прочихъ городовъ). Да входять в городъ одинѣми вороты со царевымъ мужемъ безъ оружья, мужь 50, и да творять куплю якоже имъ надобѣ, (и) паки да исходять; и мужь царства нашего да хранить я, да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створить криво, да оправляеть то. Входяще же Русь в градъ, да (не творять пакости и) не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ; и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть, да показываеть цареву мужю, и тъ е запечатаеть и дасть имъ. И отходящеи Руси отсюда взимають отъ насъ, еже надобѣ, брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже уставлено есть преже, и да возъвращаются съ спасениемъ въ страну свою; да не имѣють власти зимовати у святаго Мамы... „А о Корсуньстѣй странѣ. Еликоже есть городовъ на той части, да не имате волости, князи Рустии, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, (и) тогда, аще просить вой у насъ князь Руский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будеть требѣ... И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Ельферья; но егда придеть осень, да идуть в домы своя в Русь. А о сихъ, оже то приходять Чернии Болгаре (и) воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому, да ихъ не пущаеть: пакостять странѣ его...

„Аще ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ война противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послетъ к намъ, еликоже хочемъ: и оттоле увѣрять ины страны, каку любовь имѣють Грьци съ Русью.

„Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и една харатья есть у царства нашего, (на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваши и гостье ваши. А отходяче посломъ царства нашего) да допроводять къ великому князю Рускому Игореви и к людемъ его; и ти приимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ (на) харатью сию, на нейже суть имяна наша написана. Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй

церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничтоже; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ. А (некрещеная) Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и (прочаа) оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий отъ страны Руския въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто отъ князь или отъ людий Рускiхъ, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, же есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемь умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будеть добрѣ, Игорь великий князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть и весь миръ стоить, в нынешния вѣки и в будущая"...

7. Смерть князя Игоря.

Въ лѣто 6453 (945). В се же лѣто рекоша дружина Игореви: „отроцi Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы". (И) послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, (и) насиляше имъ и мужи его; возьемавъ дань, поиде въ градъ свой,

Идущу же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: „идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще". Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья.

Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: „аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить;"—(и) послаша к нему, глаголюще: „почто идеши опять? поималъ еси всю дань". И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, (и) есть могила его у Искоръстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне...—

8. Договоръ Святослава съ греками 971 г.

„Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи Рустѣмь, и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, царю Греческому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта въ 14, в лѣто 6479.

„Азъ Святославъ, князь Руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимь великимь царемъ Гречьскимъ, съ Василъемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновеными царi, и со всѣми людьми вашими, и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ (не) съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, якоже сотво-

рихомъ нынѣ къ вамъ, (и) написахомъ на харатьи сей и своими печатьми запечатахомъ".

(Повѣсть временныхъ лѣтъ. Изд. Археограф. Комиссіи).

---

16. Левъ Діаконъ.

(X вѣка.)

Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

... По утвержденіи мира, Святославъ просилъ позволенія у Государя притти къ нему для личныхъ переговоровъ. Онъ согласился и, въ позлощенномъ вооруженіи, на конѣ пріѣхалъ къ берегу Истра, сопровождаемый великимъ отрядомъ всадниковъ, блестящихъ доспѣхами.

Святославъ переѣзжалъ черезъ рѣку на нѣкоторой Скиѳской ладьѣ и, сидя за весломъ, гребъ наравнѣ съ прочими безъ всякаго различія. Видомъ онъ былъ таковъ: средняго роста, ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ, съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ плоскимъ носомъ, съ бритою бородою и съ густыми, длинными, висящими на верхней губѣ волосами. Голова у него была совсѣмъ голая, но только на одной ея сторонѣ висѣлъ локонъ волосъ, означающій знатность рода; шея толстая, плеча широкія и весь станъ довольно стройный. Онъ казался мрачнымъ и дикимъ. Въ одномъ ухѣ висѣла у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ, посреди ихъ вставленнымъ. Одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ, кромѣ чистоты, отъ другихъ не отличная. Итакъ, поговоривъ немного съ Императоромъ о мирѣ, сидя въ ладьѣ на лавкѣ, онъ переправился назадъ.

Такимъ образомъ кончилась война Римлянъ съ Россами.

(Левъ Діаконъ Калойскій. Исторія, кн. IX, гл. XI).

---

17. Императоръ Константинъ Багрянородный. О народахъ.

(X вѣка.)

1. Введеніе.

Константина во Христѣ, Царѣ Вѣчномъ, императора Ромеевъ, къ родному сыну Роману, Богомъ вѣнчанному и багрянородному императору...

Узнай, что надо тебѣ узнать болѣе всего, и умно возьми въ руки руль царства.

Подумай о настоящемъ и изучи будущее, чтобы соединить опытъ съ смѣтливостію, и будешь многосвѣдущъ въ дѣлахъ. Вотъ я излагаю тебѣ наставленіе, чтобы тебѣ, воспользовавшись его опытомъ и знаніемъ для наилучшихъ совѣтовъ, не погрѣшить противъ общаго блага. Прежде всего: въ чемъ какой народъ можетъ быть полезенъ Ромеямъ и въ чемъ—причинять имъ вредъ, и какой изъ нихъ, и какимъ образомъ каждый; и чрезъ посредство какихъ народовъ имъ можно угрожать войной и покорять ихъ. Затѣмъ изложу о чрезмѣрной жадности и ненасытности ихъ духа и о ихъ неосновательныхъ требованіяхъ. Послѣ того—объ отличіяхъ каждаго народа, о происхожденіи народовъ и образѣ жизни, о положеніи и величинѣ населяемой ими страны, очеркъ ея, разстояніе отъ нихъ, а также о томъ, что въ разное время происходило между Ромеями и различными народами, и вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, какія въ извѣстное время произошли въ нашемъ государствѣ и всей землѣ Ромеевъ нововведенія. Это я обдумалъ благоразумно самъ съ собою и далъ себѣ слово сдѣлать извѣстнымъ и тебѣ, моему любимому сыну, чтобы ты узналъ отличіе каждаго изъ нихъ, какъ вступать съ ними въ союзъ, усмирять ихъ, или воевать съ ними и отражать ихъ...

2. О печенѣгахъ.

Слушай же, сынъ, то, чего кажется ты не долженъ не знать, и будь разуменъ, чтобы править рулемъ...

Я полагаю очень полезнымъ всякому императору Ромеевъ желать быть въ мирѣ съ народомъ Печенѣгами, состоять съ ними въ дружескихъ сношеніяхъ и союзѣ, посылать ежегодно отсюда къ нимъ апокрисіарія съ подарками, соотвѣтствующими и нужными этому народу, и оттуда брать омировъ, т.-е. заложниковъ, и апокрисіарія, которые приходятъ въ этотъ Богомъ хранимый городъ съ чиновникомъ и осыпаются царскими щедротами и почестями, достойными императора. Потому что этотъ народъ Печенѣговъ граничитъ съ частью Херсона, и если не находиться съ ними въ дружбѣ, то можетъ вторгнуться въ Херсонъ и опустошить и обезлюдить самый Херсонъ...

3. О Печенѣгахъ и Россахъ.

Печенѣги сосѣди и съ Россами и граничатъ съ ними, и часто, когда они не въ мирѣ между собою, тѣ, т.-е. Печенѣги, дѣлаютъ набѣги на Русь и значительно ей вредятъ и опустошаютъ ее. Поэтому Россы стараются жить въ мирѣ съ Печенѣгами, потому что покупаютъ у нихъ коровъ, лошадей и овецъ и черезъ это живутъ легче и въ большемъ довольствѣ, потому что изъ этого скота ничего не водится въ Руси. Да и Россы не могутъ вовсе отправляться на войну въ чужую землю, если не находятся въ мирѣ съ Печенѣгами, такъ какъ тѣ могутъ во время ихъ отсутствія съ родины сдѣлать нападеніе, ограбить и опустошить ее. Поэтому Россы всегда стараются, чтобы не имѣть отъ нихъ вреда вслѣдствіе силы этого народа, быть съ ними въ союзѣ и получать отъ нихъ помощь, такъ что они и избѣгаютъ ихъ враждебныхъ дѣйствій, и пользуются ихъ помощью.

Не находясь въ мирѣ съ Печенѣгами, Россы не могутъ приблизиться къ этому царственному граду Ромеевъ, ни для войны, ни по торговымъ дѣламъ. Потому что, когда Россы съ своими судами находятся на порогахъ рѣки и не могутъ пройти, если не вытащатъ лодокъ изъ рѣки и не пройдутъ, неся ихъ на плечахъ,—если въ то время на нихъ нападаютъ эти Печенѣги, то они (Россы), не будучи въ силахъ сопротивляться вслѣдствіе двойного труда, легко бываютъ обращаемы въ бѣгство и побиваемы.

4. О Руссахъ, отправляющихся на однодревкахъ изъ Руси въ Константинополь.

Однодревки внѣшней Руси (не Полянъ), приходящія въ Константинополь, идутъ изъ Новгорода, въ которомъ сидѣлъ Святославъ, братъ Игоря, князя Руси. Есть и изъ Смоленска, и изъ Любеча, и Чернигова, и изъ Вышгорода. Всѣ онѣ спускаются рѣкою Днѣпромъ и собираются около города Кіева, который получилъ прозваніе: Самбатъ. Славяне же, платящіе имъ дань: такъ называемые Кривичи, Лутичи, и остальные Славяне на своихъ возвышенностяхъ вырубаютъ въ зимнее время однодревки, налаживаютъ ихъ ко времени вскрытія рѣки и, когда пройдетъ ледъ, вводятъ ихъ въ ближнія заводи. И такъ какъ онѣ втекаютъ въ Днѣпръ, то и они черезъ это входятъ въ рѣку и спускаются въ Кіевъ, тащутъ ихъ для оснащиванія и продаютъ ихъ Руссамъ. Руссы же покупаютъ только выдолбленныя колоды, снимая съ своихъ старыхъ однодревокъ и надѣвая на эти весла, уключины и другія снасти, снаряжаютъ ихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ они спускаются по рѣкѣ Днѣпру до Витичева, города, платящаго дань Руссамъ. Собравшись тамъ въ теченіе двухъ или

трехъ дней, пока съѣдутся всѣ однодревки, они пускаются въ путь и плывутъ внизъ по вышеупомянутой рѣкѣ Днѣпру.

Прежде всего они приходятъ къ первому порогу, называемому Ессупи, что означаетъ по-русски и по-славянски: „не спи“. Ущелье этого порога по ширинѣ равняется цикастирію (манежу), а въ срединѣ его возвышаются крутыя и высокія скалы, по виду похожія на острова. Стремясь къ нимъ и поднимаясь, вода, бѣгущая оттуда стремглавъ книзу, производитъ большой шумъ и страхъ. Черезъ его середину Россы не осмѣливаются проходить, но причаливши вблизи и высадивши людей на берегъ, а остальныя вещи оставивши въ однодревкахъ, послѣ этого они нагіе двигаются, пробуя дно своими ногами, чтобы не натолкнуться на какой нибудь камень, при чемъ толкаютъ шестами: одни носъ лодки, другіе—середину, третьи—корму. И съ такой величайшей осторожностью они проходятъ этотъ первый порогъ по краю и берегу рѣки.

Пройдя этотъ порогъ, они опять, взявши съ берега остальныхъ, плывутъ и приходятъ ко второму порогу, называемому по-русски Ульворси, а по-славянски — Островунипрагъ, что означаетъ: Островъ порога. Этотъ тоже подобенъ первому, труденъ и неудобопроходимъ. И опять высаживая людей, они проводятъ ладьи, какъ прежде. Подобнымъ же образомъ они проходятъ и третій порогъ, называемый Геландри, что по-славянски значитъ—шумъ порога. Затѣмъ такимъ же образомъ большой порогъ, называемый по-русски Анфаръ, а по-славянски—Неясыть, потому что пеликаны гнѣздятся на скалахъ порога. На этомъ порогѣ всѣ суда вытаскиваютъ на твердую землю. И назначенные люди выходятъ вмѣстѣ, стоятъ съ ними на стражѣ и уходятъ. Стражу они держатъ неусыпно изъ-за Печенѣговъ. Остальные же, выбравъ вещи, бывшія въ однодревкахъ, на протяженіи шести миль проходятъ по берегу, ведя въ цѣпяхъ рабовъ, пока пройдутъ порогъ. Затѣмъ такимъ же образомъ одни волокомъ, а другіе, взявши на плечи свои однодревки, перетаскиваютъ ихъ на ту сторону порога, спускаютъ ихъ въ рѣку и входятъ, вложивъ свой грузъ, и тотчасъ плывутъ далѣе. Подойдя къ пятому порогу, называемому по-русски Варуфорсъ, а по-славянски Вульнипрагъ, такъ какъ онъ образуетъ большую заводь, опять ведя по краямъ рѣки свои однодревки, какъ въ первомъ и второмъ порогѣ, достигаютъ шестого порога, называемаго по-русски Леанти, а по-славянски Веручи, что значитъ—кипѣніе воды, и проходятъ его такимъ же образомъ. Оттуда они плывутъ до седьмого порога, называемаго по-русски—Струвунъ, а по-славянски — Напрези, что значитъ—малый порогъ, и доходятъ до такъ называемой переправы Крарійской, въ которой переправляются Херсониты на пути изъ Руси и Печенѣги—въ Херсонъ. Эта переправа шириной равна ипподрому (270 футъ), вышина же—какъ снизу, до того мѣста, откуда „друзья“ смотрятъ, и насколько можетъ долетать стрѣла. Поэтому на этомъ мѣстѣ сходятся Печенѣги и нападаютъ на Руссовъ.

Пройдя это мѣсто, они достигаютъ острова, называемаго Св. Григорій (Хортица). На этомъ островѣ они совершаютъ жертвоприношенія, такъ какъ на немъ стоитъ огромный дубъ, и приносятъ въ жертву живыхъ пѣтуховъ и куръ. Кругомъ они втыкаютъ стрѣлы, другіе кладутъ хлѣбъ, мясо и что каждый имѣетъ, по своему обычаю. Они бросаютъ жребій на счетъ куръ, убить ли ихъ и съѣсть, или пустить живыми. Отъ этого острова Россы уже не боятся Печенѣговъ, пока не достигнутъ рѣки Селины (гирло Дуная). Отправившись отсюда, они плывутъ около

четырехъ дней, пока не доѣдутъ до лимана, который служитъ устьемъ рѣки и въ которомъ находится островъ св. Евферія (Березань). Достигши этого острова, они отдыхаютъ на немъ въ теченіе двухъ или трехъ дней и опять на своихъ однодревкахъ придѣлываютъ остальныя принадлежности, приносимыя съ собою: паруса, мачты, румпели. Поелику устье этой рѣки, какъ сказано, составляетъ лиманъ и простирается до моря и у моря лежитъ островъ св. Евферія, то оттуда они далѣе плывутъ къ рѣкѣ Днѣстру, и добравшись благополучно, опять тамъ отдыхаютъ. Когда же погода благопріятствуетъ, они, выйдя на берегъ, идутъ въ путь къ такъ называемой Бѣлой рѣкѣ и такимъ образомъ, отдохнувши и тамъ, направляются къ Селинѣ, такъ называемому рукаву рѣки Дуная. И пока они не минуютъ рѣки Селины, ихъ преслѣдуютъ Печенѣги. И если, какъ это часто бываетъ, море выброситъ однодревки на берегъ, всѣ они высаживаются, чтобы вмѣстѣ противостать Печенѣгамъ. Отъ Селины же никого не боятся, но, достигнувъ Болгарской земли, входятъ въ устье Дуная. Отъ Дуная же они направляются въ Канопъ, отъ Канопа къ Констанціи, къ рѣкѣ Варнѣ, а отъ Варны плывутъ до рѣки Дицины. Все это въ Болгарской землѣ. Отъ Дицины они достигаютъ области Месемвріи, и около этого мѣста оканчивается ихъ мучительный, опасный, труднопроходимый и тяжелый путь.

Зимній же образъ жизни самихъ Россовъ суровъ и состоитъ въ слѣдующемъ: когда наступаетъ ноябрь мѣсяцъ, тотчасъ выходятъ ихъ князья со всѣми Россами изъ Кіева и отправляются въ полюдье, которое называется гирой, и именно въ Славянскія страны Тиверцевъ, Дреговичей, Сѣверянъ и остальныхъ Славянъ, которые платятъ дань Россамъ. Они кормятся тамъ въ теченіе цѣлой зимы, а когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ледъ на Днѣпрѣ опять проходитъ, спускаются въ Кіевъ. Затѣмъ пріобрѣтаютъ, какъ было сказано выше, свои однодревки, снаряжаютъ ихъ и отправляются въ Византію.

5. О народахъ, сосѣднихъ съ Турками.

Устреми, о сынъ, око ума твоего на слова мои и знай, что я тебѣ совѣтую, и ты при случаѣ будешь имѣть возможность вынести изъ отцовской сокровищницы богатство мудрости, и показать глубину разума. Знай, что всѣмъ сѣвернымъ народамъ какъ бы отъ природы свойственна алчность къ деньгамъ, ненасытимая и никогда не прекращающаяся, почему они всего требуютъ, всего домогаются, и не имѣютъ предѣловъ желаніямъ, но всегда хотятъ большаго и взамѣнъ малыхъ услугъ стараются требовать большихъ вознагражденій. Поэтому надо ихъ неумѣстныя просьбы и дерзкія требованія отвергать рѣчами, исполненными убѣдительныхъ, разумныхъ и понятныхъ опроверженій, и отклонять.

Рѣчи эти, какъ мы это могли узнать изъ своего собственнаго опыта, коротко сказать, имѣютъ быть въ родѣ слѣдующихъ: если, какъ это часто бываетъ, Козары, Турки, Русь или какой другой сѣверный скиѳскій народъ когда-либо будетъ добиваться и просить себѣ что-либо изъ царскихъ одеждъ, коронъ или украшеній за какую нибудь услугу, то ты долженъ отвѣчать, что одежды и короны, называемыя нами камелавкіями, не сдѣланы людьми, не придуманы или выполнены людскимъ искусствомъ, но, какъ мы то находимъ въ сокровенныхъ книгахъ, по древнему сказанію, Богъ содѣлалъ царемъ Константина Великаго, перваго царя-христіанина, и прислалъ ему черезъ ангела эти одежды и короны, называемыя у насъ камелавкіями, и велѣлъ ему это положить въ Великой Церкви Божіей, которая по имени

ипостасной премудрости Божіей называется: Святая Софія, — и не одѣваться въ нихъ ежедневно, а только тогда, когда случится торжественный и великій праздникъ Господень. По Божьему повелѣнію онъ снялъ ихъ, и они висятъ надъ св. престоломъ въ алтарѣ этого храма, и включены въ украшенія церкви. Остальныя же одѣянія и облаченія царскія лежатъ на этомъ св. престолѣ распростертыми. При наступленіи же праздника Господа нашего Іисуса Христа изъ этихъ нарядовъ патріархъ снимаетъ нужные и подходящіе для этого случая одежды и вѣнцы и отправляетъ ихъ къ царю. Тотъ надѣваетъ ихъ, какъ слуга Божій, только во время служенія, и послѣ употребленія снова возвращаетъ ихъ въ церковь, гдѣ онѣ лежатъ. Есть и заклятіе святого и Великаго Константина, вписанное на этомъ св. престолѣ церкви Божіей, какъ Богъ приказалъ ему черезъ ангела, что если царь захочетъ, въ случаѣ какой-нибудь надобности, особаго обстоятельства или нелѣпаго желанія взять ихъ, или самъ воспользоваться, или дать другимъ, то какъ врагъ и противникъ Божіихъ постановленій онъ предается анаѳемѣ и отлучается отъ церкви. Если же самъ захочетъ сдѣлать другія подобныя, пусть и ихъ восприметъ церковь, съ согласія всѣхъ архіереевъ и синклита. Ни царь, ни патріархъ, ни кто-либо другой не имѣютъ права взять изъ св. церкви Божіей эти одежды и вѣнцы.

И нѣчто ужасное угрожаетъ тѣмъ, которые захотятъ обойти эти божескія постановленія. Такъ что одинъ изъ царей, по имени Левъ, въ порывѣ безумной дерзости надѣлъ одинъ изъ вѣнцовъ не въ Господень праздникъ и противъ воли патріарха, но тотчасъ карбункулъ явился на лицѣ его, и, пораженный ужасными муками, онъ лишился жизни и преждевременно умеръ.

(Константинъ Багрянородный. О народахъ. Пер. Г. Ласкина).

---

18. Ибнъ Хордадбе.

(IX вѣка.)

О славянахъ и руссахъ.

Титулы земныхъ царей. Царь Ирака, котораго обыкновенное названіе Кисра, (называется также) Шаханшахомъ; царь Рума, обыкновенно называемый Кайсаръ (именуютъ) Басили; цари Турка, Тибета и Хазара всѣ называются Хаканами . . . . царь Славянъ (называется) Кнадзъ (Кнадъ).

2. . . (Въ Магребъ?) привозятся также черезъ Западное море евнухи Славянскіе и Суданскіе, мальчики Румскіе, дѣвушки Андалузскія, кожи рогатаго и домашняго скота.

5. Что же касается купцовъ Русскихъ—они же суть племя изъ Славянъ—то они вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю, и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи, проходятъ по заливу хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана и выходятъ на любой имъ берегъ;—діаметръ же этого моря—500 фарсанговъ.—Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ.

(А. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ).

---

19. Ибнъ Фадланъ.

(X вѣка.)

1. Обычаи руссовъ.

Я видѣлъ Руссовъ, когда они пришли со своими товарищами и расположились по рѣкѣ Итиль, и я не видалъ болѣе совершенныхъ членами чѣмъ они, какъ будто они пальмовыя деревья; они рыжи, не надѣваютъ ни

куртокъ, ни кафтановъ, но у нихъ мужчина надѣваетъ кису, которою онъ обвиваетъ одинъ изъ боковъ и одну руку выпускаетъ изъ подъ нея. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сѣкиру; мечи же ихъ суть широкіе, волнообразные, клинки франкской работы. Начиная отъ конца ногтя каждаго изъ нихъ до его шеи (видны) зеленыя деревья, изображенія и другія вещи. Каждая же ихъ женщина имѣетъ на груди прикрѣпленную коробочку изъ желѣза ли, изъ мѣди ли, изъ серебра либо изъ золота, смотря по состоянію мужа и по его имуществу; въ каждой же коробочкѣ есть кольцо, къ коему прикрѣпленъ ножъ, также на груди. На шеѣ онѣ имѣютъ золотыя и серебряныя цѣпи, ибо когда мужъ имѣетъ 10,000 диргемовъ, дѣлаетъ онъ женѣ цѣпь; когда имѣетъ 20,000, дѣлаетъ онъ ей двѣ цѣпи, подобнымъ образомъ каждый разъ, когда у него прибавляется 10,000 диргемовъ, прибавляетъ онъ другую цѣпь своей женѣ, такъ что часто одна изъ нихъ имѣетъ много цѣпей на шеѣ. Лучшее украшеніе у нихъ—зеленыя бусы изъ глины, изъ тѣхъ бусъ, которыя бываютъ на корабляхъ; они стараются всѣми силами достать ихъ, покупаютъ одну бусу за диргемъ и нанизываютъ ими ожерелья своихъ женъ.

Они грязнѣйшія твари Божія. Каждый день утромъ у нихъ непремѣнно приходитъ дѣвушка съ большою лоханью съ водой, и ставитъ ее предъ своимъ хозяиномъ, который моетъ въ ней лице, руки и волосы, моетъ и чешетъ ихъ гребнемъ въ лохани, потомъ высморкается и плюетъ въ нее, и не оставляетъ грязной вещи, которой не дѣлаетъ въ этой водѣ. Когда онъ кончилъ все нужное ему, дѣвушка несетъ лохань къ тому, который сидитъ близь него, и онъ дѣлаетъ подобно товарищу; она же не перестаетъ переносить лохань отъ одного къ другому, пока не обходитъ кругомъ всѣхъ, находящихся въ домѣ, и каждый изъ нихъ высморкается и плюетъ въ нее, умываетъ въ ней лице и волосы.

Во время прибытія ихъ судовъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, подходитъ къ высокому вставленному столбу, имѣющему лице, похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія; позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: о господине! я пришелъ изъ далека, со мной дѣвушекъ—столько и столько-то головъ, соболей—столько и столько-то шкуръ, пока не упоминаетъ все, что онъ привезъ съ собой изъ своего товара. Затѣмъ говоритъ: этотъ подарокъ принесъ я тебѣ,—и оставляетъ принесенное имъ предъ столбомъ, говоря: желаю, чтобъ ты мнѣ доставилъ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что желаю (продать), и не прекословилъ бы мнѣ во всемъ, что я ему ни скажу; послѣ онъ удаляется.

Если продажа бываетъ затруднительна и время ея продолжается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ во второй, въ третій разъ, и если желаемое имъ все еще промедляется, то онъ приноситъ одному изъ тѣхъ малыхъ изображеній подарокъ и проситъ его о ходатайствѣ, говоря: эти суть жены господина нашего и его дочери;—и онъ не пропускаетъ ни одного изображенія, котораго не просилъ бы и не молилъ бы о ходатайствѣ и не клянялся бы ему униженно. Часто же продажа бываетъ ему легка, и когда онъ продастъ,—говоритъ: господинъ мой исполнилъ мое желаніе, должно вознаградить его за то. И беретъ онъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, убиваетъ ихъ,

часть мяса раздаетъ бѣднымъ, остальное же приноситъ и бросаетъ предъ большимъ столбомъ и малыми, его окружающими, и вѣшаетъ головы рогатаго скота и овецъ на столбы, вставленные въ землѣ, а когда настаетъ ночь, то приходятъ собаки и съѣдаютъ это; тогда тотъ, который это сдѣлалъ, говоритъ: мой господинъ соблаговолилъ ко мнѣ и съѣлъ мой подарокъ.

Когда одинъ изъ нихъ заболѣваетъ, то они разбиваютъ ему палатку вдали отъ нихъ, бросаютъ его туда и кладутъ съ нимъ кое-что изъ хлѣба и воды, но не приближаются къ нему, не говорятъ съ нимъ, даже не посѣщаютъ его во все время (болѣзни), особенно когда онъ бѣдный или невольникъ. Если онъ выздоравливаетъ и встаетъ, то возвращается къ нимъ; если же умираетъ, то они его сжигаютъ, а если онъ рабъ, то оставляютъ его въ этомъ положеніи, пока его не съѣдаютъ собаки и хищныя птицы.

Когда они поймаютъ вора или разбойника, то приводятъ его къ высокому, толстому дереву, привязываютъ ему на шею крѣпкую веревку, привѣшиваютъ его за нее и онъ остается висячимъ, пока не распадется на куски отъ долгаго пребыванія (въ такомъ положеніи), отъ вѣтровъ или отъ дождей.

Мнѣ говорили, что они дѣлаютъ со своими главами при смерти ихъ такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе: посему я весьма желалъ присутствовать при этомъ, какъ я узналъ про смерть знатнаго у нихъ человѣка. Они положили его въ могилу и накрыли ее крышкой, въ продолженіе десяти дней, пока не кончили кроенія и шитья одежды его. Это дѣлается такъ: бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, кладутъ его туда и сжигаютъ его; у богатаго же они собираютъ его имущество и раздѣляютъ его на три части: треть даютъ семьѣ, за треть кроятъ ему одежду, и за треть покупаютъ горячій напитокъ, который они пьютъ въ тотъ день, когда дѣвушка его убиваетъ себя и сжигается вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ. Они же преданы вину, пьютъ его днемъ и ночью, такъ что иногда умираетъ одинъ изъ нихъ съ кружкой въ рукѣ. Когда же умираетъ у нихъ глава, то семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ: кто изъ васъ умретъ съ нимъ? и кто нибудь изъ нихъ говоритъ: я! Когда онъ такъ сказалъ, то это уже обязательно для него, ему никакъ не позволительно обратиться вспять, и еслибъ онъ даже желалъ, это не допускается; большею частью дѣлаютъ это дѣвушки.

2. Похороны русса.

Посему, когда умеръ вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: кто умретъ съ нимъ? и одна изъ нихъ отвѣтила: я! Посему назначили двухъ дѣвушекъ, которыя бы стерегли ее и были бы съ ней, куда бы она ни пошла, иногда онѣ даже моютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ они взялись за него, за кройку его одежды и приготовленіе ему нужнаго. Дѣвушка же пила каждый день и пѣла, веселясь и радуясь. Когда же наступилъ день, назначенный для сожженія его и дѣвушки, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло его судно, и вотъ: оно уже было вытащено (на берегъ) и для него сдѣлали четыре подпоры изъ дерева,... а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ. Судно они потащили на эти дерева (столбы), и начали ходить взадъ и впередъ и говорить слова, мнѣ непонятныя, а онъ (мертвецъ) еще былъ въ своей могилѣ, они еще не вынули его. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно и покрыли ее вышитыми коврами, румскимъ дибаджемъ и подушками изъ румскаго же дибаджа. Затѣмъ пришла

старая женщина, которую называютъ ангеломъ смерти, и выстлала на скамью все вышеупомянутое; она же управляетъ шитьемъ и приготовленіемъ его, она также принимаетъ дѣвушку, и я видѣлъ ее черною (темно-красною), толстою, съ лютымъ видомъ.

Послѣ того, какъ они пришли къ могилѣ его, они сняли землю съ дерева, равно какъ само дерево, вынули мертвеца въ покрывалѣ, въ коемъ онъ умеръ, и я видѣлъ его почернѣвшимъ отъ холода этой страны. Они прежде поставили съ нимъ въ могилу горячій напитокъ, плоды и лютню (или балалайку); теперь же они вынули все это. Онъ ни въ чемъ, кромѣ цвѣта, не перемѣнился. Ему надѣли шаровары, носки, сапоги, куртку и кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, надѣли ему на голову калансуву изъ дибаджа съ соболемъ, понесли его въ палатку, которая находилась на суднѣ, посадили его на коверъ и подперли его подушками; принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо и лукъ и бросили предъ нимъ; принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили о́-бокъ ему; затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно, затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда же...

Когда настало среднее время между полуднемъ и закатомъ, въ пятницу, повели они дѣвушку къ чему-то, сдѣланному ими на подобіе карниза у дверей; она поставила ноги на руки мужчинъ, поднялась на этотъ карнизъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была спущена. Затѣмъ подняли ее вторично, она сдѣлала то же самое, что въ первый разъ, и ее спустили; подняли ее въ третій разъ, и она дѣлала какъ въ первые два раза. Потомъ подали ей курицу, она отрубила ей голову и бросила ее, курицу же взяли и бросили въ судно. Я же спросилъ толмача объ ея дѣйствіи, и онъ мнѣ отвѣтилъ: въ первый разъ она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою!“ во второй разъ: „вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими!“ въ третій же разъ сказала она: „вотъ вижу господина сидящимъ въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики, онъ зоветъ меня, посему ведите меня къ нему“. Ее повели къ судну, она сняла запястья, бывшія на ней, и подала ихъ старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти; эта же женщина убиваетъ ее. Затѣмъ сняла она пряжки, бывшія на ея ногахъ, и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей; онѣ же дочери извѣстной подъ прозваніемъ ангела смерти.

Потомъ ее подняли на судно, но не ввели ее въ палатку, и мужчины пришли со щитами и палками и подали ей кружку съ горячимъ напиткомъ; она пѣла надъ нею и выпила ее; толмачъ же сказалъ мнѣ, что этимъ она прощается со своими подругами. Затѣмъ дали ей другую кружку, которую она взяла и запѣла длинную пѣсню; старуха же торопила ее выпить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ее въ нерѣшимости, она желала войти въ палатку и всунула голову между палаткой и судномъ; старуха же взяла ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать палками по щитамъ, для того, чтобы не слышны были звуки ея криковъ, и чтобъ это не удержало другихъ дѣвушекъ, (такъ что) онѣ не пожелаютъ умереть со своими господами. Затѣмъ вошли въ палатку шесть

человѣкъ, простерли ее о-бокъ съ ея господиномъ-мертвецомъ, двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, называемая ангеломъ смерти, обвила ей вокругъ шеи веревку, противоположные концы которой она дала двумъ, чтобъ они тянули, подошла съ большимъ ширококлиннымъ кинжаломъ и начала вонзать его между реберъ ея и вынимать его, а тѣ двое мужчинъ душили ее веревкой, пока она не умерла.

Затѣмъ подошелъ ближайшій родственникъ этого мертвеца, взялъ кусокъ дерева и зажегъ его, пошелъ задомъ вспять къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева,... пока не зажегъ того дерева, которое они расположили подъ судномъ, послѣ того уже, какъ положили умерщвленную дѣвушку подлѣ ея господина. Послѣ того подошли (остальные) люди съ деревомъ и дровами, каждый имѣлъ зажженный кусокъ дерева, который онъ бросилъ въ эти дрова, и огонь охватилъ дрова, затѣмъ судно, потомъ палатку съ мужчиной (мертвецомъ), дѣвушкой, и всѣмъ въ ней находящимся; потомъ подулъ сильный, грозный вѣтеръ, пламя огня усилилось, и все болѣе разжигалось неукротимое воспламененіе его.

Подлѣ меня стоялъ человѣкъ изъ Русовъ, и я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ толмачемъ, бывшимъ при немъ. Я его спросилъ, о чемъ онъ велъ съ нимъ рѣчь, и онъ отвѣтилъ, что Русъ сказалъ ему: „Вы, Арабы, глупый народъ, ибо вы берете милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ изъ людей и бросаете его въ землю, гдѣ его съѣдаютъ пресмыкающіяся и черви; мы же сжигаемъ его въ огнѣ, въ одно мгновеніе, и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай“. Затѣмъ засмѣялся онъ чрезмѣрнымъ смѣхомъ и сказалъ: „По любви господина его (Бога) къ нему, послалъ онъ вѣтеръ, такъ что (огонь) охватилъ его въ часъ“. И подлинно, не прошло и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и дѣвушка совершенно превратились въ пепелъ. Потомъ построили они на мѣстѣ (стоянки) судна, когда его вытащили изъ рѣки, что-то подобное круглому холму, вставили въ середину большое дерево халанджъ, написали на немъ имя (умершаго) человѣка и имя русскаго царя, и удалились.

(А. Гаркави. Извѣстія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ).

---

20. Ибнъ-Даста.

(X вѣка).

1. О славянахъ.

Между страной Баджнаковъ и страной Славянъ разстояніе 10 дней пути. Въ самомъ началѣ границы страны Славянъ находится городъ, по имени Куябъ. Путь въ ихъ страну идетъ по степямъ, по землямъ бездорожнымъ, черезъ ручьи и дремучіе лѣса. Страна Славянъ—страна ровная и лѣсистая; въ лѣсахъ они и живутъ. Они не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашенъ. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и ульи для пчелъ, и медъ пчелиный сберегается. Это называется у нихъ сиджъ, и одинъ кувшинъ заключаетъ въ себѣ около 10 кружекъ его. Они пасутъ свиней наподобіе овецъ...—Болѣе всего сѣятъ они просо. Во время жатвы берутъ они просяныя зерна въ ковшѣ, поднимаютъ ихъ къ небу и говорятъ: Господи, ты, который снабжалъ насъ пищей (до сихъ поръ), снабди и теперь насъ ею въ изобиліи!

Есть у нихъ разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Ихъ свирѣли длиною въ два локтя, лютня же ихъ осьми-струнная. Хмѣльной напитокъ приготовляютъ изъ меду. При сожиганіи покойниковъ предаются шумно-

му веселью, выражая тѣмъ радость свою милости, оказанной ему (покойнику) Богомъ. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ упомянутый человѣкъ. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другого оружія не имѣютъ.

Глава ихъ коронуется; ему они повинуются, и отъ приказаній его не отступаютъ. Жилище его находится въ срединѣ страны Славянъ.

Помянутое выше лицо, котораго титулуютъ они „главою главъ“, зовется у нихъ свіятъ-царь...—Царь этотъ имѣетъ верховыхъ лошадей, не имѣетъ другой пищи, кромѣ кобыльяго молока. Есть у него также прекрасныя, прочныя и драгоцѣнныя кольчуги. Городъ, въ которомъ онъ живетъ, зовется Джарвабъ: въ немъ производится ежемѣсячно, въ продолженіе трехъ дней. торгъ. Холодъ въ ихъ странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышу на подобіе (крыши) христіанской церкви, и на крышу накладываетъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ, и взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни на огнѣ до-красна. Когда же раскаляются камни до высшей степени, наливаютъ ихъ водой, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до весны. Царь ихъ объѣзжаетъ ихъ ежегодно. Если у кого изъ нихъ есть дочь, то царь беретъ себѣ по одному изъ ея платьевъ въ годъ; а если есть сынъ, то царь беретъ себѣ также по одному изъ его платьевъ въ годъ. У кого нѣтъ ни сына, ни дочери, тотъ даетъ по одному изъ платьевъ жены или служанки въ годъ. Поймаетъ царь въ государствѣ своемъ разбойника, велитъ или задушить его, или же отдаетъ его подъ надзоръ кого-либо изъ правителей на отдаленныхъ окраинахъ своихъ владѣній.

2. О Русіи.

Что касается до́ Русіи, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ. Островъ этотъ, на которомъ живутъ они (Русы), занимаетъ пространство трехъ дней пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она уже трясется по причинѣ обилія въ ней воды. Они имѣютъ царя, который зовется хаканъ-Русъ. Они производятъ набѣги на Славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, высадятся, забираютъ ихъ (Славянъ) въ плѣнъ, отвозятъ въ Хазранъ и Булгаръ, и продаютъ тамъ. Пашенъ они не имѣютъ, а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ земли Славянъ. Когда у кого изъ нихъ родится сынъ, то онъ беретъ обнаженный мечъ, кладетъ его предъ новорожденнымъ и говоритъ: „не оставлю тебѣ въ наслѣдство никакого имущества, а будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечомъ“. Они не имѣютъ ни недвижимаго имущества, ни городовъ (или селеній), ни пашенъ; единственный промыселъ ихъ—торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ; плату же, получаемую деньгами, завязываютъ на-крѣпко въ пояса свои. Одѣваются они неопрятно; мужчины у нихъ носятъ золотые браслеты. Съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что занимаютъ ихъ при торговлѣ. Городовъ у нихъ большое число, и живутъ на просторѣ. Гостямъ оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто у нихъ бываетъ, не позволяя никому изъ своихъ обижать или при-

тѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его.

Мечи у нихъ сулаймановы. Когда проситъ о помощи который либо изъ ихъ родовъ, выступаютъ въ поле всѣ; между ними нѣтъ розни, но воюютъ единодушно противъ врага, пока не побѣдятъ его. Если кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ царю, предъ которымъ и препираются; когда царь произнесъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ. Если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. На борьбу эту родственники (обѣихъ тяжущихся сторонъ) приходятъ вооруженными и становятся. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и кто одолѣетъ противника, выигрываетъ дѣло по своему требованію. Есть у нихъ знахари, изъ коихъ иные повелѣваютъ царю, какъ будто они начальники ихъ (Русовъ). Случается, что приказываютъ они приносить жертву творцу ихъ, что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей, а ужъ когда приказываютъ знахари, не исполнить ихъ приказанія нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, знахарь накидываетъ ему петлю на шею, навѣшиваетъ на бревно и ждетъ, пока оно не задохнется, и говоритъ, что это жертва Богу.

Они мужественны и храбры. Когда нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ его всего; насилуютъ побѣжденныхъ и обращаютъ ихъ въ рабство. Они высокорослы, имѣютъ хорошій видъ и смѣлость въ нападеніяхъ; но смѣлости этой на конѣ не обнаруживаютъ, а всѣ свои набѣги и походы совершаютъ на корабляхъ. Шаровары носятъ они широкія: сто локтей матеріи идетъ на каждыя. Надѣвая такія шаровары, собираютъ ихъ въ сборки у колѣна, къ которымъ затѣмъ и привязываютъ... Всѣ постоянно носятъ при себѣ мечи, потому что мало довѣряютъ они другъ другу, и что коварство между ними дѣло обыкновенное: если кому удастся пріобрѣсть хотя малое имущество, то ужъ родной братъ или товарищъ тотчасъ же начинаетъ завидовать и домогаться, какъ бы убить его или ограбить.

Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается, и жена умираетъ въ заключеніи.

(А. Гаркави. Извѣстія мусульман. писателей о славянахъ и русскихъ).

---

21. Коляда.

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коледушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

(Аристовъ. Хрестоматія по рус. ист.).

22. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку.

1. Владимиръ-язычникъ (980 г.).

И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. (И) жряху имъ, наричюще я́ богы, (и) привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, (и) оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ,—на томь холмѣ ныне церкви стоить...

2. Проповѣдь разныхъ вѣръ.

В лѣто 6494 (986) придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ, глаголюще: „яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣсі закона; но вѣруй в законъ нашь и поклонися Бохъмиту". И рече Володимеръ: „како есть вѣра ваша?" Они же рѣша: „вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: „...свинины не ясти, вина не пити;... на семь свѣтѣ аще будеть кто убогъ, то и тамъ", и ина многа лесть... Володимеръ же слушаше ихъ, ...послушаше сладко; но се ему бѣ нелюбо,...— о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудь, рька: „Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти".

Потомъ же придоша Нѣмьци, глаголюще: „придохомъ послании отъ папежа"; и рѣша ему: „реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть". Володимеръ же рече: „кака заповѣдь ваша?" Они же рѣша: „пощенье по силѣ; аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашь Павелъ". Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: „идѣте опять, яко отці наши сего не приняли суть".

Се слышавше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: „слышахомъ, яко приходиша Болгаре и хрестеяне, учаще тя ктоже вѣрѣ своей; хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Аврамову, Исакову, Яковлю". И рече Володимеръ: „что есть законъ вашь?" Они же рѣша: „...свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити". Онъ же рече: „то гдѣ есть земля ваша?" Они же рѣша: „въ Ерусалимѣ". Онъ же рече: „то тамо ли есть?" Они же рѣша: „разъгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеяномъ". Онъ же рече: „то како вы инѣхъ учите, (а) сами отвержени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда намъ тоже мыслите прияти?"

Посемь же прислаша Грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: „слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на неже пусти Господь каменье горюще, и потопи я́, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели ихъ, егда придеть Богъ судитъ земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣющия... Слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучитъ васъ к вѣрѣ своей, ихъже вѣра маломь с нами разъвращена, служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъже Богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити;...— си же того не творять, суть не исправили вѣры". Рече же Володимеръ: „придоша ко мнѣ Жидове, глаголюще: яко Нѣмци и Грьци вѣрують, егоже мы распяхомъ". Философъ же рече: „въистину в того вѣ-

руемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко Богу родитися, а друзии—распяту быти и погребену, а въ 3-й день вкреснути и на небеса взити: они же (тыи) пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбыстся прореченье сихъ... — посла Богъ на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странахъ“.

3. Совѣщаніе о вѣрѣ.

В лѣто 6495 (987). Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: „се приходиша ко мнѣ Болгаре, рькуще: приими законъ нашь; посемь же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой: по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша сказающе,... и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ, и другий свѣтъ повѣдають быти; да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умреті ему в вѣки; аще ли во инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?“ И рѣша бояре и старци: „вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытатай когождо ихъ службу, и (кто) како служить Богу“. И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числомъ 10, и рѣша имъ: „идѣте первое в Болгары и испытайте вѣру ихъ“.

Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: „идѣте паки в Нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки“.

Они же придоша в Нѣмци, и съглядавше церковную службу ихъ, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю; царь же испыта, коея ради вины придоша: они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: „придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего“. Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я́ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье Бога своего; они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я́ царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: „идѣте в землю вашю“, и отпустиша я́ с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою.

И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: „се придоша послании нами мужи, да слышимъ отъ нихъ бывшее“, и рече: „скажите пред дружиною“. Они же рѣша: „яко ходихомъ въ Болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса: поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в нихъ, но печаль и смрадъ великъ; нѣсть добръ законъ ихъ. И придохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоеяже. И приидохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служать Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и недоумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ Богъ с человѣки пребываеть, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя: всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамы сде

быти“. Отвѣщавше же боляре рекоша: „аще бы лихъ законъ Гречьскиій, то не бы баба твоя приляла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ“. Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: „гдѣ крещенье прімемъ?“ Они же рекоша: „гдѣ ти любо“...

4. Крещеніе Кіевлянъ.

Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя (и) иконы на благословенье себѣ...— Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, и самъ пріде Киеву·

Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы исѣщи, а другия огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но па поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образомъ человѣкы, да възмездье приметь отъ человѣкъ. (Велій еси, Господи, чюдна дѣла твоя! вчера чтимь отъ человѣкъ, а днесь) поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху приняли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и́ въ Днѣпръ. И престави Володимеръ, рекъ: „аще кде пристанеть, вы отрѣвайте его отъ берега, дондеже порогы проидеть; то тогда охабитеся его“. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и, проиде сквозѣ порогы, изверже и́ вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, якоже и до сего дне словеть.

Посемь же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обрящеться кто (заутра на) рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть“. Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре приляли“. Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с Корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бес числа людий: влѣзоша в воду, и стояху обы до шие, а друзии до персий, младенци же (по перси) отъ берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволя стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣигласа (сего), а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ.

Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо (рече): „Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, Господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьянскыя; утверди и вѣру в нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его“. И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвыхъ плакахуся...

(Повѣсть временныхъ лѣтъ. Изд. Арх. Комиссіи).

---

23. Письмо архіепископа Брунона къ имп. Генриху II (1008—9 г.)

Благочестивому покровителю церкви, Императору Генриху, пишетъ достойный жалости Брунонъ, — пишетъ государю благочестивому, вполнѣ сознающему и то, что ему прилично, и то, что всевидящему Господу Богу угодно.

Никто изъ земнородныхъ столько не заботится о вашемъ спасеніи въ Богѣ и столько не желаетъ вамъ, въ этомъ коловратномъ мірѣ, всякихъ благъ, какъ я. Вашъ любезный братъ, епископъ Бруно, когда я находился въ Венгріи, сказалъ мнѣ, что вы, государь, благосклонно заботитесь обо мнѣ и сильно безпокоитесь, чтобы я не погибъ. Это, дѣйствительно, и прежде, и теперь, непремѣнно случилось бы, если бы и прежде, и теперь не покровительствовалъ мнѣ милосердый Господь и святѣйшій повелитель мой—Петръ...

Дѣла Божія нужно возвѣщать и разъяснять. Особенно же не могу умолчать о нихъ передъ вами, такъ какъ именно по вашимъ благимъ внушеніямъ я сдѣлался епископомъ, и, подобно св. Петру, распространяю Евангеліе Христово между языческими народами.

Вотъ уже цѣлый годъ прошелъ, какъ мы, послѣ долгаго, но безплоднаго пребыванія въ Венгріи, оставили эту страну и направились къ печенѣгамъ— самымъ злымъ язычникамъ.

Русскій государь (Владиміръ Св.), извѣстный могуществомъ и богатствами, удерживалъ меня у себя цѣлый мѣсяцъ (какъ будто бы я по своей волѣ шелъ на гибель!) и противился моему предпріятію, стараясь убѣдить меня—не ходить къ этому дикому народу, среди котораго невозможно отыскать ищущихъ спасенія, а найти себѣ безполезную смерть—всего легче. Но онъ не могъ отклонить меня отъ моего намѣренія, и такъ какъ его страшило какое-то видѣніе о мнѣ недостойномъ, то онъ самъ, съ войскомъ своимъ, два дня провожалъ меня до послѣднихъ предѣловъ своего государства, которые у него, для безопасности отъ непріятеля, на очень большомъ пространствѣ, обведены со всѣхъ сторонъ самыми прочными завалами (засѣками). На границѣ онъ слѣзъ съ коня; я шелъ впереди съ спутниками моими, а онъ слѣдовалъ за нами съ своими старѣйшинами; такимъ образомъ мы и вышли за ворота. Владиміръ расположился на одномъ холмѣ, а мы—на другомъ. Я держалъ въ рукахъ крестъ Христовъ, распѣвая знаменитую пѣснь: „любишь-ли меня, Петръ?.. паси агнцы моя"! По окончаніи пѣнія, государь прислалъ къ намъ одного изъ старѣйшинъ сказать: „я довелъ тебя до того мѣста, гдѣ оканчивается моя земля и начинается непріятельская. Именемъ Бога умоляю тебя, не губи, къ моему безславію, своей молодой жизни! Я убѣжденъ, что завтра, раньше трехъ часовъ, ты, безъ цѣли и пользы, встрѣтишь горькую смерть". Мой отвѣтъ былъ такой: „пусть Господь откроетъ тебѣ рай, такъ, какъ ты открылъ намъ путь къ язычникамъ".

Два дня мы шли безъ всякаго препятствія; на третій день, — это была суббота,—насъ рано схватили печенѣги. Въ тотъ же самый день насъ всѣхъ, съ наклоненными головами и обнаженными шеями, три раза, т.-е. утромъ, въ полдень и въ вечеру, подводили подъ топоръ палача. Но чудесной помощью Божіею и св. Петра, нашего покровителя, мы избавились отъ неизбѣжной смерти. Было воскресенье, когда насъ препроводили въ главный станъ печенѣговъ. Намъ назначена была особая ставка и мы должны были тамъ жить до тѣхъ поръ, пока весь народъ, оповѣщенный черезъ нарочи-

тыхъ гонцовъ, не соберется на совѣтъ. Въ слѣдующее воскресенье, при наступленіи вечера, насъ ввели въ середину этого собранія, погоняя бичами насъ и коней нашихъ. Несмѣтная толпа народа, съ сверкавшими отъ злости глазами и пронзительнымъ крикомъ, бросилась на насъ; тысячи топоровъ, тысячи мечей, простертыхъ надъ нашими головами, грозили разсѣчь насъ на части. Такъ насъ мучили и непрестанно терзали до темной ночи, пока, наконецъ, печенѣжскіе старѣйшины не поняли рѣчей нашихъ и, убѣдившись по свойственной имъ прозорливости, что мы для ихъ же пользы прибыли въ ихъ страну, не исторгли насъ властію своею изъ рукъ народа. Послѣ этого, соизволеніемъ Господа Бога и святѣйшаго апостола Петра, мы пять мѣсяцевъ оставались среди печенѣжскаго народа, объѣхали три части ихъ страны; до четвертой же не могли дойти; но и изъ ней нѣкоторые важнѣйшие обитатели прислали къ намъ своихъ повѣренныхъ. Обративши къ христіанской вѣрѣ, по указанію Божію, около 30-ти душъ, мы, отъ лица Русскаго князя заключили съ печенѣгами миръ, котораго, какъ они меня увѣряли, другой никто, кромѣ насъ, заключить не могъ-бы. „Миръ этотъ“, говорили они, „есть твое дѣло. Если онъ будетъ проченъ, какъ ты намъ обѣщаешь, мы всѣ охотно сдѣлаемся христіанами. Но если повелитель Руси поколеблется въ исполненіи своихъ обѣщаній, въ то время намъ не до христіанства будетъ: мы тогда только о войнѣ помышлять будемъ“.

Съ такимъ отвѣтомъ мы прибыли къ Русскому князю, и онъ, снисходя къ моей просьбѣ и имѣя въ виду прославленіе имени Божія, далъ печенѣгамъ, въ заложники мира, сына своего. Посвятивши во епископы одного изъ монаховъ нашихъ, мы отправели его, вмѣстѣ съ сыномъ князя, въ глубь печенѣжской земли. Такъ, къ наибольшей чести и славѣ Господа Бога, избавителя нашего, было тогда посѣяно христіанство между самымъ грубымъ и самымъ свирѣпымъ, какой только есть на землѣ, языческимъ народомъ...

(Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1873 г. № 8.).

---

24. Митрополитъ Иларіонъ.

Слово о законѣ и благодати, и похвала кагану нашему Владимеру, отъ него же крещени быхомъ. 1051 г.

Благъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христіанескъ, яко посѣти и створи избавленіе людемъ своимъ, яко не прѣзрѣ твари своей до конца идольскимъ мраченiемъ гибнути, но оправді прежде племя авраамле, скрижалми и закономъ, послѣ же сыномъ своимъ вся языки спасе, еуангелиемъ и крещениемъ, и вводя въ обновление бытиа, въ жизнь вѣчную...

Вѣра благодатная по всей земли распрострѣся и до нашего языка русьскаго доиде, и законное езеро пресше, Іеуангельскый же источникъ наводнився, и всю землю покрывъ, и до насъ проліявся. Се бо уже и мы съ всѣми христианми славимъ св. Троицу... И уже не идолослужителе зовемся,—христіанами; не и еще безнадежници, но уповающе жизнь вѣчную; и уже не капищь съграждаемъ, но христовы церкви зиждемъ; уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ, и дробимъ в жертву Богу и Отцу; и уже не жертвенныа крове вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крове вкушающе спасаемся. Вся страны благый Богъ помилова, и насъ не презрѣ: въсхотѣ— и спасъ ны, и в разумъ истинный приведе...

Хвалитъ же похвалными гласы римь-

ская страна Петра и Павла, има же вѣроваша въ Іисуса Христа Сына Божія, Асія и Ефесъ, Патьмъ — Іоана Богослова, Индіа — Ѳому, Египетъ — Марка; вся страны, гради, и людіе чтутъ и славятъ коегождо ихъ учителя, иже научиша православной вѣрѣ. Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей малыми похвалами, великая і дивнаа створшаго, нашего учителя и наставника великаго кагана (князя) нашея земля—Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лѣта владычествующа, мужьствомъ же и храбрьствомъ прослуша (прослылъ) въ странахъ многихъ, и поминаются нынѣ и словутъ. Не в худѣ бо, и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но в Руской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля. Сій славный, отъ славныхъ рождейся, благородный отъ благородныхъ, каганъ нашь Владимеръ, и въздрастъ (выросъ), и укрѣпивъ, отъ дѣтскыа младости, паче възмуждавъ крѣпостію, и силою свершаяся, мужьствомъ же и смысломъ прѣдспѣя, и единодержецъ бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округныя (окрестныя) страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ. И тако ему живущу в дні своя, и землю свою пасущу правдою, мужьствомъ же и смысломъ, прииде нань посѣщение Вышняаго, призрѣ нань всемилостивное око благааго Бога, и въсиа разумъ в сердци его, яко разумѣти суету идольскыа лсти, и взыскати единаго Бога, створившаго всю тварь видимую и невидимую. Паче же слышано ему бѣ всегда о благовѣрнѣй земли гречьстѣй, христолюбивѣй же и сильнѣй вѣрою, како единого Бога въ трехъ (лицахъ) чтутъ и кланяються, каковии дѣють ся силы, и чюдеса и знамениа, како церкви людіи исполнены, како веси (села) и гради благовѣрниі вьси молитвахъ прилежать, вси готови предстоять, — и си слышавъ, вьжела сердцемъ, и взгорѣся духомъ, якоже быти ему крьстьянину и земли его, еже и бысть, Богу тако изволивпу и взлюбившу человѣческое естество. Съвлечежеся убо каганъ, и с ризами ветхаго человѣка, сложи тлѣнныа, оттрясе прахъ невѣрствіа, и вшедъ в святую купѣль, породися отъ Духа и воды, въ Христа крестися, въ Христа облечеся, и изыде отъ купѣли, бѣлообразуяся; сынъ бывъ нетлѣнья, имя приимъ вѣчно и імянито в роды и роды, Василій, имже написася в книги животныа в вышни градъ і нетлѣнныі Ерусалимъ. Сему жь бывшу не доселѣ стави подвига благовѣрья, ни о томъ токмо яви сущую в немъ к Богу любовь, но подвижися паче и заповѣда по всей земли своей: крестити во имя Отца и Сына и св. Духа, и ясно и велегласно, въ всѣхъ градѣхъ славитися святѣі Троицѣ, и всѣмъ быти крестьяниномъ, малымъ і великиимъ, рабомъ и свободнымъ, уныимъ і старыимъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого же противящеся, благочестному его повелѣнию; да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещаахуся; понеже бѣ благовѣрие его съ властью съпряжено, и въ едино время вся земля наша въславви Христа съ Отцемъ и съ св. Духомъ.

Тогда начатъ мракъ идольскый отъ насъ отходити, и заря благовѣриа явишась; тогда тма бѣсовскаго служенья погибе, и солнце еуангельское землю нашу осия; капища раздрушишася и церкви поставляються; идоли скрушаються и іконы святыхъ являахуся, бѣси побѣгааху; крестъ грады освѣщааше, и пастыри словесныхъ овецъ христовыхъ сташа, епископи и прозвутери, и диакони бескверную жертву възносяще, и весь клиросъ украсиша в лѣпоту, и одѣша св. церкви. Апостольская труба и еуангельскыі громъ вся грады огласи, темианъ [1])

---

1) Ѳиміамъ, ладонъ.

Богу въспущаемъ, въздухъ освяти; монастыреве на горахъ сташа; мужи и жены, малиі и велиі, вси людье, испълньше св. церкви, въславиша, глаголюще: Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу аминь. Христосъ побѣди, Христосъ одолѣ, Христосъ въсцарися, Христосъ прославися! Велиі еси Господи, и чюдна дѣла твоя! Боже нашъ, слава тобѣ!

Тебе же како похвалимъ, отче честный і славный в земленыхъ владыкахъ, премужьственный Василье, како добротѣ ти (твоей) почюдимся, крѣпости же и сілѣ! Како ти благодарение въздадимъ, яко тобою познахомъ Господа и льсти идолскыа избыхомъ, яко твоимъ повелѣниемъ по всей земли Христосъ славиться! Ли (или) что ти прпречемъ, христолюбче, друже правдѣ, смыслу мѣсто, милостыни гнѣздо,—како вѣрова, како разгорѣся в любовъ христову, како вниде в тя разумъ, выше разума земльныихъ мудрець, еже взлюбити невидимаго и о небесныхъ подвігнутися, како взлюбі ты Христа, како прѣдася ему! Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь намъ, учителю нашь, откуду ти припахну воня св. Духа, откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу, откуду вкуси и видѣ, яко благъ Господь? Не видѣлъ еси Христа, не ходилъ еси по немъ,—како ученикъ его обрѣтеся, и невидѣвше его, вѣроваша? По истинѣ събыстся на тобѣ блаженьство Господа Іисуса, реченное къ Ѳомѣ: блажени не видѣвше—и вѣровавше. Тѣмже съ дрьзновениемъ несуменно зовемъ ти: О блаженіче, самому тя Спасу нарекшу; блаженъ еси, яко вѣра к нему і не съблазнися о немъ, по словеси его не ложному: блаженъ есть, иже не соблазниться мнѣ. Вѣдущеи бо законъ и пророки распяша и́, ты же ни закона, ни пророкъ почитавъ, распятому поклонися. Како ті сердце разверзеся, какъ вниде в тя страхъ божій и како прилѣпися любве Его! Не видѣ апостола пришедши в землю твою, нищетою своею и наготою, и гладомъ и жаждею, сердце твое клоняща на смѣрение. Не видѣ бѣсъ изгоняще именемъ христовымъ, болящуихъ— здравующь, огня на хладъ прелагаема, мертвыихъ встающе. Сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣрова?..

Добръ послухъ благовѣрью твоему, о блаженниче, святаа церквы святыа Богородица Маріа, юже създа на правовѣрнѣй основѣ, идѣже мужьственное твое тѣло лежитъ, ожидаа трубы Архангеловы. Добръ зѣло послухъ, сынъ твоії Георгій; его жь створи Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвержающа; ни умаляюща твоему благовѣрію положеніа, но паче прилагающа; не казяща, но учиняюща,— иже недокончанаа твоа докончa, аки Соломонъ Давыдова, иже домъ Божий великый святыи Его Премудрости създа, на святость и украшеніе граду твоему, юже всякою красотою украси златомъ и сребромъ и каменіемъ драгыимъ, и съсуды честныими, яже церкви дивна и славна всѣмъ округнымъ (окрестнымъ) странамъ, якоже ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣмъ, отъ встока дъ запада. И славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемъ, обложилъ, предалъ люди твоя и градъ святѣй всеславнѣй, скорѣй на помощь христіаномъ, Святѣй Богородици, Ей же и церковь на великыихъ вратѣхъ създа въ имя перваого Господскаого праздника святаого Благовѣщеніа, (да еже цѣлованіе архангелъ дастъ Дѣвицы, будетъ и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь съ тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь съ тобою!).

Встани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, встани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрети, вѣровавшу въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, взведи очи, да ви-

дипи, какоя тя чьсти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Встани, виждь чадо свое Георгіа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, его же Господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красящаго столъ земля твоей, и возрадуйся, взвесилися. Къ сему же виждь и благовѣрную сноху твою Ерину, виждь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимп суть Господемъ, како благовѣніе держать по преданію твоему, како въ святыа церкви чястять, како славять Христа, како покланяются имени Его. Виждь же и градъ величьствомъ сіяющь, виждь церкви цвѣтущи, виждь христіанство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освѣщаемь и блистающеся, и тиміаномъ объухаемь (благоухающъ) и хвалами и божественами пѣніи святыми оглашаемь. И си вся видѣвъ, възрадуйся, и възвесилися, и похвали благого Бога, всѣмъ симъ строителя...

(Чтенія въ М. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1848 г. № 7. Прибавленія къ твореніямъ св. отецъ, въ рус. переводѣ. II).

---

25. Русская правда.

I. Правда Роськая.

Списокъ академическій (краткая редакція).

(Списокъ конца XV вѣка. Сохранился въ текстѣ Новгородской лѣтописи подъ 1016 годомъ (уставъ и правда, данные новгородцамъ Ярославомъ.) Хранится въ Библіотекѣ Академіи Наукъ.)

1. Оубьетъ моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, [1]), любо сестриноу сынови; аще по боудеть кто мьстя, то 40 гривенъ за головоу: аще боудеть роусинъ [1]), любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудеть, любо словенинъ, то 40 гривенъ положити зань.

2. Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ [2]), то не искати емоу видока [3]) человѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же, толи пріидетъ видокъ; аще ли не можеть, тоу тому конець. Оже ли себѣ не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю [4]) мъзда.

3. Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылесню [5]): то 12 гривнѣ; аще сего не постигнуть [6]), то платити ему: то тоу конець.

4. Аще оутнеть [7]) мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоятью; то 12 гривнѣ за обидоу.

5. Оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начнѣть храмати, тогда чада смирять [8]).

6. Аще ли перстъ оутнеть которыи любо: 3 гривны за обидоу.

7. А во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ [9]).

8. Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть: то тъи гривноу положить.

9. Аще ли ринеть моужь моужа, любо отъ себе, любо къ собѣ: 3 гри-

---

[1]) Племяннику отъ брата.

[1]) Русинъ—житель южной Кіевской Руси. Словенинъ — житель сѣверной, Новгородской Руси. Гридь—воинъ княжескій. Мечникъ—низшая полицейская должность. Ябедникъ—должностное лицо при судѣ, можетъ быть обвинитель. Изгой—человѣкъ безъ положенія въ обществѣ, потерявшій его.

[2]) Если явится человѣкъ въ крови или съ сивяками (знаками побоевъ) См. ст. 28.

[3]) Видокъ—свидѣтель.

[4]) Лѣтцю—лѣкарю.

[5]) Тупой сторовой меча.

[6]) Если не будетъ настигнутъ, схваченъ на мѣстѣ преступленія (въ такомъ случаѣ можетъ быть месть).

[7]) Ударитъ.

[8]) Тогда дѣти отомстятъ.

[9]) Статья говоритъ о поврежденіи усовъ и бороды.

внѣ; а видока два выведеть; или боудеть варягъ или колбягъ [1]), то на ротоу [2]).

10. Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и́ въ третіи день: то изымати емоу свои челядинъ, а три гривнѣ за обидоу.

11. Аще кто поѣдеть на чюжемь конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ.

12. Аще поиметъ кто чюжь конь, любо ороужіе, любо портъ, а познаеть въ своемь мироу [3]): то взяти [4]) емоу свое, а 3 гривнѣ за обидоу.

13. Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на сводъ [5]), гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за 5 днін [6]).

15. Аже кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои, то къ ономоу вести, оу кого то боудеть коупилъ, а тои ся ведеть ко дроугомоу, даже доидетъ до третьего, то рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ [7]).

16. Или холопъ оударить свободна моужа, а бѣжить въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ зань 12 гривнѣ; а за тымъ гдѣ его налѣзоуть оудареныи тои моужь, да бьють его [8]).

Правда оуставлена Руськои земли, егда ся съвокоупилъ [9]) Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ Чюдинъ, Микула.

18. Аще оубьють огнищанина [1]) въ обидоу [2]), то платити зань 80 гривенъ оубіици, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздьномъ княжи 80 гривенъ.

19. А иже оубьють огнищанина въ разбои, и (ли) [3]) оубіица не ищоуть: то вирное платити въ неи же ви . р . и [4]) голова начнеть лежати.

20. Аже оубіють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы [5]), то оубити въ пса мѣсто; а тоже поконъ [6]) и тивоуницоу.

21. А въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудьци.

22. А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинемъ 12 гривнѣ; а въ рядовници княжѣ 5 гривенъ.

23. А въ смердѣ и въ хо(ло)пѣ 5 гривенъ.

24. Аще роба кормилица, любо кормиличиць, 12 [7]).

25. А за княжь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ; а за смердѣи 2 гривнѣ.

26. За кобылоу 60 рѣзанъ; а за волъ гривноу; а за коровоу 40 рѣзанъ; а за третьякъ 15 коунъ; а за лоньщиноу полъгрівнѣ; а за теля 5 рѣзанъ; за яря ногата; за боранъ ногата.

27. А оже оуведеть чюжь холопъ любо робоу, платити емоу за обидоу [8]) 12 гривнѣ.

---

1) Варягъ или колбягъ—вообще иноземецъ.

2) Рота—присяга.

3) Въ своей общинѣ, въ своемъ околоткѣ, гдѣ извѣстно было о пропажѣ.

4) Взять не самому, а получить по суду. См. сл. статью.

5) Судебная процедура для выясненія вора.

6) Что явится въ 5-дневный срокъ.

7) Процедура свода.

8) Оскорбленный можетъ убить его.

9) Когда собрались;—постановленія дѣтей Ярослава: „Правда Ярославичей".

1) Огнищанинъ—княжій мужъ изъ старшей дружины, членъ княжескаго огнища, княжескаго двора и дома. По прежнему толкованію—рабовладѣлецъ.

2) Убійство въ разбоѣ, въ обиду—умышленное убійство.

3) Вѣрнѣе читать „и".

4) Надо читать „верви". Вервь—территоріальная община, міръ.

5) Объ убійствѣ преступника на мѣстѣ преступленія. См. ст. 38.

6) Тоже поконъ—той же мѣрой (конъ—мѣра).

7) Въ ст. 21—26—не уголовн. кары, а вознагражденіе потерпѣвшему.

8) Въ ст. 27, 29—34—уголовныя кары.

28. Аще же пріидеть кровавъ моужь, любо синь, то не искати ему послоуха.

29. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть, да аще боудеть единъ кралъ, то [1]) гривноу и тридесятъ рѣзанъ платити емоу; или ихъ будеть 18, то по трі гривнѣ и по 30 рѣзанъ платиті моужеви.

30. А въ княжѣ борти 3 гривнѣ любо пожгуть, любо изоудроуть.

31. Или смердъ оумоучать, а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны [2]).

32. А въ гнищанінѣ и въ тивоуницѣ и въ мечници 12 гривънѣ.

33. А иже межоу переореть любо перетесъ, то за обидоу 12 гривнѣ.

34. А оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ.

35. А въ голубѣ и въ коуряти 9 коунъ [3]).

36. А въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ [4]).

37. А оже оукрадоуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обидоу 3 гривны.

38. Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ.

39. Оже сѣно крадоуть, то 9 коунъ; а въ дровехъ 9 коунъ.

40. Аже оукрадоуть овьцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одиноу овьцоу оукралѣ, да положать по 60 рѣзанъ продажи.

41 А кто изималъ, томоу 10 рѣзанъ [5]); а отъ гривне мечникоу коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны; а отъ 12 гривноу емьцю [1]) 70 коунъ, а въ десятиноу [2]) 2 гривнѣ, а князю 10 гривенъ.

42. А се поклонъ вирныи: вирникоу [3]) взяти 7 вѣдоръ солодоу на недѣлю, тъже овенъ, любо полоть, или двѣ ногатѣ; а въ среду рѣзаноу, въ три же сыры, въ пятницоу такоже; а хлѣба по колькоу моугоуть ясти и пшена; а куръ по двое на день; конѣ 4 поставити и соути имъ на ротъ колько могоуть зобати [4]); а вирникоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверицы; а передѣ гривна; или ся пригоди въ говѣніе рьбами, то взяти за рыбы 7 рѣзанъ: тъ всѣхъ коунъ 15 коунъ на недѣлю; а борошна колько моугоуть изъясти. До недѣли же виро зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль [5]).

(Проф. Владимірскій Будановъ. Хрестоматія по исторіи рус. права. I).

II. Соудъ Ярославль Володимирица Правда Роуськая.

Списокъ Синодальный (древнѣйшій).

Ажь оубьетъ моужь моужа, то мьстити братоу брата, любо отцю, любо сыну, любо браточадоу, любо братню сынови; ожели не боудеть кто его мьстя, то положити за головоу 80 гривенъ, аче боудеть княжь моужь, или тивуна княжя; ачели боудеть роусинъ, любо гридь, любо коупець, любо тивунъ бояреськъ, любо мечникъ, любо изгой, любо словенинъ, то 40 гр внъ положити занъ.

---

[1]) Вѣрнѣе читать „три".

[2]) Статья о самоуправствѣ (запрещено мучить безъ княжескаго приговора).

[3]) Не уголовныя кары (ст. 35).

[4]) Уголовныя кары (ст. 36—37 и 40).

[5]) „Надо читать 3 гривны".

[1]) Емецъ — тотъ, кто „изималъ" (можетъ быть особый чиновникъ).

[2]) 10-ая доля, 10%.

[3]) Сборщикъ виры.

[4]) Сколько съѣдятъ.

[5]) Этотъ тарифъ былъ установленъ Ярославомъ.

(П)о Ярославѣ же пакы съвъкоупившеся с нове его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Късничько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша оубиение за головоу, нъ коунами ся выкоупати; а ино все якоже Ярославъ соудилъ, такоже и с нове его оуставиша.

О убииствѣ. Аже кто оубиеть князя моужа въ разбои [1]), а головинка [2]) не ищють, то виръвноую платити въ чыей же вьрви голова лежить, то 80 гр нъ; паки людинъ, то сорокъ гривенъ.

(К)оторая ли вървь начнеть платити дикоую вироу, колико лѣтъ заплатять тоу вироу, занеже безъ головника имъ платити; боудеть ли головникъ ихъ въ вървп, то зане к нимъ прикладываеть, тогоже дѣля имъ помогати головникоу, любо си дикоую вироу, но сплатити имъ въ обчі 40 грнъ, а головничьство, а то самомоу головникоу; а въ 40 грнъ емоу заплатити из дроужины свою часть, нъ оже боудеть оубилъ или въ свадѣ, или въ пироу явлено, тъ тако емоу платити по вървинынѣ [3]), иже ся прикладываеть вирою.

Оже станеть без вины [4]) на разбои. Боудеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады [5]), то за разбоиника людье не платять, нъ выдадять и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ [6]) а на разграбление [7]). Аже кто не вложиться въ дикоую вироу, тому людье не помагають, нъ самъ платить.

А се покони [8]) вирьнии. А се покони вирьнии были при Ярославѣ: вирьникоу взяти 7 вѣдеръ солодоу на

1) Умышленное убійство.

2) Головникъ—убійца.

3) По раскладкѣ, по круговой порукѣ.

4) Безъ ссоры, безъ вызова со стороны убитаго.

5) Свада—ссора.

6) Лишеніе покровительства законовъ (внѣ закона).

7) Конфискація имущества.

8) Поконъ—то, что сообразно съ мѣрой. Въ другихъ спискахъ: поклонъ вирный; законы вирные.

недѣлю, оже овьнъ, любо полоть, или 2 ногатѣ, а въ среду коуна, оже сыръ, а въ пятничю такоже, а коуръ по двое на днь, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена 7 оубороковъ, а гороху 7 оуброковъ [1]), а соли 7 голважень [2]), то то вирникоу съ отрокомъ; а кони 4, конемъ на ротъ соути [3]) овьсъ; вирникоу 8 гр нъ, а 10 коунъ перекладьная, а метелникоу [4]) 12 векши, а съсадная [5]) гр вна...

О княжи отроцѣ. Аже въ княжи отроцѣ, или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то 40 гр внъ, а за тиоунъ за огнищныи и за конюшии, то 80 гр внъ [6]); а въ сельскомъ тиоунѣ въ княжи или въ ратаинѣмь, то 12 гр внѣ, а за рядовича 5 гривнъ, такоже и за бояреськъ.

О ремьствьницѣ. (А) за ремьствьника и за ремьствьницю, то 12 гр вне, а за смердии холопъ 5 гр внъ, а за раобоу 6 гр внъ, а за кормилца 12 гривнѣ и за кормилицю, хотя си боуди холопъ, или роба [7]).

...Искавше ли послоуха и не налѣзоуть, а истьца [8]) начьнеть головою клепати [9]), то (да) ти имъ правьдоу желѣзо [10]); такоже и въ всѣхъ тяжахъ и въ татбѣ и въ поклепѣ, оже не боу-

1) Извѣстная мѣра.

2) Мѣра соли, соляная глыба.

3) Совать, давать, сколько съѣдять.

4) Чиновникъ при вирникѣ, писецъ, отмѣчающій виры.

5) Ссадная—пошлина при въѣздѣ вирника, перекладная—при выѣздѣ.

6) Начиная отсюда—не виры, а вознагражденіе потерпѣвшимъ (головничество).

7) Въ другихъ спискахъ здѣсь статья о поклепной вирѣ: „Аще на кого будеть поклепная вира, то оже боудеть послуховъ 7, тоже выведеть вироу, то имоуть вѣру; паки ли варягъ или инъ кто, то 2; а на костехъ и по мертвецѣ не платити виры, оже имени не вѣдають, ни знають его". — Поклепъ-обвиненіе, когда обвиняемый не схваченъ на мѣстѣ преступленія; нужны доказательства, улики. Послухи-соприсяжники. (Карамзинскій списокъ).

8) Истецъ—обвинитель.

9) Обвинять въ уголовномъ преступленіи.

10) Испытаніе желѣзомъ, ордалія, Божій судъ.

деть лица, тъ тогда даті емоу железо из нѣволѣ до полоугр вны золота; аже ли мьнѣ, то на водоу, оли до двою гр вноу; аже мьнѣ, то ротѣ [1]) ити емоу по своѣ коуны.

Оже кто оударить мечемь. Аже кто оударить мечемь, не вынезъ его, или роукоятью, то 12 гр вне продаже за обидоу; ожели вынезъ мьчь, а не оутнеть, то гр вноу коунъ. Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснию, то 12 гр внѣ; не терпя ли [2]) противоу томоу оударить мечемь, то вины емоу въ томь нѣтоуть. Аще ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, или оусъхнеть, или нога, или око, или (носъ) оутнеть, то польвиры 20 гр ивнъ; а томоу за вѣкъ 10 гр вњ. Аже пьрстъ оутнеть кып любо, то 3 гр вны продаже, а самомоу гривна коунъ.

Оже придеть кръвавъ моужь. Оже придеть кръвавъ моуже на дворъ, или синь, то видока ему не искати, нъ платиті емоу продажю 3 гривны; или не боудеть на немь знамения, то привести емоу видокъ, слово противоу слова [3]); а кто боудеть началъ, томоу платити 60 коунъ; аче же и кръвавъ придеть, или боудеть самъ почалъ [4]), а выстоупять послоуси, то то емоу за платежь, оже и били. — Аже оударить мечемь, а не оутнеть на смерть, то 3 гр вны, а самомоу гр вна за раноу, оже лѣчебное; потнеть ли на смерть, то вира.—Или пьхнеть моужь моужа любо к собѣ, любо оть себе, любо по лицю оударить, или жердью оударить, а видока два выведоуть, то три гр вны продаже; оже боудеть варягъ или колбягъ, тъ полная видока [5]) вывести и идета на ротоу.

[1]) Рота—присяга.

[2]) Не стерпѣвъ.

[3]) Свидѣтель долженъ показывать слово въ слово то же, что и истецъ.

[4]) Если побитый самъ былъ зачинщикъ драки.

[5]) Полное число свидѣтелей.

О челядѣхъ. Аже челядинъ съкрыеться, а закличють [1]) и на търгу, а за три дни не выведоуть его, а познаети и третии день, тъ свои челядинъ поятн, а ономоу платити 3 гр вны продаже.

Оже кто въсядеть на чюжь конь. А оже кто въсядеть на чюжь конь, не прашавъ, то 3 гр ивны.—Аче кто конь погоубіть [2]), или ороужие, или портъ [3]), а заповѣдаеть на търгоу, и послѣдь познаеть въ своемь городѣ, свое емоу лицемь взяти [4]), а за обидоу платити емоу 3 грвны. — Аже кто познаеть свое, что боудеть погоубилъ, или оукрадено оу него что, или конь, или портъ, или скотина, то не рьци: се мое, нъ поиди на сводъ, кдѣ еси възялъ; сведитеся; кто боудеть виноватъ, на того татьба снидеть [5]); тьгда онъ свое възметь; а что боудеть съ нимь погыбло, тоже емоу начнеть платити.—Аче боудеть коневый тать [6]), а выдати князю на потокъ; пакы ли боудеть клѣтныи тать [7]), то 3 гр вны платити емоу...

О челяди нѣ. Аже кто познаеть челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то ономоу вести и по коунамъ и до третьяго свода [8]); пояти же челядинъ въ челядина мѣсто, а ономоу дати лице; оть идеть до конечняго свода [9]); а то есть не скотъ [10]), нелзѣ речи: не вѣдѣ, оу кого есмь коупилъ, нъ по языку ити до конча; а кдѣ боудеть конечнии тать, то опять воротить челядина, а свои поиметь; и проторъ томоуже платити; а князю про-

[1]) Объявятъ, заявятъ.

[2]) Потеряетъ, лишится.

[3]) Платье.

[4]) Прямо взять свою вещь.

[5]) Тотъ будетъ признанъ воромъ.

[6]) Профессіональный конокрадъ.

[7]) Воръ изъ клѣти, со взломомъ.

[8]) До третьей очной ставки купившаго съ продавцомъ.

[9]) До очной ставки съ настоящимъ воромъ.

[10]) Ср. Акад. списокъ, ст. 15.

даже 12 гр не въ челядинѣ, или оукрадше [1])...

О татьбѣ. А оже оубьють кого оу клѣти, или оу которои татьбы, то оубьють въ пса мѣсто; ожели и додьржать свѣта, то вести и на княжь дворъ; ожели оубиють и, а оуже боудоуть видѣли людие съвязана, то платити в томь 12 гр вне [2])...

Оже боудоуть холопи татье, соудъ княжь. А еже боудоуть холопи татье, любо княжи, любо боярьстии, любо черньчи, ихъ же князь продажею не казнить, за не соуть не свободьни, то двоици [3]) платиті истчю за обиду.

А оже кто скота възищеть. А оже кто възищеть коунъ на дроузѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже нань выведеть послоуси, то ти поидоуть на ротоу, а онъ възмѣть свое коуны; занеже не далъ емоу за много лѣтъ, то платити емоу за обиду 3 гр вны.

Аже кто коупьць коупцю дасть въ коупьлю коуны, или въ гостьбоу, то коупьцю передъ послоухы коунъ не имати, послоуси емоу не надобѣ; нъ ити емоу самомоу ротѣ, оже ся почнеть запирати.

О поклажаи [4]). Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то тоу послоуха нетоуть; нъ оже начнеть болшимъ кльпати [5]), томоу ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко еси оу мене положилъ; за неже емоу бологодѣлъ и хоронилъ товаръ его.

О рѣзѣ [6]). Аже кто коуны даеть въ рѣзъ, или наставъ на медъ, или жито въ просопъ, то послоухы емоу ставити; како ся боудеть рядилъ, тако ему емати [7]).

[1]) Въ др. спискахъ: „или украденъ или увѣденъ есть“.

[2]) Уголовная кара за убійство татя, какъ за убійство холопа (продажа).

[3]) Въ двойномъ размѣрѣ.

[4]) Поклажа—отдача вещей на храненіе.

[5]) Требовать большаго, чѣмъ сколько сдалъ.

[6]) О ростѣ.

[7]) Получить.

О м цьнѣмь рѣзѣ. А м цьный рѣзъ, оже за мало, то имати емоу; заидоуть ли ся коуны до тогоже года, то дадять емоу коуны въ треть [1]), а м цьны рѣзъ отгрѣноути [2]); послоуховъ ли не боудеть, а боудеть коунъ 3 гр вны, то ити емоу про свое коуны ротѣ; боудеть ли боле коунъ, то рчи емоу тако: промиловалъ [3]) еси, оже еси не ставилъ послоуховъ.

А се оуставил Володимир [4]). А се оуставилъ Володимиръ Всеволодичь, по С(вя)тополче [5]) съзвавъ дроужиноу свою на Берестовомъ: Ратибора тысячького Кыевьского и Прокопию—Бѣлогородьского тысячького, Станислава—Переяславьскаго тысячького, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Ольгова моужа, и уставили и до третьяго рѣза, оже емлеть въ рѣзъ коуны, аже кто възмѣть два рѣза, тъ то взяти емоу исто [6]); пакъ ли възмѣть три рѣзы [7]), то иста емоу не взяті.

О рѣзѣ. (А) же кто емлеть по 10 коунъ отъ лѣта на гр вноу [8]), то того не отметати.

О закоупѣ. (А)же закоупъ бѣжить отъ г(оспо)ды, то обѣль [9]); идеть искать коунъ, а явлено ходить или къ князю, или къ соудиямъ бѣжить обиды дѣля своего г(осподи)на, нъ про то не роботять [10]) его, нъ дати емоу правьдоу.

О послоушьствѣ. На послоушьство холопа не ск(л)адають, но оже не боудеть свободьнаго, то по ноужи сложити на боярьскаго тиоуна, а на инѣхъ не складывати.

О бородѣ. А въ малѣ тяже по ноуже сложити на закоупа.—А кто

[1]) При годовомъ займѣ допускаются % на двѣ третій (50%).

[2]) Отвергнуть.

[3]) Ошибся.

[4]) Владиміръ Мономахъ.

[5]) Послѣ Святополка II (1113 г.).

[6]) Истое—капиталъ.

[7]) Процентъ за 3 года.

[8]) 40% годовыхъ.

[9]) Обращается въ полное рабство.

[10]) Не обращаютъ въ рабство.

поръвѣтъ бородоу, а выиметь знаменье [1]), а вылѣзоуть людье [2]), то 12 грвнѣ продаже; аже безъ людии, а въ поклепе [3]), то нѣтоу продаже.

О зоубѣ. Оже выбьють зоубъ, и кръвь оувидять оу него въ ртѣ, а люді вылѣзоуть, то 12 гр внѣ продаже, а за зоубъ гр ивна.

О бърти. Аже оукрадеть кто борть, то 12 гр внѣ продаже; аже боудеть росѣчена земля [4]), или на земли знамение [5]), имьже ловлено, или сѣть, то по върви искати въ собѣ татя [6]), любо платіти продажю.

Аже рознаменаеть бърть [7]), то 12 гр внѣ; аже межю перетнеть бортьноую, или ролѣиноую розореть или дворноую тыномь перегородить, то 12 грвнѣ продаже. — Оже доубъ перетнеть знаменныи, или межьныи, то 12 грвнѣ продаже...

О женѣ. Оже кто оубьетъ женоу, то тѣмьже соудомь соудити, якоже и моужа, оже боудеть виноватъ [8]), то полъвиры 20 грвнъ.

А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтоуть; нъ оже боудеть без вины оубиенъ, за холопъ оурокъ заплатити, или за робоу, а князю 12 гривнѣ продаже...

А се о коупци оже истопиться [9]). (А)же которыи коупьцъ, шедъ кдѣ любо съ чюжими коунами, и истопиться, любо рать възметь [10]), любо огнь, то не насилити емоу, ни продати его; нъ како почнеть от лѣта платити, такоже платить, занеже пагоуба от Б га есть, а невиноватъ есть; оже ли пропьеться или пробиеться, въ безоумии чюжь товаръ испорътить, то како любо тѣмъ, чье то коуны, ждоуть ли емоу, а своя имъ воля; или продадять ли, своя имъ воля.

О долзѣ. Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чюжеземьць, а не вѣдая запоустить зань товаръ, а опять начнеть не дати гости коунъ емоу, а пьрьвии (дольжници) начьнуть емоу запинати, не дадоуче емоу коунъ, то вести и на торгъ и продати и; отдати же пьрвѣе гостины коуны, а домашьнымъ [1]) что ся останеть коунъ, тѣмь же ся подѣлять; пакы же ли боудоуть княже коуны, то княже коуны переже взяти, а прокъ въ дѣлъ [2]). Аже кто много реза ималъ, то томоу не имати.

О закоупѣ. Оже ролѣиныи [3]) закупъ оу г(осподи)на боудеть, а погоубить воискыи конь, то не платіти емоу; нъ еже далъ емоу г(осподи)нъ плоугъ и бороноу, отъ негоже копоу [5]) емлеть, тъ то погоубивъши емоу платити; оже ли г(осподи)нъ отслеть его на свое ороудье [6]), а погынеть безъ него, того емоу не платити.

О закоупѣ. Оже изъ хлѣва [7]) выведоуть, то закоупоу того не платити; нъ оже погоубить на поли и въ дворъ не въженеть и и не затворить, кдѣ емоу г(осподи)нъ велить, или ороудия своя дѣя, а того погоубить, то то емоу платити.

Аже г(осподи)нъ переобидить закоупа, а оувѣдить враждоу [8]) его, или отарицю [9]), то то емоу воротити, а за обидоу емоу платіти емоу 7 коунъ; пакы ли приметь на немь коунъ, то опять емоу воротіти коуны, что боудеть при-

---

1) И будетъ слѣдъ этого.
2) И будутъ свидѣтели.
3) Обвиненіе безъ поличнаго.
4) Будетъ слѣдъ на землѣ.
5) Орудіе.
6) Вервь обязана искать въ себѣ вора.
7) Удалитъ знакъ, кому принадлежитъ бортъ.
8) Въ другихъ спискахъ „виновата“.
9) Утонетъ.
10) Подвергнется нападенію.

---

1) Мѣстнымъ людямъ.
2) А остатокъ въ раздѣлъ.
3) Земледѣльческій.
4) Военный; по другимъ спискамъ „свойскій“— свой.
5) Ссуду или плату.
6) Дѣло.
7) Подразумѣвается „екотину“.
8) Непонятное мѣсто.
9) Имущество закупа.

ялъ, а за обидоу платити емоу 3 гр внѣ продаже; продасть ли г(осподи)нъ закоупа обьль, то наимету свобода въ всехъ коунахъ, а г(осподи)ну платити за обиду 12 гр внѣ продаже.

Аже г(осподи)нъ бьеть закоупа про дѣло, то без вины есть, бьеть ли не смысля, пьянъ, без вины, то якоже и въ свободнемь платежь, такоже и въ закоупѣ...

О закоупѣ. О закоупѣ, оже оувѣдеть что, то то г(осподи)нъ въ томь [1], нъ оже г(осподи)нъ индѣ налѣзоуть, то заплатить передний г(осподи)нъ его конь, или что боудеть взялъ; емоу холопъ обѣльный; пакы ли г(осподи)нъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что боудеть чюжего взялъ, а прокъ емоу самомоу взяти собѣ.

А се оже холопъ оударить. Аже холопъ оударить свободна моужа а оубѣжить въ хоромъ, а г(осподи)нъ его не выдасть, то платиті зань г(осподи)ноу 12 гр внѣ; а затѣмъ аче кдѣ налѣзеть ударены тъ своего истьча, кто же его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ и оубити, нъ с нове его оуставиша по о ци на коуны, любо и бити розвязавше, или взяти гр вна кунъ за соромъ.

А се о борти. Аже борть подътнеть [2], то 3 продаже, а за дерево полъгр внѣ; аже бчелы выдеретъ, то 3 гр вне продаже, а за медъ оже боудоуть бчелы не лажены [3], то 10 кунъ; боудеть ли олекъ [4], то 5 коунъ. Не боудеть ли татя, то по слѣдоу женоуть [5]; аже не боудеть слѣда или къ селоу, или к товароу [6], а не отсочать [7]) отъ себе слѣда, ни едуть на слѣдъ, или отобиються, тъ тѣмъ платити татбоу и продажю; а слѣдъ гнати съ чюжими людми а съ послоухы; аже погоубять слѣдъ на гостинци на велицѣ [1], а села не боудеть, или на поусте, кдѣ же не боудеть ни села, ни людии, то не платити ни продаже, ні татьбы.

О смѣрдѣ. Оже смердъ моучить смьрда безъ княжя слова, то 3 гр вн продаже, а за моукоу гр вна коунъ; аже огнищанина моучить, то 12 гривне продаже, а за моукоу гр вна. — Аже лодью оукрадеть, то 60 коунъ продаже, а лодью люцемь воротити, а заморьскоую лодью 3 грвны, а за набоиноую [2] 2 грвне, а за челнъ 50 коунъ, а за строугъ грвна.

О перевесехъ [3]. Аже перетнеть вьрвь въ перевесѣ, то 3 гр вне продаже, а за вьрвь грвна кунъ; аже кто оукрадеть въ чееи перевесе или соколъ, или ястрябъ, то продаже 3 гривны, а г(осподи)ну гр вна, а за голоубь 9 коунъ, а за коуря 9 коунъ, а за оутовь 30 коунъ, а за гоусь 30 коунъ, а за лебедь 30 коунъ, а за журавь 30 коунъ. А в сенѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а г(осподи)ноу колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему по 2 ногатѣ за возъ.

О гоумнѣ. Аже зажьжеть гоумно то на потокъ и на розграбежь домъ его, переди пагоубоу исплатить, а въ прочи князю поточити и; такоже оже кто дворъ зажьжеть.

А кто пакощами [4] порежетъ конь, или скотиноу, то продаже 12 гр вне, а за пагоубоу гр вноу оурокъ платити

Ты тяже все соудять послоухы свободьными; боудеть ли послоухъ холопъ, то холопоу на правдоу не вылазіти, нъ оже хочеть истьчь [5], или иметь и, а река тако: по сего речи

---

1) Господинъ отвѣчаетъ за холопа.
2) Подломитъ.
3) Если медъ не вынутъ.
4) Пустой улей.
5) Гонятся.
6) Стоянка торговаго каравана.
7) Не отведутъ.

1) На большой дорогѣ.
2) Съ высокими бортами.
3) Сѣти для ловли птицъ.
4) Со злымъ умысломъ.
5) Истецъ.

емлю тя, нъ азъ емлю тя, а не холопъ, и емете и на желѣзо; аже обинить и, то емьлеть на немь свое, не обинить ли его, а платити емоу гривноу за моукоу, зане по холопьи речи ялъ и; а желѣзнаго платити 40 коунъ, а мечникоу 5 коунъ, а полъ-гр вне дѣтьчьскомоу, — то ти желѣзныи оурокъ, кто си въ чемь емлеть, оже иметь на желѣзо по свободьныхъ людии речи, любо запа [1]) нань боудеть, любо прохоженіе ночное [2]), или кымь любо образомь, аже не ожьжеться, то про моукы не платити емоу, нъ одино желѣзное, кто боудеть ялъ...

О холопьствѣ. Холопьство обьлное трое: оже коупить хотя и до полоу гривьны, а послоухы поставять, а ногатоу дасть передъ самѣмь холопомь. А второе холопьство — поиметь робоу безъ рядоу; поиметь ли ся съ рядомь, то како боудеть ся рядилъ, на томь же стоить. А се третьее холопьство — тиоуньство безъ рядоу, или привяжеть к собѣ ключь без рядоу; или съ рядомь, то како ся боудеть рядилъ, на томь же стоить.—Даче [3]) не холопъ, ни по хлѣбе роботять, ни по придатъцѣ; нъ оже не доходять года, то ворочати емоу м(ило)сть; отходить ли, то не виноватъ есть. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, оже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, и дасть емоу хлѣба, или оукажеть емоу поуть, то платити емоу за холопъ 5 гр внъ, а за робоу 6 гр внъ. Аже кто перепметь чюжь холопъ и дасть вѣсть г(осподи)ноу его, то имати емy переемъ гр вна коунъ; не оублюдетьли, то платити емоу 4 гр вны, а пятая емоу переима; оже боудеть роба, ть 5 гр внъ, а шестая на переемь отходить; аже кто своего холопа самъ досочиться [4]) въ чиемь любо родѣ, а боудеть посадникъ не вѣдалъ его, то повѣдавше емоу, пояти оу него отрокъ и шедъши оувязати и и дати емоу вязебное 10 коунъ, а переима нѣтоуть; аче оупоустить, собѣ емоу пагоуба, а не платить в то нікто же; тѣмьже и переима нѣтоуть. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ, оусрячеть, или вѣсти дѣеть, любо дьржить оу себе, идеть отъ него, то ити емоу ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ; а платежа въ томь нѣтоуть. Ачеже холопъ кдѣ коуны вложить, а онъ не вѣдая вдалъ, то г(осподи)ноу выкоупати, али лишитися его; вѣдая ли боудеть далъ, то коунъ емоу лишитися. Аже кто поустить холопа въ торгъ, а одолжаеть, то выкоупати его г(осподи)ноу, а не лишиться его. А кто же крьнеть [1]) чюжь холопъ, не вѣдая, то пьрвомоу господиноу холопъ пояти, а ононоу коуны имати, ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь коупилъ. (Оже холопъ, бѣгая, добоудеть товароу, то господиноу холопъ и долгъ), господиноу же и товаръ, а не лишитися его. Аже кто бѣжа, а поемлеть что соусѣдне, или товаръ, то г(осподи)ноу платити зань оурокъ, что боудеть взялъ. Аже холопъ крадеть кого любо, то г(осподи)ноу выкоупати и, любо выдати и съ кымъ боудеть кралъ; а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; а оже боудоуть с нимъ крали и хоронили, то всехъ выдати, пакыли а выкоупаеть г(осподи)нъ; аже боудоуть свободнии с нимь крали, или хоронили, то князю въ продаже.

(Владимирскій Будановъ. Хрестоматія по ист. рус. права. I.)

---

27. Поученіе Владимира Мономаха.

Азъ худый дѣдомь своимъ Ярославомь, благословленымъ, славнымъ, нареченый въ крещеніи Василий, Русь-

[1]) Подозрѣніе.
[2]) Или видѣли его, какъ онъ ходилъ ночью.
[3]) Срочный работникъ.
[4]) Доищется.

[1]) Купитъ.

скымь именемь Володимирь, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы . . . .

. . . . [1]) и хрестьяныхъ людиі дѣля, колико бо сблюдь по милости своеі и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ. Сѣдя на санехъ, помыслихъ в души своеі и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣiтеся, но емуже люба дѣтиі моихъ, а приметь ю в сердце свое, и не лѣнитися начнеть такоже и тружатися: первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣiте Божиі в сердци своемь, и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру...

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье; послушаіте мене, аще не всего приiмете, то половину. Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудницю и разбоiника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуі; и в церкви то дѣiте и ложася... Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кымь орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а „Господи помилуi“ зовѣте бес престани, втаiнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогыхъ не забываiте, но елико могуще по силѣ кормите, и придаваiте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдаваiте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убиваiте, ни повелѣваiте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляiте никакояже хрестьяны...

Епископы, и попы и игумены, с любовью взимаiте отъ нихъ благословленье, и не устраняiтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да приимете отъ нихъ молитву отъ Бога...

В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему. На воiну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите [1]), ни спанью; и сторожѣ сами наряживаiте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимаiте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства, ... в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не даiте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напоiте, накормите унепна [2]); и боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы; и человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не даiте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божиі имѣiте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитаiте: и мнѣ будеть бе— сорома, и вамъ будеть добро.

Егоже умѣючи, того не забываiте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець моі, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к

[1]) Пропускъ въ рукописи.

[1]) Лагодить = ладить, приноровлять (Даль).

[2]) Просящаго.

церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью;... и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, о тъ чинъ бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ... А всѣхъ путий 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И міровъ есмъ створилъ с Половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ; и пустилъ есмъ Половечскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князий инѣхъ 100... А се тружахъся ловы дѣя: поне же сѣдохъ в Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и д..... о лѣта по сту уганива (лъ) и имь даромъ всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь. А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того же по Роси ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣже кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогама болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и Богъ невережена мя съблюде. И с коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадникы не зря, ні на биричи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемь то я творилъ есмь; і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ.

(Повѣсть временныхъ лѣтъ. Изд. Арх. Ком.)

---

28. Слово Даніила Заточника.

(XII в.)

Моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичю.

Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренные органы, и возвѣемъ мудрости своея. Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Возстани слава моя, возстани въ псалтыри и въ гуслехъ; возстану рано, исповѣмтися...

Княже господине, богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна.

Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпцы (клѣтки), яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути... мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане огражденъ есмь страхомъ грозы твоея...

Княже господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ, якоже прекрасный рай, плодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевыми яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ; ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дома истощити...

Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богата безумна, несмысленна: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое сголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меда словеса устъ моихъ...

Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти...

Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ; безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ...

Княже мой господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; и не огнь творитъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное (мѣхи): такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ.

Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ нотопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ; не работа въ работахъ — подъ жонками возъ возити. Дивъ дива, кто поимаетъ жену злообразну прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну приничюще къ зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зерцало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую печаль пріимеши себѣ. Или речеши: женися у богатого тестя, чти дѣля, а ту пей, и яжь, и веселися въ великой радости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти (взять): волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ; а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богачествѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что есть жена злая? гостиница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужъ имѣетъ смотрѣти на красоту жены своея и на ея ласковыя словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ: то дай Богъ ему трясцею (лихорадкою) болѣти...

Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити, или желѣзо варити:—желѣзо уваришь, а злы жены не научишь; злая бо жена ни ученія слушаетъ, ни Бога ся боитъ, ни людей стыдится, но вся укоряетъ и вся осужаетъ. Что лва злѣе въ четвероногыхъ? и что зміи лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того зла-

жена злѣе. Нѣсть на земли болши женскія злобы: женою бо сперва прадѣдъ нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради пророка Данила въ ровъ вверже, и львы ему нози лизаху. О злое орудіе, остро діяволе! Нѣкоемуже умре жена зла, онъ же по смерти ея, начатъ дѣти продавати, людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будутъ родилися въ матерь, и они возрастьше, меня продадутъ.

Еще возвратимся на переднія словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскія, а не отъ своего разума, но отъ божія помысла...

(Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, I).

---

29. Каноническіе отвѣты митрополита Іоанна II.

(1080—1089 г.)

Іоана, митрополита русьскаго, нареченагоророкомъ Христовымъ, написавшаго правила церковная отъ святыхъ книгъ въ кратьцѣ Якову черноризьцю.

15. И еже жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладяземъ,... иже не примають святыхъ таинъ ни единъю лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго связани будуть ни причащатися,—и ты вѣси явѣ тѣмъ всѣмъ чюжимъ быти нашея вѣры, отверженн сборныя церкви. И всею силою потщися възбранити и направляти на правую вѣру: имѣи к нимъ наказанье и поученье не единою, ни двожьдь, но различь(но), дондеже увѣдають и разумѣють воистину и добру научаться. Не покоряюще(же)ся и своея злобы не остапучеся, чюжа имѣти отъ сборныя церкви, и нашихъ заповѣдии недостоины и (не)причастны.

16. Иже сходяще к мирьскимъ (пиромъ) и пьють, иерѣиску чину повелѣвають святии отци благообразнѣ и съ благословениемъ примати предлежащая; игранье и плясанье и гуденье входящимъ, въстати симъ, да не осквернять чювьства видѣньемь и слышаньемь, по отечьску повелѣнью; или отинудь отмѣтатися тѣхъ пировъ, или в то время отходити, аще будеть сблазнъ великъ и вражда несмирена пицеваньнье мниться.

22. Прашалъ еси о нѣкыхъ, иже купять челядь, створивъшимъ обещныхъ молитвъ, ядше с ними, послѣди же продавше в поганыя, которую симъ прияти епитемью? И речемъ, якоже речено есть в законѣ: крестьяна человѣка ни жидовину, ни еретику продати. Иже продасть жидомъ, есть безаконникъ, а не токмо законодавцю, но и Богу претыкаеться... Имже достоить отврещи сего злаго начинания наоученьемь и наказаньемь многымъ; аще не послушаеть, яко иноязычникъ и мытарь имѣти.

30. Якоже еси реклъ, оже не бываеть на простыхъ людехъ благословенье и вѣнчанье, но бояромъ токмо (и) княземъ вѣнчатися; простымъ же людемъ, яко и меньшицѣ поимають жены своя с плясаньемь и гуденьемь и плесканьемь,—разумъ даемъ всякъ и речемъ:... иже кромѣ божественныя церкви и кромѣ благословенья творять свадбу, таинопоимание наречеться;... епитемью дати.

(Рус. Ист. Библ. VI. № I).

---

30. Вопросы Кирика, Саввы и Иліи, съ отвѣтами Нифонта, епископа Новгородскаго, и другихъ іерархическихъ лицъ.

(1130 — 1156 г.)

1. Се есть въпрашание Кюриково, еже въпраша епископа, ноугородьского Нифонта и инѣхъ.

1. Прашахъ владыкы: аще человѣкъ блюеть причащався?—Аще, рече, отъ обьяденія, или отъ пьяньства блюеть, 40 дний опитемьи; аще ли отъ възгноушенія, 20 днии; аще ли отъ напрасныя болѣзни, а мне [1]). Аще ли попъ, да такоже 40 днии, и не слоужить, съ инѣмь въздержаниемь; аще по ноужи, яко нѣкого нарядить слоужити за ся, да не слоужить съ недѣлю, и пакы начнеть слоужити, опитемью держа отъ медоу, отъ мяса, отъ молока. Аще блюеть на другы(и) день по причащении, то нѣто(у) за то опитемьи, такоже и на 3-й. Обаче и въ суботоу и въ недѣлю не поститися, но инѣми дьнъми да исполниться 40. Такоже аще ино что створить.

4. А наимъ дѣля, рекше лихвы, тако веляше оучить: аже попа, то рци емоу: „не достоить ти слоужити, аще того не останеши"; а еже простьца, то рци емоу: „не достоить ти имати наимъ; мнѣ, рци, грѣхъ не молвивше" [2]). Дажь не могоуть ся хабить [3]), то рци имъ: „боудите милосерди, възмете легко; аще по 5 коунъ далъ еси, а 3 коуны възми или 4.

54. Оже кости мертвыхъ валяються кдѣ, то велика человѣкоу тому мъзда, оже погребоуть ихъ.

59. А оже то рѣхъ: яицемь толчетъ въ зоубы до обѣдни, аще и велицци?— Еже малымъ, рече, то нѣтоу бѣды, причащаються; а иже съвершену, аще поне единою потолчеть, то нѣсть бѣды причащатися; а иже многажды, а помня, а то акы обидно: того възбраняи.

61. Аже боудеть, рече, человѣкъ яжалсь [1]) и гнои (идеть) изъ ядьна, достоить ли емоу причащатися?—Велми, рече, достоить; и не тои бо, рече, смрадъ и отлоучаеть святыня, ни иже изъ оусть идеть оу дроугыхъ, но смрадъ грѣховныи.

65. Нѣсть ли въ томь грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами?—Аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова боудоуть знати.

91. А пърть дѣля, въ чемъ хотяче ходити нѣтоуть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ.

99. Прашахъ: одиною просфоуръю достоить ли слоужити?—Аже боудеть далече, яко въ селѣ, а нѣгдѣ боудеть взяти дроугое просфоуры, то достоить. Аже боудеть близъ торгъ, кдѣ коупити, то не достоить; аще ли како кдѣ не боудеть, но ноужи достоить.

2. Савины главы (дополнительные вопросы Саввы).

6. Аще слоучиться платъ женьскыи въ портъ въшити попоу, достоить ли въ томъ служити портѣ?—И рече: достоить,—ци погана есть жена?

7. Аще грѣхомь оупоустить проскоуроу на землю, достоить ли проскурмисати? — И рече: достоить, како си падеть, отерше добрѣ.

10. Аще ся годить стояти чресъ ноць, или пѣти, или чтение чисти, обѣдавше и оужинавъше, достоить ли слоужити, не поспавъше? — И рече: или лоучьши съпати, а не лоуче Бога молити? Достоить и не поспавъше слоужити.

20. Достоить ли, рече, дроугое говѣние молодоу дѣтяти обаче молоко ѣсти, аже боудеть болно? — Ци лоуче оуморити?

(Рус. Ист. Библ. VI, № 2).

---

1) Менѣе.
2) „Мнѣ будетъ грѣхъ, если промолчу".
3) Воздержаться.

1) Или: жеглъся.

31. Слово христолюбца ревнителя по правой вѣрѣ.

(около 1400 г.)

Яко Илья Февзвитянинъ, заклавы ереа жерца идольскія числомъ 300, и рече: ревнуя поревновахъ по Господѣ вседержители. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ двоевѣрно живущихъ,—и вѣрують въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима и Рьгла, и въ Вилы, ихъ же числомъ тридевять сестрѣницъ, глаголять невѣгласи и мнять богинями, и та подкладывахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжуть, и огневѣ моляться, зовуще его Сварожичемъ и чесновитокъ (творять), богомъ же его творять. Егда же у кого будеть пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьють о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужьши суть еретиковъ, ни жидовъ, иже в вере и во крещеньи тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи (просвѣщенные), попове и книжници. Аще ли не творять того вѣжи, да пьють и ядять моленое (жертвенное) то брашно. Аще ли не пьють, ни ядять, да видять дѣянія ихъ злая; аще ли не видять, да слышать—и не хотять ихъ поучити...

Того ради не подобаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирьскія, и жертвы идольскія: еже молять ся огневѣ подъ овиномъ, и Виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и Роду и Рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ, иже суть тѣмъ подобни...

Да не во лжи будемъ рекли, крещающеся, отрицаемся сотоны и всѣхъ дѣлъ его и всѣхъ ангелъ его, и всего студа его, да обѣщахомся Христови. Да аще ся обѣщахомъ Христови; то чему ему не служимъ, но бѣсомъ служимъ, и вся угодья имъ творимъ на загубу душамъ своимъ...

(Аристовъ. Хрестоматія по рус. ист.)

---

32. Слово о хрестьянствѣ, приписываемое Златоусту

(XIII—XIV в.)

Слышите убо: мнози суть слытьемъ (на словахъ) крестьани, а обычаемъ и дѣлы яко невѣрніи: навыкоша еллиньскы дѣати. О насъ бо скончяся пророчество: како есть вѣрніи, обыкше кощуны еллиньскыя и басни жидовьскы, и уродословья и глумленіа на улицахъ и на бесѣдахъ града, чары же и волхвованіа, и снове и кровеядение и давленины, и иная неподобная многа дѣюще. Какъ крестьяне есте, аще си творите, и како святыя тайны смѣете пріимати, горшя будя Еллинъ?

Навыкосте бо поганскаа дѣла: плясаніе, плесканіе рукъ, сатанины пѣсни, пьяньство,... гнѣвъ, зависть, иная же, нѣсть лзѣ ни глаголати здѣ. Творя и сія, како есте хрестьяне, а горѣе невѣрныхъ?

Мнози бо вѣрніи ся творять, а не вѣдять, что хрестьаньство есть, и како жить в вѣрѣ и в законѣ...

(Ж. М. Н. П. 1854 г. часть 84).

---

33. Уставъ Владиміра Святаго о церковныхъ судахъ.

(Краткая, болѣе древняя редакція. Подлинность устава отвергается проф. Голубинскимъ.)

Се язъ князь Володимеръ поставихъ церковь святыя Богородица въ Кіевѣ и дахъ церкви той десятину по всей Русской земли въ всѣхъ градѣхъ. И по семъ сгадалъ есмь съ своею княгинею съ Анною и съ своими дѣтьми, оже сихъ судовъ не подобно судити князю, ни бояромъ, ни судіямъ ихъ, и дахъ тѣ суды церквамъ, всѣмъ епискупіямъ по Русской земли; а по семъ не вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка ни въ люди церковныя, ни въ суды ихъ, то все далъ есмь по всѣмъ

градомъ и по погостомъ и по свободамъ, гдѣ христіане суть: роспусть, смильное, заставанье, пошибенье промежу мужемъ и женою о животѣ, въ племени или въ сватовствѣ поймутся, вѣдьство, зелійничьство, урекание... зельи и еретичествомъ, зубояжа [1]), отца или матеръ бьетъ сынъ или дчи, братии ти дѣти тяжутся о задницп, церковная татьба, мертвецы волочать [2]), крестъ посѣкуть [3]), или на стѣнахъ рѣжуть, скоты или псы и потки [4]) безъ велики нужы введеть, или что неподобно въ церкви подѣетъ. Тѣ вся суды церкви даны суть. Князю и бояромъ и судьямъ въ тѣ суды не лзѣ вступатися. То вся далъ есмь по первыхъ царевъ уряженью и по вселенскыхъ святыхъ отецъ семи съборовъ великихъ святитель. Аще кто преобидить нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія и огнь себѣ наслѣдуютъ.

Иже искони уставлено есть и поручено святымъ епископіамъ городскыя и торговыи всячьская мѣрила, и спуды, и свѣсы и ставила; отъ Бога тако искони уставлено епископу блюсти безъ пакости, ни умалити ни умножити; за все то дати ему слово въ день суда великаго, яко и о душахъ человѣчьскыхъ.

А се церковные люди: игуменъ, попъ, діаконъ, и кто въ клиросѣ, черньцъ, черница, попадія, проскурница, поповичь, лѣчецъ [5]), прощенникъ [6]) задушный человѣкъ [7]), монастыреве, больници, гостиници, странноприимници: то люди церковныи, богадѣльные; митрополитъ или епископъ вѣдаетъ межю ими судъ или обиду, или котора, или задница [1]). Аже будетъ иному человѣку съ тѣмъ рѣчь, то обчій судъ.

(Владимирскій Будановъ, Хрестоматія по ист. рус. права I.)

[1]) Разводъ, брачныя дѣла, прелюбодѣяніе, драка между мужемъ и женою изъ-за имущества, браки въ близкихъ степеняхъ родства или свойства, волшебство, зелейничество (т.-е. употребленіе зелій-травъ на вредъ другимъ), попрекъ, укушеніе.

[2]) Если снимутъ съ мертвыхъ одежду.

[3]) Если срубятъ крестъ на могилѣ.

[4]) Птицы.

[5]) Лекарь.

[6]) Человѣкъ, получившій чудесное исцѣленіе.

[7]) Вольноотпущенный по духовной, или отданный церкви за поминъ души.

34. Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря.

1. О пришествіи мастеровъ церковьныхъ отъ Царяграда къ Антонію и Өеодосію. Слово 2-ое.

И се вы, братіе, скажу дивно и преславно чюдо о той богоизбраннѣй церкви Богородичинѣ. Пріидоша отъ Царяграда мастери церковніи, четыре мужіе богати велми въ печеру к великому Антонію и Өеодосію, глаголяще: „гдѣ хощета начяти церковь?“ Она [2]) же къ нимъ рѣста: „идѣ же Господь мѣсто наречетъ“. Сіи же рѣста: „аще смерть себѣ проповѣдасте, мѣста ли не назнаменавъше, толикое злато вдавше намь“.

Антоній же и Өеодосіе, призвавше всю братію, и въспросиста Грекъ глаголяще: „скажите истинну, что се бысть?“ Сіи же мастеры рѣста: „намь спящимь въ домѣхъ нашихъ, рано, въсходящу солнцю, пріидоша къ комуждо насъ благообразніи... глаголяще: зоветъ вы Царица Влахерну. Нам же идущимъ, пояхомь съ собою другы и южикы своа и обретохомся равно вси пришедше къ Царици, и стяжавшеся, едину рѣчь царицину слышавше и едини зватаеве (зватаи отъ „звать“) быша у насъ. И видѣхомь Царицю и множество вои о ней, поклонихомся Ей и Та рече к намь: „хощу церковь възградити себѣ

[1]) Наслѣдство.

[2]) Дв. число.

въ Руси, въ Кіевѣ, велю же вамъ, да возмѣта злата собѣ на 3 лѣта". Мы же, поклонившеся, рѣхомъ: „О, Госпоже Царице, въ чюжу страну отсылаеши насъ, къ кому тамо пріидемъ"? Она же рече: „сію (этихъ вотъ) посылаю Антоніа и Θеодосіа". Мы же рѣхомъ: „почто, госпоже, на 3 лѣта злата даеши намъ, сима (имъ) прикажи о насъ, что есть намъ на пищу вся потребная сама же веси, чимъ насъ даръствовати". Царица же рече: „сій Антоній, точію благословивъ, отходитъ свѣта сего на вѣчный, а сій Θеодосій въ 2 лѣто по немъ идетъ къ Господу. Вы же возмѣте до избытка вашего злата, а еже почтити васъ, тако не можетъ никтоже: дамъ вамъ еже ухо не слыша и на сердце человѣку не взыде. Пріиду же и сама видѣти церкви и в неи хощу жити". Вда же намъ и мощи святыхъ мученикъ: Артеміа и Полиекта, Леоньтіа и Акакіа, Арефы, Якова, Θеодора, рекши нам: „сіа положите во основаніи". Взяхомъ же злато и лише потребы. И рече к намъ: „изыдете наясно (на открытое мѣсто) и видите величество"—и видѣхомъ церковь на въздусѣ; и вышедше, поклонихомся ей и въспросихомъ: „о госпоже Царице, каково имя церкви?" Она же рече, яко имя себѣ хощу нарещи. Мы же не смѣхом Еа воспросити, како Ти есть имя. Сіи же рече: „Богородичина будетъ церкви", и дасть ти намъ сію икону: „та намѣстнаа, рече, да будетъ". Ей же поклонившеся, изыдохомъ в домы своа, носяще и сію икону, юже пріахомъ от руку Царицину.

И тогда вси прославиша Бога и Того рождьшую. И отвѣща Антоній: „о чада, мы николиже исходихомъ отъ мѣста сего." Грѣци же съ клятвою рѣша, яко отъ вашею руку злато взяхомъ пред многыми свидѣтели, но и до корабля с тѣми ваю проводихомъ и, по ваю отшествіи мѣсяць единъ пребывше, пути ся яхомъ. И се есть день десятый, отнележе изыдохомъ отъ Цариграда. Въспросихомъ же Царица величества церкве—и Та рече намъ: „мѣру убо послах поясъ Сына Моего, по повелѣнію Того".

И отвѣща Антоній: „о чада, велики благодати Христосъ сподобилъ васъ, яко Того воли съвръшители есте. Суть же васъ звавшеи они благобразніи... — пресвятіи ангели: а еже Влахернѣ царици—сама чювьствѣнѣ (во плоти) явившися вамъ Пресвятаа, чистаа и непорочнаа Владычице нашеи Богородице и Приснодѣвице Маріа; иже о Той вои прѣдстоаще суть бесплотніи ангельскыа силы, наю подобніи: даніе вамъ злата Богъ вѣсть, якоже самъ сътвори и изволи о своею рабу. Благословенъ приходъ вашь и добру спутницу имѣете сію честную икону Госпожину, и та отдасть вамъ, якоже обѣщася, еже ни ухо не слыша, на сердце человѣку не взыде: тогоже никтоже можетъ дати развіи Тоа и сына Еа, Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, Его же поясъ и венець отъ варягъ принесенъ бысть и мѣра сказася широты и долготы и высота тоа пречестныа церкве, гласу таковому съ небеси пришедшу отъ велелѣпныа славы". Грѣци же поклонишася съ страхом святым и рѣша: „гдѣ мѣсто таковое, да видимъ?" Антоній же рече: „3 дни прѣбудем молящеся, и Господь явитъ намъ"! И въ ту нощь, молящуся ему, явися ему Господь, глаголя: „обрѣлъ еси благодать предо Мною". Антоній же рече: „Господи, аще обретох благодать прѣдъ Тобою, да будетъ по всеи земли роса, а на мѣсте, идѣже волиши освятити, да будетъ суша". Заутраже обрѣтоша сухо мѣсто, идѣже нынѣ церкви есть, а по всеи земли роса.

Въ другую же нощь, тако помолився, рече: „да будетъ по всеи земли суша, а на мѣсте святѣмь роса". И шедше, обретоша тако.

Въ 3-й же день, ставше на мѣсте святомь, помолився и благословивъ

мѣсто, и измѣриша златымь поясомь широту и долготу. И въздвигъ руцѣ на небо Антоній и рече великымъ гласомъ: „Послушай мене, Господи, днесь, послушай мене, да разумѣють вси, яко Ты еси хотяй сему“. И абіе спаде огнь съ небеси и пожже вся древа и тръніе, и росу полиза, долину сътвори, якоже рвомь подобно. Сущии же съ святыма отъ страха падоша, яко мертвіи. И оттуду начатокъ тоа божественыя церкви.

2. О пришествіи писцевъ церковныхъ ко игумену Никону отъ Царяграда. Слово 4-ое

И се дивное чюдо, еже сказаю вамъ. Пріидоша отъ тогоже богохранимаго Констянтиня града къ игумену Никону писци иконніи, глаголюще сице. „Постави рядца (заказчика) наша, хощевѣ ся истязати (хотимъ съ нимъ счесться): намь показаша церковь малу и тако урядихомся предо многыми свѣдетели, сіа же церьковь велика вельми,—и се ваше злато възмѣте, а мы идемь къ Цариграду“. И отвѣща игуменъ: „какови бяше дѣавшеи ряд с вами?“ Писци же рѣша: „подобіе и образъ игумена Ѳеодосіа и Антоніа“.

И рече имъ игуменъ: „о чада, намъ не мощно вамъ явити тѣхъ, прежде бо 10 лѣтъ отъидоша свѣта сего и суть непрестанно молящеся за ны, и неотступно хранятъ сію церковь, и соблюдаютъ свой монастырь, и промышляютъ о живущихъ въ немъ“. И сіа слышавше, Грѣци ужасни быша (въ ужасъ пришли) о отвѣте, приведоша же и инѣхъ купець много, иже бѣша оттуду путешествовавше с тѣми Грѣци...

И глаголаху: „предъ сими рядъ сотворихомъ, злато взяхомъ отъ руку ею (ихъ), и ты не хощеши намъ явити ею; аще ли преставилася еста, яви намъ образъ ею, да и сіи видять, аще та еста“. Тогда игуменъ изнесе предъ всѣми икона ея (ихъ). Вѣдѣвши же Грѣци... образъ ею, и поклонишася, глаголюще, яко сіи еста воистину и вѣруемъ, яко жива еста и по смерти, и можета помогати и спасати и заступати прибѣгающихъ к нима.

Вдаша же и мусію, иже бѣ принесли на проданіе, еюже святый алтарь строиша. Писци же начаша каатися своего съгрѣшеніа. Егда, рече, пріидохомъ въ Каневъ в лодіахъ — и се видѣхомъ церковь сію велику на высотѣ. Въпросихомъ же сущихъ с нами: „каа си есть церкви?“ И рѣша: „Печерьскаа, ей же вы есте писци“. Разгнѣвавши же ся, хотѣхомъ бежати внизъ. В ту же нощь бысть буря велика на рецѣ. Заутра же ворставше, обрѣтохомся близь Треполя, и лодіа сама идяше горѣ, аки нѣкаа сила влечаше. Мы же нуждею удръжахомъ ю, и стоавше весь день, размышляюще, что се будетъ, яко толикъ путь преидохомъ единою нощію, не гребуще, еже съ трудомъ едва треми деньми доходятъ друзіи.

Въ другую же нощь видѣхомъ сію церковь и чюдную икону намѣстную, глаголюще намъ: „человѣци, что всуе мятетеся, не покоряющеся воли Сына Моего и Моеи, и аще Мене преслушаетеся и бежати восхощете, вся вы въземши и с лодіею поставлю въ церкви Моей. И се же да вѣсте, яко оттуду не изыдете, но ту в монастыри Моемь остригшися, живот свой скончяета, и Азъ вамъ дамь милость въ будущемъ вѣцѣ строителю сею (сихъ) ради Антоніа и Ѳеодосіа“. Мы же, заутра въставше, хотѣхомъ бѣжати внизъ, и много трудившеся, гребуще, а лодіа горѣ идяше противу. Мы же, повинувшеся воли и силѣ Божіи, дахомся: и скоро подъ монастыремь сама лодіа приста.

Тогда купно вси черноризци прославиша великаго Бога и Того Пречистыа Матере чюдную икону и святаа отца Антоніа и Ѳеодосіа. И тако обои

животъ свой скончаша в Печерьскомь монастырѣ, мастеры же и писци, во мнишескомь житіи: и суть положени въ своемъ притворѣ, суть же и нынѣ свиты ихъ на полатахъ и книгы ихъ Грѣческаа блюдомы въ память чюдеси...

3. Мѣсяца маа въ 3 день житіе преподобнаго отца нашего Өеодосіа, игумена Печерьскаго монастыря. Списано Нестеромъ, мнихомъ того-же Печерьскаго монастыря. Слово 8-ое.

Благодарю Тя, Господи, Владыко мой, Господи Іисусе Христе, яко сподобілъ мя еси недостойнаго исповѣдателя быти святымь Твоимь угодником. Се бо исперва ми исписавшю о житіи и о біеніи и о чюдесехъ святыхъ и блаженных страстотерпець Бориса и Глѣба, понудихся и на второе исповѣданіе пріити. Еже и выше моеа силы, ему же и не бѣхъ достоинъ, грубъ сы и неразумичень, к симъ же яко и не бѣхъ ученъ никоеиждо хитрости, но въспомянухъ, Господи, слово Твое рѣкше: „аще имате вѣру, яко зерно синапно (горчишное), и речете горѣ сей: пріиди и връзися въ море—и абіе не усумнится, но послушаеть васъ". Сіе на умѣ азъ грѣшный Нестеръ пріимь и оградився вѣрою и упованіемь, яко вся возможна отъ Тебѣ суть, начатокь слову списаніа положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Өеодосіа, бывшаго игумена монастыря Печерьскаго святыа Владычица нашеа Богородица, архимандрита всеа Руси и началника.

О рожденіи святого. 1. Градъ убо есть, отстоа Кіева, града столнаго, 50 поприщь, имянемь Василевь. И в томъ бѣста родителіе святаго, въ вѣрѣ христіаньстей живуща и всякымъ благочестіемъ украшена. Родиста же сего блаженнаго дѣтища...

Бысть же родительма блаженнаго преселитися въ инъ градъ, глаголемый Курескъ: князю тако повелѣвшу. Пакы же реку, Богу сице изволшу, да и тамо добляго отрока житіе просіаеть...

О дѣтскомъ възрастѣ святого Өеодосіа. 2. Мы же, братіе, пойдемь на прьвое исповѣданіе святого сего отрока. Растый убо тѣломъ, душею влекомъ на любовь Божію, и хождаше въ церковь Божію по вся дни и послушаа Божественныхъ писаній съ всяцемь вниманіемь. Еще же и къ дѣтемъ играющимъ не приближашеся, якоже обычаі есть юнымъ, но и гнушашеся игръ ихъ.

Одѣжда же его бяше исплачена (въ заплатахъ). О сем же многажды родителема его нудящимъ облещися въ одѣжю свѣтлу и на игри изыти з дѣтьми; онъ же о семь не послушаше ихъ, но паче изволи быти яко единъ отъ убогыхъ. К сим же моляше и родителя своа датися веляше на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель,—якоже и сътвориша. И вскорѣ извыче все божественое писаніе, якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скоромъ его ученіи. Покореніе же его и повиновеніе кто исповѣсть, иже стяжа въ ученіи своемь не точію же къ учителю своему, но и ко всѣмь учящимся с нимь. В то же врѣмя отець его конець житію пріатъ, сущу же тогда блаженному Өеодосію 13 лѣтъ. И оттолѣ начатъ на труды подвижнее быти, якоже исходити ему съ рабы своими на село дѣлати съ всякымь прилежаніемь. Мати же его оставляше его отъ таковаго дѣла, возбраняющи ему таковаго дѣла, возбраняющи ему тако творити, но моля его пакы облачитися въ одѣждю свѣтлу и тако исходити съ врьстникы своими на игры. Глагола бо ему, яко, тако ходя, укоризну себѣ и роду своему приносиши. Оному же о томъ не послушающю са, якоже и многажды ей отъ великіа ярости разгнѣватися на нь и бити его, бѣ бо

тѣломь крѣпка и силна якоже мужь: аще бо кто не вѣдавь еа и слышавь ю бесѣдуюшу къ кому, то мнѣти ю мужа суща.

О отхожденіи страньствѣ святого. 3. К сим же пакы блаженый юноша мысляше, како и кымь образомь спасется. Таче слышавь пакі о святыхъ мѣстехъ, идѣже Господь нашъ плотію походи, и желаше тамо ити и поклонитися имь. ...И се пріидоша странници въ градъ той. И видѣвь ихъ, блаженный юноша радъ бывь: и текъ, поклонися имь, и любезне целова ихъ, и въпроси ихъ, откуду суть и камо грядуть. Онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмы, и аще Богу волящу, въспять хощемъ ити. Святый же моляше ихъ, да его поимуть въ слѣдъ себѣ и путника сътворять его съ собою. Они же обѣщашася ему пояті его съ собою и допровадити его до святыхъ мѣстъ... И тако иде въ слѣдъ страныхъ...

По трехъ же днехъ увѣда мати его, яко съ странными отъиде, и погна въ слѣдъ его, точію единаго поимши сына своего, иже бѣ мні (меньшіі, младшіі) блаженнаго Ѳеодосіа. Таче яко гнаста путь многъ, постигоша ихъ: и яста его, отъ ярости же и гнѣва многа мати же его, имъше за власы, и повръже его на земли, и своими попираше ногама. Странныа (странниковъ) же много укоривши, отпусти. Сама же възвратися в домъ свой, яко нѣкоего злодѣа ведущи связана.

Тольми же бѣ гнѣвомъ одрьжима, яко и в домъ свой ей пришедши, бити его, доидеже изнеможе. И по сихъ введе его въ храмъ нѣкый и тамо связа его, и тако затворивь его, отъиде. Блаженный же юноша вся сіа с радостью пріимаше и Бога моля, благодаря о всѣхъ сихъ. Таже пришедши по двою днію, мати его отрѣши его, дасть же ему ясти; еще же сы гнѣвомь одрьжима сущи, възложи на нозѣ его желѣза тяжка и тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не пакы отъидеть отъ неа. И тако створи, много дний ходя. Потомъ же, пакы умилосердившися на нь, нача съ мольбою увѣщевати его, да не бѣжить отъ неа. Любяше бо его паче инехъ, и того ради не терьпяше безъ него быти. Оному же обѣщавшуся ей не отъити отъ неа; и сня желѣза с ногу его, повелѣвшу ему по воли творити, еже хощетъ. Блаженный же Ѳеодосіе на прьвый подвигъ възвратися, хождаше въ церковь по вся дни...

О отхожденіи святаго отъ матере своеа к Кіеву. 6. По времени же пакы нѣкоемь, слыша въ Евангеліи Господа глаголюща: „аще кто не оставить отца и матере и въ слѣдъ Мене не идеть, нѣсть Менѣ достоинъ“; и пакы: „пріидете ко Мнѣ вси тружающіися, обремененіи — и Азъ покою вы, възмѣте яремь Мой на ся и научитеся отъ Менѣ, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемь — и обрящете покой душамь вашимь“. Сіа слышавь, богодухновенный Ѳеодосіе раждегся (разжегся) божественною любовію, дыша ревеніемь Божіимь, помысляше по вся дни и на всякь часъ, како или гдѣ пострищися и утаитися матере своеа. По случаю Божію, отъидѣ мати его на село, и якоже пребыти ей дни многы.

Блаженный же, радъ бывь, изыде изъ дому своего, не имы у себѣ нічто же, развѣ одѣжда и мало хлѣба немощи ради телесныа. И тако устремися въ градъ Киевь, бѣ бо слышалъ о монастырехъ тамо сущихъ... И тако идый треми недѣлями, дойде прежде реченнаго града. Егда же пришедъ, обходя вся монастыря, хотя быти мнихъ и моляся имь, да пріатъ будеть ими. Они же, видѣвши отрока простость и ризами худыми облечена, не хотяще того пріати. Се же Богу изволишу тако, да на мѣсто, идѣже бѣ отъ юности Богомь позванъ, на то же и ведяшеся.

О пришествіи святаго к великому Антонію и о постриженіи его. 7, 8. И тогда бѣ слышалъ о блаженнемь Антоніи, живущемь в печерѣ, и окрылатѣвша умомь, устремися къ печерѣ. И пришедъ къ преподобному Антонію, его же видѣвь, падъ, поклонися ему, съ слезами моляся ему, дабы приатъ былъ имь. Великій же Антоніе, наказуа его, глаголя: „о чадо, видиши ли печеру сію: скорбно суще мѣсто и тѣсно, ты же юнъ еси, якоже мню, не имаши тръпѣти скорби на мѣстѣ семь“. Се же, не токмо искушаа, глаголаше, но и прозрачныма очима прозря, яко той хотяше възградити мѣсто то и монастырь славенъ створити на събраніе множеству мнихъ. Богодухновенный Өеодосіе отвѣща ему съ умиленіемь: „вѣждь, честный отче, яко промысленикъ всяческыхъ, Христосъ Богъ приведе мя къ твоеи святости и спасти ми ся тобою повелѣ. Тѣмже и елико ми велиши творити, и сътворю“. И глагола ему блаженный Антоніе: „благословенъ Богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тщаніе. И се мѣсто: буди въ нѣмь“. Өеодосій же, пакы падъ, поклонися ему...—

И бѣ видѣти свѣтила три, суще въ печерѣ, разгоняща тму бесовьскую молитвою и алканіемь: мню же преподобнаго Антоніа, и блаженнаго Өеодосіа, и великого Никона. Сіи бѣша въ печерѣ моляще Бога, и Богъ же бѣ с ними: „идѣже бѣ, рече, два или трие съвокупленіи во имя Мое, ту есмь посреди ихъ“...—

4. О святыхъ блаженныхъ пръвыхъ черноризцехъ Печерьскыхъ. Слово 12.

Бѣ вънистину предивно чюдо видѣти, братіе, съвъкупи бо Господь таkыхъ черноризець въ обители Матере Своеа. Яко пресвѣтлаа свѣтила в Рускои земли сіаху: ови бо біаху постници, друзіи же — на бдѣніе, иніи же — на колѣнопоклоненіе, овіи же — на пощеніе чрезъ день или чресъ два дни, иніи же ядуще хлѣбъ с водою, иніи же — зѣліе варено, друзии же — сурово. И вси в любьви пребывающе: мѣньшіи покоряющеся старѣйшему, не смѣюще предъ ними глаголати, но все покореніемъ и послушаніемь великімь. Тако же и старѣйшіи имѣаху любовь к меньшимъ, показующе ихъ и утѣшающе, яко чада своа възлюбленнаа. И аще который братъ впадаше нѣ въ кое съгрѣшеніе, утѣшаху его: и того единаго епитемью раздѣляху любо тріе, или четыре, за великую любовь. Такова бяше божественнаа любовь в той святеи братіи, въздерьжаніе и смиреніе! И аще нѣкій братъ отхождаше отъ монастыря, вся братіа о томь имѣаху печаль, и посылаху по нь, призывающе въ монастырь брата, дабы възвратился. И егда прихождаше братъ, и шедше ко игумену, вси поклоняхуся за брата и умоляху игумена, абіе же пріимаху брата с радостью въ монастырь...

5. Изъ посланія еп. Симона Владимерьскаго и Суздальскаго къ Поликарпу, черноризьцю Печерьскому. Слово 14.

Разумѣй же, брате, колика слава и честь монастыря того... Азъ бы радъ оставилъ свою епископію и работалъ въ томъ святемь Печерьскомь монастырѣ. И се же глаголю ти, брате, не самъ себѣ величаа, но тебѣ възвѣщаа. Святительства нашего власть самъ вѣси. Кто не вѣсть мене, грѣшнаго епископа Симона, и сіа съборныа церкви, красоты Владимерьскіа и другіа Суждальскіа церьки, юже самъ създахъ? Колико имѣета градовъ и селъ, и десятину събирають по всей земли той! И тѣмъ всѣмь владѣеть наша худость. И сіа вся быхъ оставилъ, но вѣси, какова веліа вещь духовнаа и нынѣ обдержить мя, и молюся Господеви, да подасть ми благо врѣмя, на правленіе

и съвѣсть таінаа Господь. Истинно глаголю ти, яко всю сію славу и честь въскорѣ, яко калъ, вменилъ быхъ. И аще бы ми ся смѣтіемь[1]) пометнути въ Печерьскомъ монастырѣ и попираему человѣкы, или единому быти отъ убогыхъ предъ враты честныа Лавры и сътворитися просителю,—то лучши бы ми врѣменныа сіа чти. Единъ день въ дому Божіа Матере паче 1000 лѣтъ, и в немъ изволилъ быхъ пребывати паче, нежели жити ми в селехъ грѣшничихъ. И въ истину глаголю ти, брате Поликарпе: гдѣ слыша сихъ дивнѣйши, въ томъ въ святемь монастырѣ Печерьскомь чюдеса? Что же ли божественѣйшихъ сихъ отцевъ, иже в конець вселенныа просіаша, подобно лучамъ солнечнымъ?...—

6. О преподобнѣмъ Исакіи Печерницѣ. Слово 36.

Сій преподобный отець нашь Исакій, еще ему сущу въ мирьстемь житіи, богатъ бѣ купець родомь Торопчанинъ. Сей помысли быти мнихъ, и раздаа все имѣніе свое требующимъ и монастыремъ, пріиде к великому Антонію в печеру и моляшеся ему, дабы былъ мнихъ. И пріатъ его Антоніе, възложи на нь мнишескій образъ и нарече имя ему Исакіе, бѣ бо ему мирьское имя Чернь. Сій же Исакіе въспріатъ житіе крѣпко, и облечеся въ власяницю, и повелѣ купити себѣ козлищь и одраті его мѣхомъ, и възъвлече на власяницю, и осъше около его кожа сыра. И затворися в печерѣ, въ единои улицѣ, в кѣліи малѣ, яко четыре лакоть сущи, и ту моляше Бога съ слезами. Снѣдь его бѣ просфура едина, и то же чрезъ день, и воды в мѣру піяше. Приносяше же ему великій Антоніе и подаваше ему оконцемь, елико рука вместится, и тако пріимаше пищу. И въ таковемь житіи сътвори 7 лѣтъ, на свѣтъ не исходя, ни на ребрехъ възлегъ, но сѣдя, мало сна пріимаше.

Единою же, по обычаю, наставшу вечерю, нача покланятися, поа псалмы, даже и до полунощи. И яко утрудися, и сѣде на седалѣ своемь. Седящу же ему и по обычаю свѣщу погасившу, и се внезаапу свѣту въсіавшу въ печерѣ, яко отъ солнца, яко и зракъ человѣку отъимати. И поидоша к нему два уноши прекраснѣ, и блистастася лица ихъ, аки солнце. И рѣша Исакіевѣ: „есвѣ ангелы, а се идеть к тебѣ Христосъ съ ангелы“. И въставъ Исакій, и видѣ тлпу бѣсовъ, и лица ихъ паче солнца. Единъ же, пастреди ихъ, сияше паче всѣхъ, и лица ихъ луча исходяща. И глаголаста ему: „Исакіе! Се есть Христосъ, падъ, поклонися ему“.

Исакій же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти имѣ перекреститися. И изшедъ ис кѣліи, поклонися акы Христу, бесовъскому дѣйству. Бѣси же кликнуша и рѣша: „нашь еси, Исакіе!“ И введша его в кѣлію, посадиша и, и начаша садитися около его. И бысть плъна кѣліа бесовъ и улица Печерьскаа. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемый Христосъ: „възмѣте сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, а Исакій намъ пляшеть“. И удариша в сопѣли и в гусли, и въ бубны, и начаша имъ играти, и утомивше его, оставиша его, елико жива суща. И отъидоша, поругавшеся ему...

(Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря. Изд. арх. комиссіи).

---

35. Хожденіе игумена Даніила.

(Начало XII в.).

1. Введеніе.

Се азъ недостойный, игуменъ Даніилъ, должнѣйшій во всѣхъ мнисѣхъ, смиренъ сый грѣхи многими, недово-

[1]) Сором̂ъ.

ленъ сый о всякомъ дѣлѣ блазѣ, понуженъ мыслею своею и нетерпѣніемъ своимъ восхотѣхъ видѣти святый градъ Іерусалимъ, и землю обѣтованную и мѣста святая, и благодатію Божію съ миромъ доходитъ, и очима своима видѣхъ святая мѣста вся, обходитъ всю ту землю обѣтованную, идѣ-же Христосъ Богъ нашъ походи своима погама и многа чудеса показа по мѣстомъ тѣмъ святымъ. То все видѣхъ очима своима грѣшныма, и все показалъ ми Богъ видѣти, его же желахъ по многи дни видѣти. Братіе и отцы, и господіе мнисп! простите мя и не зазрите моему худоумію, еже грубостію своею списахъ о св. градѣ Іерусалимѣ и о землѣ той святѣй и о пути семъ святѣмъ, идѣ-же путемъ симъ ходихомъ, и написахомъ, и смиреніемъ да не прегрѣшу милости Божія на немъ.

Азъ же не подобно ходихъ по мѣстомъ симъ святымъ во всякой слабости и лѣности, пія, ѣдый и вся неподобныя дѣла творя, но обаче надѣясь на милость Божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ проститъ мя грѣхъ моихъ безчисленныхъ. Да се списахъ путь сей и мѣста сія святая, не возносяся, ни величаяся путемъ симъ, яко добро сотворивъ что на пути семъ; не буди то: ничто же бо не сотворихъ добра на пути семъ. Но, любы ради святыхъ мѣстъ сихъ, списахъ все, еже видѣхъ очима своима грѣшныма, дабы не забыти было то, еже ми показа Богъ недостойному видѣти. Убо я боюся осужденія онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ Господа своего, не сотворши имъ прикупа. Да и се написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы се кто, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, потщался душею и мыслію ко святымъ симъ мѣстомъ, и равну мзду симъ пріиметъ съ ходившими до святыхъ мѣстъ. Мнози бо дома сущіи, во своихъ мѣстѣхъ добріи человѣцы милостынями удобрили и добрыми дѣлы своими достизають мѣстъ святыхъ, ижъ большую мзду пріимутъ отъ Бога. Мнози-жъ, доходивше до святыхъ сихъ мѣстъ, и увидѣвши святый градъ Іерусалимъ, и вознесшеся умомъ, яко нѣчто добро сотворивше, погубляютъ мзду труда своего. Отъ нихъ-же первый есмь азъ. Мнози-жъ доходивше до Іерусалима, идутъ взадъ, многа добра не видѣвше, тщацеся вборзѣ. А се то путь вборзѣ нельзя ходити, но по тиху людскомъ: той мочно видѣти вся та святая мѣста во градѣ и внѣ града.

2. О церкви Воскресенія Христова.

Есть святая церковь та Воскресенія Христова кругла образомъ, взя мокачна [1])—въ длину и въ ширину саженъ 30. Суть же у нея палаты пространны, и въ тѣхъ палатахъ живетъ горѣ патріархъ. Есть же отъ дверей гроба до стѣны великаго олтаря саженъ 12. И ту есть возлѣ стѣны за олтаремъ: пупъ земный. Создана-жъ надъ нимъ камора, а горѣ написанъ Христосъ мусіею [2]). И глаголетъ грамата: „се пядью моею измѣрихъ небо, а дланью землю". А отъ пупа земного до Распятія Господня есть крайнево мѣсто, а до крайнева есть 12 саженъ.

Есть бо Распятіе Господне отъ Воскресенія къ востоку лицъ на камени высоко было, яко стрія [3]) возвыше, кругъ же сего камени яко горка мала, посреди же камени того на верху высѣчена есть скважина яко локтя въ глубину, а ширѣ пяди, кругло. И ту былъ водруженъ Крестъ Христовъ. Исподи же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господнѣ, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предастъ духъ свой, тогда раздрася церковная катапетазма, и ка-

---

1) Равносторонняя.

2) Мозаика.

3) Или: стружіе (древко копья).

менія распадеся, тогда же той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде и вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и омый грѣхи рода человѣча. Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего дня; и есть Распятіе Господне камень той святыня одѣланъ стѣною все каменною, и горѣ надъ Распятіемъ Господнимъ создана камора, исписана бысть мусіею дивно. Отъ востока лицъ на стѣнѣ написанъ Христосъ на крестѣ распятъ, хитро и дивно, яко живъ, и возвышенъ вболѣ, яко же бысть тогда; а отъ полудни лицъ написано Снятіе, тако-жь дивно. Двери-жъ имать двое; влѣсти-жъ есть по степенемъ горѣ 3-мя степени, и помощено есть досками мраморяными красными. Исподи же подъ Распятіемъ, идѣ же есть глава Адамля, призданa есть яко церковца мала, красна и помощена жъ есть мраморомъ.

Да то зовется: Крайнево мѣсто, еже есть Лобное мѣсто. А гора, идѣ же есть Распятіе, то зовется: Голгоѳа. А отъ Распятія Господня до Снятія есть саженъ 5. И ту есть мѣсто у Распятія, близъ къ полунощи лицъ: идѣ же раздѣлиша ризы его. И ту другое мѣсто есть близъ: идѣ же возложиша вѣнецъ терновъ на главу Іисусову, и въ багряницу поруганія одѣяніе облекоша. И ту есть жертвенникъ Авраамовъ близъ: идѣ же положи жертву Богови Авраамъ, и закла овенъ во Исаака мѣсто сына своего; на то-жъ бо мѣсто возведенъ бысть Исаакъ, идѣ же возведенъ бысть и Христосъ на жертву насъ ради грѣшныхъ, и закланъ бысть отъ беззаконникъ. А оттуду есть близъ же мѣсто, яко двою саженъ вдалѣе: идѣ жѣ заушенъ бысть Христосъ Богъ нашъ. А оттуду есть святая темница: идѣ же всаженъ Христосъ бысть. И ту посидѣ мало, дондеже доспѣютъ Іудеи крестъ, и поставлятъ, и да распнутъ и. Та мѣста святая вся подъ единымъ покровомъ. И отъ темницы Христовой къ полунощи лицъ есть саженъ 22 до мѣста, идѣ же св. Елена налѣзѣ [1]) честный Крестъ, и гвозди, и вѣнецъ, и трость, и губу, и копіе.

И есть же Распятіе Господне, и вся святая мѣста на удобнѣ мѣстѣ; есть бо возгорье отъ запада лицъ надъ Распятіемъ. Мѣсто, идѣ же плакася Святая Богородица, то мѣсто есть на пригоріи томъ. На то мѣсто притече скоро Святая Богородица, тщащебося текуще въ слѣдъ Христа и глаголаше въ болѣзни сердца своего слезящѣ: „камо идеши чадо мое? и что ради теченіе се скоро течеши? егда другій бракъ въ Канѣ Галилеи, да тамо ли тщишись сыне мой и Боже мой, не молча мене отъиди сыне рожсшая тя? дайже ми слово рабѣ твоей?“ И пріиде на мѣсто то Св. Богородица, и узрѣ съ горы тоя сына своего распинаема, на крестѣ, ужасеся вельми, согнувся сѣде, печалію и рыданіемъ одержима бяше...

А то мѣсто есть подалѣе отъ Распятія Христова, яко-жъ полтораста саженъ далѣе на западъ лицъ отъ Распятія, а имя мѣсту тому: Спудія, если протолкуется: тщаніе Богородично.

3. А се о свѣтѣ, како сходитъ ко гробу Господню съ небеси.

И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему, Даніилу иноку: видѣхъ бо очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходитъ Свѣтъ святый ко Гробу животворящему Господа нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи странници не право глаголютъ о схожденіи Свѣта святаго. Иніи бо глаголютъ: яко Духъ Святый голубемъ сходитъ ко Гробу Господню; а другіи бо глаголютъ: яко молнія сходитъ съ небеси, и тако вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. То

[1]) Нашла.

есть лжа и неправда; ничто же бо тогда видѣти—ни голубя, ни молніи; но тако невидимо сходитъ съ небеси благодать Божія, и вжигаются кандила надъ Гробомъ Господнимъ. Да о томъ скажу, яко-жъ видѣхъ по истинѣ.

Въ великую пятницу, по вечернѣ, потираютъ Гробъ Господень, и помываютъ кандила, сущая надъ Гробомъ Господнимъ, и наливаютъ кандила вся та масла древянаго чистаго, безъ воды, одиного токмо масла, и вложатъ свѣтильна, и не вжигаютъ свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставливаютъ свѣтильна та не возжена, и запечатлѣютъ Гробъ Господень во вторый час нощи. Тогда изгасятъ вся кандила не токмо ту сущая, но и по всѣмъ церквамъ, иже во Іерусалимѣ.

Тогда азъ худый и недостойный идохъ, въ пятницу великую, съ 1 часу дни, ко князю Балдвину [1]), и поклонихся ему до земли. Онъ же, видѣвъ мя поклонившась, призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: „что хощеши, игумене Русскій?"—позналъ бо бяше добрѣ и любяше мя вельми, яко жъ бяше мужъ благъ, и смиренъ вельми и не гордитъ ся ни мало. Азъ же рекохъ къ нему: „Княже мой, господине! молю ти ся, Бога дѣля, и князей дѣля Русскихъ: хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое па Гробѣ Святѣмъ Господнемъ отъ всея Русскія земли, и за вся князи наши, и за вся Христіане Русскія земли". И тогда князь съ радостію повелѣ ми поставити кандило, и посла со мною мужа своего, слугу лучшаго, ко иконому Святого Воскресенія, и къ тому, иже держитъ Гробъ Господень. И повелѣста ми оба—икономъ и ключарь святаго Гроба Господня — принести кандило свое съ масломъ.

Азъ же поклонистася има и шедше на торгъ, съ радостію великою и купилъ кандило стеклянное велико, и наліяху масла древянаго чистаго, безъ воды, и принесохъ ко Гробу Господню, уже вечеру сущу, и (умолихъ) ключаря того единаго, и возвѣстихъ ему. Онъ же отверзъ двери Гроба Господня, и повелѣ ми выступити изъ калигъ, и тако босого введе мя единаго во Гробъ Господень съ кандиломъ, еже ношахъ азъ. И повелѣ ми поставити своима рукама грѣшныма въ ногахъ; а въ головахъ стояше кандило Греческое, а на персѣхъ святого Гроба Господня кандило всѣхъ монастырей, а на средѣ Русское кандило, иже поставихъ азъ грѣшный. Благодатію же Божіею та 3 кандила возжглись тогда дольная; а Фряжскія кандила повѣшени суть горѣ, а тѣхъ кандилъ ни едино не возгорѣся тогда. Азъ же поставивъ кандило свое на святѣмъ Гробѣ...

Заутра же, въ великую субботу, въ шестый часъ дня, сбираются вси людіе передъ церковію Воскресенія Христова, безчисленно многое множество людей. Отъ всѣхъ странъ пришельцы и туземци, отъ Вавилона и отъ Египта и отъ Антіохіи, и отъ всѣхъ странъ ту ся сбираютъ въ тотъ день несказанно много людей и наполняются вся та мѣста около церкви и около Распятія Господня. Велика же тѣснота тогда бываетъ въ церкви и около церкви; мнози бо тогда ту и задыхаются отъ тѣсноты людей тѣхъ. И тѣ вси людіе стоятъ съ свѣщами невозженными, и ждутъ отверзенія дверямъ церковнымъ. Внутрь же церкви токмо попове едины, и ждутъ попове съ людьми, дондеже князь Балдвинъ пріидетъ съ дружиною, и бываетъ тогда отверзеніе дверемъ церковнымъ, и входятъ вси людіе въ церковъ въ тѣснотѣ велицей, и въ гнетеніи наполняютъ церковь ту и палату, и все полно будетъ, церковь и внѣ церкви и около Голгоѳы и около Краінева мѣста, и до-

[1]) Король Іерусалимскій (послѣ I крестоваго похода).

толѣ, идѣ-же палѣзенъ крестъ Господень, все полно будетъ людей. И тѣ людіе инаго не глаголютъ ничто же, но токмо: „Господи помилуй!“—зовутъ не ослабляючи, и вопіютъ сильно, яко тутнати и взгремѣти всему мѣсту тому отъ вопля людей тѣхъ. И ту источницы прольются слезны отъ вѣрныхъ человѣкъ; аще бо у кого окаменело серце, и той тогда зазритъ себя и поминаетъ грѣхи своя, глаголетъ въ себѣ: „егда моихъ дѣля грѣховъ не снидетъ Свѣтъ святый“; и тако стоятъ вси вѣрніи слезни и сокрушенно сердце имуще...

Яко бысть осмый часъ дни, и начаша попове правовѣрніи пѣти вечерню на гробѣ горѣ, и вси духовніи мужи и черноризцы, и пустынници—мнози бяху ту пришли. Латыне же въ велицемъ олтарѣ верещати начаша свойски; и тако поющимъ имъ всѣмъ, азъ же ту стоя, прилежно зряхъ къ дверемъ гробнымъ. Яко почаша паремьи чести субботы великія, и на первой паремьи изыде епископъ со діакономъ изъ великаго олтаря, и пріиде къ дверемъ гробнымъ, и призрѣ во гробѣ сквозѣ хрестцѣ дверей тѣхъ, и не узрѣ свѣта во гробѣ, и возвратихся вспять во алтарь. Яко же начаша чести шестую паремью, и той же епископъ съ діакономъ паки припаде къ дверямъ гробнымъ, и не увидѣ ничто же во гробѣ. Тогда вси людіе возопиша со слезами: „Киріе елейсонъ, еже есть Господи помилуй!“

Яко бысть 9 часу минующу, начаша пѣти проходную: „Господеви поемъ“,—тогда внезапу пріиде туча мала отъ востока лицъ, и ста надъ верхомъ непокрытымъ тоя церкви, и одожди надъ Гробомъ святымъ, и смочи ны добрѣ стоящихъ надъ Гробомъ Господнимъ. И тогда внезапу возсія Свѣтъ во Гробѣ святѣмъ, и изыде блистаніе страшно и свѣтло изъ Гроба святаго Господня. И пріиде епископъ съ четырьмя дьяконы и отверзоша двери гробныя. И взяша свѣщу у князя того Балдвина, и вниде епископъ во гробъ, вжже свѣщу княже первое отъ свѣта того святаго, износше изъ гроба свѣщу и вдаетъ ю самому князю въ руцѣ. И ста князь на мѣстѣ своемъ, держа свѣщу ту съ радостію великою. Отъ тоя свѣщи мы вси возжегохомъ свои свѣщи, а отъ нашихъ свѣщь вси людіе взожгоша свои свѣщи. Свѣтъ же святый нѣстъ яко огнь земный, но чудно инако свѣтится изрядно, пламя его червлено яко киноварь. И тако вси людіе стоятъ со свѣщами горящими, вопіютъ же вси непрестанно: „Господи помилуй!“, съ радостію великою и веселіемъ, видѣвши свѣтъ Божій святый. Иже бо кто не видѣвъ тоя радости въ той день, той не имѣтъ вѣры сказующему о всемъ томъ видѣніи. Обаче вѣрніи, добріи человѣци вельми вѣруютъ и въсласть послушаютъ сказанія сего святынѣ сей и о мѣстѣхъ сихъ святыхъ. Вѣрній бо въ малѣ и въ мнозѣ вѣренъ есть, а злу человѣку истина крива есть.

Мнѣ же худому Богъ послухъ есть и святый Гробъ Господень, и вся дружина моя, Русскіе сынове, приключившіеся тогда, и Новгородци и Кіяне, Седѣславъ Иванковичъ, Городиславъ Михайловичъ, Кашкича два, и иніи мнозіи, иже то свѣдаютъ о мнѣ и о сказаніи томъ.

4. Послѣсловіе.

Ходилъ есми тамо во княженье Русское великаго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича Кіевскаго. Богъ тому послухъ и святый Гробъ Господень, яко во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забылъ имянъ князей Русскихъ, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископъ, ни игуменовъ, ни болярь, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, ни коли же не забылъ есмь, но вездѣ поминалъ есть. И о семъ

благаго Бога похвалю, яко сподобилъ мя худаго написати имена князей Русскихъ у святаго Саввы въ Лаврѣ, и нынѣ поминаются во октеньи. Се же имена ихъ: Михаилъ — Святополкъ, Василій—Владиміръ, Давыдъ Всеславичь, Михаилъ—Олегъ, Панкратій—Ярославъ Святославичъ, Андрей — Мстиславъ Всеволодовичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минской. Только есмь вспомянулъ именъ, да все то вписалъ есть, опричь всѣхъ князей Русскихъ и бояръ и у Гроба Господня. Во всѣхъ мѣстѣхъ отпѣхомъ литургій всѣхъ 90, за князи и за бояре и за дѣти мои духовныя, и за вся христіане, за живыя и за мертвыя...

(Сахаровъ. Сказанія рус. народа, II).

---

36. Послѣсловіе Лаврентьевской лѣтописи.

(1373 г.).

Радуется купець прикупъ створивъ, и кормчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ, такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ.

Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый Лѣтописецъ, мѣсяца генваря въ 14, на память св. Отець нашихъ аввадъ, въ Синаѣ и въ Раифѣ избьеныхъ, князю вел. Дмитрію Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмъ мѣсяца марта въ 20, на память св. Отець нашихъ иже въ монастыри св. Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, въ лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи великомъ Дмитріи Костянтиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Діонисѣ Суждальскомъ и Новгородьскомъ и Городьскомъ.

И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ: слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашь, Сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и покланянье со Отцемъ и съ пресвятымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы, аминь.

(П. С. Р. Л. т. I.)

---

37. Слово нѣкоего Калугера[1]) о четьи книгъ.

Добро есть, братие, почитанье книжьное, паче вьсякому хрьстьяну... Егда чьтеши книгы, не тъщися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы и словеса та, — и тришьды обраштяяся о единой главизнѣ...

Реку же: узда коневи правитель есть и въздержание, правьдьнику же книгы я. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго,—и якоже плѣньникомъ умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьднику о почитаньи книжьнѣмь. Красота воину оружие — и кораблю вѣтрила: тако и правьднику почитание книжьное...

То мы, братия, поразумѣимъ и послушаимъ разумьныма ушима і поразумѣимъ силу и поучение святыхъ книгъ. Послушаи ты житья св. Василия и св. Іоанна Златоустааго, и св. Кирила Философа и инѣхъ многъ святыихъ,—како ти съпьрва повѣдають о нихъ рекуще: изъ млада прилежаху святыихъ книгъ: тоже и на ина добрая дѣла подвигнушася. Виждь, како ти начять къ добрыимъ дѣломъ поучение святыихъ книгъ, да тѣми,

---

[1]) Калугеръ—добрый старецъ.

братия, и сими подвигнѣмся на путь жития ихъ, и поучаимъся въ ину книжьнымъ словесьмъ, творяще волю ихъ, якоже велять, да и вѣчныя жизни достоини будемъ, въ вѣкы аминь.

(Аристовъ хрест. по русск. исторіи).

---

38. Древнѣшій лѣтописный сводъ, по разысканіямъ акад. А. Шахматова.

1. Древнѣйшій Кіевскій сводъ XI в.

Начало земли Русьстѣ. Быша три братия: единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третиему Хоривъ; сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кыи на горѣ, къде нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на друзѣи горѣ, къде нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третиеи горѣ, отъ негоже прозъвася Хоривица. И сътвориша градъ и нарекоша имя ему Кыевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь. Бяху мужи мудри и съмысльни, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне Кыевѣ и до сего дьне.

И по сихъ братии дьржати почаша родъ ихъ къняжение въ Поляхъ: и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи.

Въ си же времена Словѣне и Кривичи и Меря дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилие дѣяху Словѣномъ и Кривичемъ и Мери; и отъ тѣхъ Варягъ прозъвашася Новъгородьци Варягы, прежде бо бѣша Словѣне. И бысть у нихъ кънязь, именьмь Ольгъ, мужь мудръ и храбръ. И начаша воевати вьсюду и налѣзоша Дънѣпръ рѣку и Смольньскъ градъ; и отътолѣ поидоша вънизъ по Дънѣпру, и придоша къ горамъ Кыевьскымъ, и узърѣша городъ Кыевъ, и испыташа, къто въ немь къняжить. И рѣша: „дъва брата, Аскольдъ и Диръ“. Ольгъ же потаи воя своя въ лодияхъ, и съ малъмь дружины излѣзоша на брегъ подъ Угърьскымь, творящеся гостьми, и съзъваша Аскольда и Дира. Сълѣзъшема же има, выскакаша прочии вои изъ лодии на брегъ и убиша Асколда и Дира, и несоша на гору и погребоша я. И сѣде Ольгъ къняжа Кыевѣ; и бѣша у него мужи Варязи, и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери.

2. Новгородскій сводъ XI вѣка.

Начало земли Русьстѣ... Быша три братия... и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи[1]).

Въ си же времена Новъгородьстии людие, рекоміи Словѣне, и Кривичи, и Меря, и Чюдь дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилие дѣяху Словѣномъ и Кривичемъ и Мери и Чюди. И въсташа Словѣне и Кривичи и Меря и Чюдь на Варягы, и изгънаша я за море, и начаша владѣти сами собѣ. Словѣне свою волость имяху: и поставиша градъ и нарекоша и́ Новъгородъ, и посадиша старѣишину Гостомысла; а Кривичи свою, а Меря свою, Чюдь свою. И въсташа сами на ся воеватъ, и бысть межю ими рать велика и усобица. И въсташа градъ на градъ, и не бѣ въ нихъ правьды. И рѣша къ собѣ: „поищимъ собѣ къназя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву“. Идоша за море къ Варягомъ и рѣша: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣту; да поидѣте къ намъ къняжитъ и владѣтъ нами“.

Изъбрашася три братия съ роды своими и пояша съ собою дружину мьногу и придоша Новугороду; и сѣ-

---

[1]) Какъ въ предыдущемъ отрывкѣ.

де старѣишии Новѣгородѣ Рюрикъ, а другыи на Бѣлѣозерѣ Синеусъ, а третии Изборьстѣ Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ, прозъвашася Варягы, и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне отъ рода Варяжьска. И бысть у нихъ кънязь, именьмь Ольгъ, мужь мудръ и храбръ... и бѣша у него мужи Варязи Словѣне, и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави Словѣномъ Варягомъ и Кривичемъ и Мери, а отъ Новагорода 300 гривьнъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають.

(А. Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. (Приложеніе: тексты.)

39. Хожденіе Богородицы по мукамъ.

Богородица, хотящи, дабы видѣла, како ся душа мучать, и рече Михаилу архистратигу: — „Исповѣмся, исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая“. И рече къ неи Михаилъ:—„Яко же речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ“. И рече къ нему Святая Богородица:—„Колко есть мукъ, идѣже мучится родъ христьянскіи?“— И рече къ неи архистратигъ: — „Неизрекомыи суть мукы“. Рече же къ нему благодатная:—„Исповѣжь ми на небеси и на земли“.

И видѣ на друзѣмь мѣстѣ тьму велику. И рече святая госпожа: „что есть тьма си и кто суть пребывающи въ неи?“ И рече архистратигъ: „многи душа прѣбыють на мѣстѣ томъ“. И рече святая Богородица: „да отымется тьма си, да быхъ видѣла и ту муку“. И отвѣщаша ангели, стрѣгущи муку: „поручено ны есть, да не видять свѣта, дондеже явится сынъ твоі благыи, паче 7 солнцъ свѣтлѣишіи“. И прискорбна бысть святая Богородица и къ ангеломъ возведе очи свои и воззрѣ на невидимыи престолъ отца своего и рече: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа да отымется тьма си, да быхъ видѣла и ту муку“.

И отъяся тьма и 7 небесъ явися... — Множество народъ, мужь и женъ, и вопль многъ бысть, и гласъ великъ исхожаше. И видѣвши я пресвятая Богородица и рече къ нимъ плачущися со слезами: „что сотворили есте, бѣдницы окаяніи, недостоініи? како вы сѣмо прішдосте?“ И не бысть гласа отъ нихъ, ни отвѣта, и рекоша ангели стрегуще: — „Почто не глаголите?“ Рекоша мучающіися:—„О благодатная, отъ вѣка нѣсмь свѣта видѣли, да не можемъ зрѣти горѣ“. И воззрѣвши на нихъ Святая Богородица и восплакася велми и, видѣвши ю, мучащіися и рекоша къ неи: „Како ны еси присѣтила, Святая Богородица, но сынъ твоі благодатныи на землю приходить, и не вопроси насъ, то ни Авраамъ прадѣдъ, ни Моисеі пророкъ, ни Іоаннъ Креститель, то ни апостолъ Павелъ, возлюбленникъ Божіі, но ты, Пресвятая Богородице, Заступнице—ты еси роду христьянскому стѣна, ты молишь Бога, — како еси насъ присѣтила бѣдныхъ?“ Тогда рече святая Богородица къ архистратигу Михаилу: „что есть согрѣшеніе тѣхъ?“ „Суть иже не вѣроваша въ... Св. Духа, то ни въ тя, святая Богородица, и не хотяша проповѣдати имени твоего, якоже отъ тебе родися Господь нашъ Іисусъ Христосъ, плоть пріимъ, освяти землю крещеніемъ. Да того дѣля на томъ мѣстѣ мучатся“. И пакы прослезящися святая Богородица и рече къ нимъ: „Почто соблазнистеся; не вѣсте ли вы и якоже мое имя чтеть все созданіе“. То рекши святая Богородица, и пакы тьма паде на нихъ.

И увидѣ Святая Богородица мужа, висяща за нози, и червіи ядяху его, и воспроси ангела:—„Кто сеі есть? Что грѣхъ сотворилъ есть?“ И рече къ неи архистратигъ: — „Сіи есть, иже при-

клады имаше на злато свое и на сребро, да за то навѣки мучится".

И видѣ жену, висяцу за зубъ, и различныя змія исхожаху изо устъ ея и ядяху ея. И видѣвши Пресвятая, и вопроси ангела:—„Что есть женѣ сей, что ли грѣхъ ея?" И отвѣща архистратигъ и рече:—„Та есть, госпоже, еже хожаше по ближная своя и по сусѣдомъ, послушающи, что глаголютъ и слагающи словеса непріязненна, свяжающія на сварѣ, да того ради сице мучится". И рече Святая Богородица:—„Добро было человѣку тому, да ся бы не рожалъ".

И бысть облакъ огненъ распростертъ... и одрове яко и пламень и огнь. На нихъ лежаше множьство мужь и женъ. И видѣвши святая и въздьше и рече къ архистратигу: „кто си суть, что суть согрѣшили?" И рече архистратигъ: „си суть, Госпоже, иже въ святую недѣлю на заутреню не встають, но лѣнящеся лежать яко и мертви, да за то ти мучаться". И рече святая Богородица: „Да еще кто не можетъ встати: что да створили?" И рече Михаилъ: „Послушай, Пресвятая. Аже кому загорится храмина на четверо, и обидеть и огнь и сгорить не могa встати, то таковы не имать грѣха". И видѣ на друзѣмь мѣстѣ столы огнены и на нихъ множество парода и мужь и женъ и згараху на нихъ. И вопроси Пресвятая... И рече архистратигъ: „Иже поповъ не чтуть, то не встають имъ, егда приходять отъ церкве божіѣ".

И увидѣ Святая Богородица древо желѣзно, имѣюще отрасли и вѣтвіи желѣзныи, и верши вѣтвія того имѣяше уды желѣзныя, и бяше множество висящіи мужъ и женъ за языки. И видѣвши Святая, прослезися и вопроси Михаила:—„кто си суть, что согрѣшеніи ихъ!" И рече архистратигъ:— „И се суть клеветницы и свадницы, иже разлучиша брата отъ брата и мужъ отъ женъ своихъ"...

(Архистратигъ показываетъ Богородицѣ мѣсто),—идеже суть великія муки... И близь рѣки тоя бяше тьма мрачна. И ту лежаше множество мужь и женъ и клокотаху яко въ котлѣ. И яко морскыя волны изображаются надъ грѣшникы, да егда волны восхожаху и погружаху грѣшникы тысяцу лакъть, и не можахуть рещи: „Помилуй ны, праведный Судіи". Ядяше же я червь неусыпаяй, скрежетъ зубомъ. И видѣвше Пресвятую ангели стрѣгущи возопиша вси единѣми усты глаголюще: „Святъ Святъ Святъ еси Боже и Ты Богородице, благословимъ Тя и Сына Божія, рождьшагося отъ Тебѣ. Яко бо отъ вѣка не видѣхомъ свѣта, и днесь сидимъ свѣтѣ Тебе ради Богородице". И пакы возопиша вси единѣмъ гласомъ глаголюще: „Радуйся, просвѣщеніе вѣчнаго свѣта. Радуйся и ты, архистратиже Михаиле, моляся Владыцѣ за весь міръ. Мы бо видимы грѣшныя мучащаяся и зѣло скорбимъ". И видѣвши Богородица ангелы скорбны унылы грѣшникъ ради, и восплакася Пресвятая. И возопиша вси единѣмъ гласомъ глаголюще: „Добрѣ есте пришли въ тьму сію, да ны видить, како ны есть мука". И помолися Пресвятая съ архангеломъ и слыша плачь грѣшныхъ, и воздвигоша гласъ свой вопіюще и глаголюще: „Господи помилуй ны..."

Уставися буря рѣчная и волны огненыя, и явишася грѣшници яко и зерна горюшична. И видѣвши Пресвятая прослезися и рече: „Что есть рѣка си и волны ея?" И рече къ ней архистратигъ: „си рѣка вся смольна, а волны ея вся огнены. А иже ся мучать, то то суть жидове, иже мучиша Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія, и вси языцы, иже крестишася... и, христіане суще, вѣрують въ демоны и отвергошася Бога и святого крещенія... и отравници, иже ядше уморяютъ человѣки и оружіемъ убивають, иже давятъ дѣти своя, и того ради мучаться

противу дѣломъ своимъ". И рече Святая: „По дѣломъ ихъ буди тако." И пакы паиде на ня бурьная рѣка и огненныя волны и тьма покры я. И рече Михаилъ къ Богородице: „Аще ся кто затворить во тьмѣ сеи, нѣсть памяти о немъ отъ Бога". И рече Богородица: „о лютѣ грѣшникомъ, яко неусыпаемыи есть пламя огня сего".

И рече къ неи архистратигъ:—„Поди, Пресвятая, да ти покажу озеро огнено, да видиши, гдѣ мучатся родъ христьянскій". И видѣ, и услыша плачь и вопль отъ нихъ, онѣхъ не бѣ видѣти—и рече:—„Которіи си суть, что согрѣшеніе ихъ есть?" И рече къ неи Михаилъ:—„Сіи суть, иже крестишася и крестъ словомъ нарицаху, а діаволя дѣла творяще; и погубиша время покаянію, и того ради мучатся тако здѣ". И рече Пресвятая ко архистратигу:—„При единои молитвѣ молются, да вниду и азъ, да ся мучу со крестьяны и понеже нарекошася чада сына моего!" И рече архистратигъ: — „Почиваи въ раи..."

И рече Пресвятая: „Молю ти ся, подвигни воинства 7 небесъ, и вся воинства ангеловъ, да ся помолимъ за грѣшныя. Не бы ли насъ услышалъ Господь Богъ, и помиловалъ ихъ. Живъ Господь Богъ, имя его велико..."—И рече Пресвятая Богородица:—„молимъ ти ся, повели воинству ангельскому, и вознесетъ мя на высоту небесную, и поставите мя прѣде невидимымъ отцемъ". И повелѣ архистратигъ, и предсташа хѣровимъ и серафимъ, и вознесоша Благодатную на высоту небесную, и поставиша ю прѣдъ невидимымъ отцемъ у прѣстола. И возведѣ руцѣ свои къ благодатному сыну своему и рече: „Помилуи, Владыко, грѣшныя. Яко видѣхъ я и не могу терпѣти. Да ся мучу и азъ съ крестьяны". И приде гласъ къ неи глаголя:—„Како хощу тыя помиловати, а вижю гвоздія въ дланѣхъ сыну моему? Да не имамъ како я тѣхъ помиловати". И рече:—„Владыко, не молюся за невѣрныя жиды, но за крестьяны молю твое милосердіе". И приде къ неи гласъ:—„Азъ вижю, яко братія моея не помиловаша. Да нѣсть ми како тѣхъ помиловати".—Рече пакы Пресвятая:—„Помилуи, Владыко, грѣшныя, Господи, тварь руку своею, яко по всеи земли твое имя нарицають, и въ мукахъ, и на всякомъ мѣстѣ, и по всеи земли глаголюще: Пресвятая Госпоже Богородице, помогаи намъ. И егда рождаеться человѣкъ, и глаголетъ: Святая Богородице, помози ми".

Тогда рече къ неи Господь:—„Послушаи, Пресвятая Богородице Владычице, нѣсть того человѣка, иже не молить имени твоего, азъ же не оставляю тѣхъ, то ни на небеси, ни на земли". И рече Пресвятая Богородица: „где есть Моиси пророкъ? Где ли суть вси пророци? И вы, отцы, иже грѣха не твористе николиже, где ли Павелъ возлюбленникъ Божіи, где ли есть Недѣля, похвала крестьянская, где ли есть сила Честнаго Креста, имъ же Адама и Евгу отъ клятвы избавити?"—Тогда Михаилъ Архистратигъ и вси ангели рекоша: „Помилуи, Владыко, грѣшныя".—Тогда Моиси возопи глаголя: „Помилуи, Владыко, яко азъ законъ твои дахъ имъ;"—тогда Іоаннъ возопи глаголя:—„азъ евангеліе твое проповѣдахъ имъ"; и тогда и Павелъ возопи глаголя:—„Помилуи, Владыко, како азъ епистолія твоя принесохъ церквамъ..."

И видѣвши Пресвятая, яко вси не успѣша ничесоже, и Господь святыхъ не послуша, но удаляетъ милость свою отъ грѣшникъ. И рече Пресвятая: „где архистратигъ Гавріилъ, иже возвѣсти мнѣ: радуися... Где суть служители престолу, где есть Іоанъ Богословецъ; почто не явитеся съ нами на мольбу Владыцѣ за крестьяныя грѣшникы. Не видите ли мене плачющюся за грѣшныя...—Пріидѣте вси ангели и сущіи на небесѣхъ: пріидите вси праведніи, яже Господь оправди, и вамо дано есть

молитися за грѣшныя?... Пріиди ты, Михаиле,—ты еси первый безплотнымъ и до престола Божія,—повели всѣмъ, да припадемъ предъ невидимымъ Отцемъ и не подвижемъ себе, дондеже послушаетъ насъ Богъ и помилуетъ грѣшныя". Тогда падеся Михаилъ ницъ лицемъ своимъ предъ престоломъ, и вся лики небесныя и всѣ чини безплотныхъ. И видѣ Владыко молбу Святыхъ, умилосердися Сына ради своего единороднаго и рече: „Сниди, Сынъ мой возлюбленный, виждь молбу Святыхъ, и яви лице свое на грѣшники".

И сшедъ Господь отъ невидимаго престола и увидѣша во тмѣ сущіи, и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще:—„Помилуй ны, Сыне Божій, помилуй ны, царю всѣхъ вѣкъ!" И рече Владыко: — „Слышите вси! рай насадихъ и человѣка создахъ по образцу своему и поставихъ и́ господина раеви и животъ вѣчный дахъ имъ, они же ослуху створиша и въ своемъ хотѣніи согрѣшиша и предашась смерти; азъ же не быхъ хотѣлъ обозрити дѣла руку своею мучима отъ діавола, снидохъ на землю и воплотихся въ дѣвицу и вознесохся на крестъ, да свобожу ся отъ работы и отъ первыя клятвы: воды испросихъ и даша ми желчи со ицетомъ смѣшено; руцѣ мои создаста человѣка,—и во гробъ вложиша мя, да и въ адъ снидохъ и врага своего попрахъ, избраны своя воскресихъ, Іорданъ благословихъ, да вы прощу отъ первыя клятвы,—и вы небрегосте покаятися грѣховъ своихъ, но крестьяне ся творяще словомъ точію, а заповѣдей моихъ не соблюдосте; да того ради обрѣтостеся во огни негасимомъ, да не имамъ васъ помиловати. Нынѣ же за милосердіе отца моего, яко посла мя къ вамъ, и за молитвы матери моея, яко плакася много за васъ, и за Михаила архистратига завѣту и за множество мученикъ моихъ, яко много трудишася за васъ—и се даю вамъ день и нощь отъ великаго четверга до святого пянтикостія, имѣете вы покои и прославите Отца и Сына и Святаго Духа". И отвѣщаша вси:—„Слава милосердію твоему!"

(Н. Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы).

---

40. Застава богатырская.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алеша Поповскій сынъ,
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздыщѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ поръ кравчимъ жилъ;
Алеша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли охотой, за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъископоть великую,
Ископоть велика—полъ печи.
Училъ онъ ископоть досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
„Изъ этой земли изъ Жидовскія
„Проѣхалъ Жидовинъ могучь богатырь,
„На эти степи Цицарскія!"
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!

„Мы что на заставушкѣ устояли?
„Мы что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!“
Собиралисъ они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили:
„У Васьки полы долгія;
„По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
„На бою—на дракѣ заплетется;
„Погинетъ Васька понапрасному“.
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки удумали;
„Гришка рода боярскаго:
„Боярскіе роды хвастливые;
„На бою-дракѣ призахвастается;
„Погинетъ Гришка по напрасному“.
Положились на Алешу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика на чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили...
„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
„Много злата, серебра,—
„Злату Алеша позавидуетъ;
„Погинетъ Алеша по напрасному“.
Положили на Добрыню Никитича;
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
Сѣдлалъ въ сѣделышко Черкаское.
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братію наборную?“
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмолится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:—
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика!“
Подъ Добрыней конь посправился,—
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
„Какъ выѣхалъ на гору Сорочинскую,
„Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
„Увидѣлъ на полѣ чернизину,
„Поѣхалъ прямо на чернизину,
„Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,—
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?

„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
„На всю нашу братію на приборную?“
„Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ
голосъ,
„Поворачивалъ нахвальщина добра
коня,
„Попущалъ на меня добра молодца:
„Сыра мать-земля всколебалася,
„Изъ озеръ вода выливалася,
„Подо мной конь на колѣнца палъ.
„Тутъ я Господу Богу возмолился:
„Унеси меня, Господи, отъ нахваль-
щика!“
„Подо мной тутъ конь посправился,
„Уѣхалъ я отъ нахвальщика
„И пріѣхалъ сюда, на заставу бога-
тырскую“.
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Больше не кѣмь замѣнитися:
„Видно ѣхать атаману самому!“...

(Пѣсни, собранныя П. Кирѣевскимъ I).

---

41. Илья Муромецъ и Калинъ царь.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князѣ Владимірѣ,
Наѣзжалъ собака-воръ Калинъ царь
Съ сорока царями—царевичмы,
Съ сорока королямы—королевичмы.
У всѣхъ было силы набрано,
У всѣхъ было силы заправлено:
У всѣхъ было силы по сороку тыся-
чей,
У самого собаки царя Калина смѣты
нѣтъ.
И ходитъ собака-воръ Калинъ царь
По той по силы по поганыя:
„А и же вы, слуги мои вѣрные!
„Кто знаетъ баять по-русскому,
„Толмачить по-татарскому;
„Кто бы сходилъ во Кіевъ-градъ,
„Снесъ письмо ко князю Владиміру,
„Чтобы отдалъ стольный Кіевъ-градъ
„Безъ бою, безъ драки великія,
„Безъ большого кроволитія?“
И сыскался татаринъ поганый:
Знаетъ баять по-русскому
И толмачить по татарскому,
И беретъ письмо у собаки царя Ка-
лина.
И садился татаринъ на добра коня,
И поѣзжаетъ во Кіевъ градъ,
И пріѣзжаетъ ко князю Владиміру;
Заѣзжалъ на широкій дворъ,
И становилъ коня середи двора,
Идетъ въ палаты бѣлокаменны;
И не крестится татаринъ, не кла-
няется,
Не бьетъ челомъ на четыре стороны,
И князю Владиміру не поклоняется,
А бросилъ письмо на дубовый столъ:
„Разсматривай, Владиміръ князь пи-
семочко,
„Отъ нашего собаки царя Калина“.
И разсматривалъ Владиміръ князь пи-
семочко,
И въ письмѣ писано:
„Отдалъ бы Владиміръ князь Кіевъ
градъ,
„Кіевъ градъ безъ бою, безъ драки
великія
„Безъ большого кроволитія“.
И назадъ Владиміръ князь отписы-
валъ:
„А и же, собака-воръ Калинъ царь!
„Дай мнѣ сроку на три году,
„И на три мѣсяца, и на три дни, и
на три часа:
„Накурить то бы намъ зелена вина
„И наварить бы намъ пива пьянаго,
„И было бы срѣтить чѣмъ царя Ка-
лина“.—
И уѣзжаетъ татаринъ вонъ изъ Кіева.
И слезно Владиміръ князь расплакался:
„Раздразнилъ какъ я сильныхъ могу-
чихъ богатырей,
„Всѣ богатыри разъѣхались.
„Какъ бы былъ старый казакъ Илья
Муромецъ,
„И тотъ бы постарался
„Ради дому пресвятыя Богородицы,
„И ради матушки Свято-Русь земли,
„И ради церквей соборныхъ.

„И посадилъ я Илью въ погреба во глубокіе,
„И заморилъ я смертію голодною“.
И у князя у Владиміра
Выходила дочь княженецкая,
Красная дѣвица во семнадцать лѣтъ,
И сама говоритъ таково слово:
„Можетъ, живъ старый казакъ Илья Муромецъ,
„Бываетъ, съѣздитъ во Кіевъ градъ да постарается“.
Говоритъ Владиміръ князь стольно-кіевскій:
„А и же ты, дочь моя одинакая!
„Гдѣ живому быть Илью Муромцу?
„Сидитъ въ погребахъ онъ три году“.
И знали дѣвицы про Илью Муромца,
И въ каждый день носили ѣствы сахарныя.
„И однако сходимъ-ко, батюшка,
„Во погреба во глубокіе“.
И беретъ Владиміръ князь ключи отъ погреба
И отлажаетъ двери погребны,
И заходитъ Владиміръ князь во погреба глубокіе,
И сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Сидитъ-то за дубовымъ столомъ
И читаетъ книгу онъ евангелію.
Упадалъ Владиміръ князь Ильѣ во праву ногу:
„А и же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
„Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,
„И ради матушки Свято-Русь земли,
„И ради церквей соборныихъ“.
И будто Илья Муромецъ не вѣдаетъ:
„А что, Владиміръ князь надъ Русью сдѣлалось?“...

— —

И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Я поѣду царя Калина упрашивать“.
И садится старый казакъ Илья Муромецъ
На маленькаго сивушка-бурушка косматаго,
Облатился и обколчужился.
И провожаетъ его Владиміръ князь стольно-кіевскій
Со всѣмъ да со усердіемъ.
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
„А и же ты, Владиміръ князь стольно-кіевскій!
„Заложи-ко ты ворота крѣпко-на-крѣпко,
„Туго-на-туго, во стѣны городовыя
„И прикажи засыпать песками рудожелтыма“.
И будетъ Илья Муромецъ на горахъ Сорочинскіихъ,
Привязываетъ бурушку косматаго къ сыру дубу,
И пошелъ на луга на зеленые къ собакѣ къ вору Калину,
И даваетъ ему даровья великія:
„А и же ты, собака воръ Калинъ царь!
„Прими у насъ даровья великія
„И дай намъ сроку на три года изъ Кіева выбраться“.
И закричалъ собака воръ Калинъ зычнымъ голосомъ:
„А и же ты, старая собака, сѣдатый песъ!
„Не дамъ тебѣ сроку на три года,
„И не дамъ тебѣ сроку на полтора года,
„И не дамъ тебѣ сроку на три мѣсяца,
„Только дамъ тебѣ сроку на три дня,
„На три дня и на три часа“...—

(Пѣсни, записанныя П. Рыбниковымъ, т. III).

42. Соловей Будиміровичь.

Высота ли—высота поднебесная;
Глубота—глубота Океанъ море;
Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскіе.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того де, царя вѣдь заморскаго,

Выбѣгали — выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменю—по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому,
И Якутскому вѣдь, Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя:
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколѣ караблѣ
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.

На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ;
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ:
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь.
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости-корабельщики,
„И всѣ цѣловальники любимые!
„Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
„У ласкова князя Владиміра,
„Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
„Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости-корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
„Ты славной, богатый гость,
„Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь!
„Есть, сударь, у васъ золота казна:
„Сорокъ сороковъ черныхъ соболей;
„Вторыхъ сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
„Есть, сударь, дорога камка,
„Что не дорога камочка,—узоръ хитеръ:
„Хитрости были Царяграда,
„А и мудрости Іерусалима,
„Замыслы Соловья Будиміровича;
„На златѣ на серебрѣ — не погнѣваться.“

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили,
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну,—
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Второе сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру.
Идетъ во гридню во свѣтлую,—
Какъ бы на пяту двери отворялися,—
Идетъ во гридню купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичь,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка,—узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того...

(Пѣсни, собр. П. Кирѣевскимъ I).

---

43. П. Рыбниковъ. Запись былинъ. (Въ Олонецкой губ., въ 1860 г.).

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первой части (моей книги) до меня стали доходить отъ многихъ любителей народной поэзіи настоятельныя просьбы объяснить, какъ и отъ кого записывалъ я былины, что за люди современные пѣвцы, въ какой степени былевая поэзія сохранилась у народа въ Олонецкой губерніи и какъ передается отъ одного поколѣнія къ другому... Теперь я болѣе прежняго освоился съ предметомъ, ближе познакомился съ пѣвцами, и, что могъ узнать о нихъ и ихъ жизни, передаю читателямъ. Чтобы наглядно представить, какъ я собиралъ и записывалъ былины, разскажу со всей подробностью о знакомствѣ моемъ съ первыми сказителями, съ которыми я столкнулся...—

Въ свѣжее майское утро отправился я на общественную пристань въ Петрозаводскѣ и сталъ пріискивать лодку для переѣзда на Пудожскій берегъ. Хотя ледъ еще не вполнѣ потонулъ на озерѣ, однако у пристани виднѣлось уже много соймъ и лодокъ. На нихъ пріѣхали Заонежане, Повѣнчане и крестьяне съ Пудожскаго побережья. Эти безстрашные мореходы, какъ только дождутся того, что ледъ на озерѣ поломается, тотчасъ же отправляются къ Петрозаводску за мукою, а съ собою привозятъ мясо, масло, яйца, рыбу и другіе припасы. Гребцы у нихъ не наемные: и на поѣздѣ, и на возвратномъ пути, хозяева берутъ въ гребцы родныхъ и знакомыхъ сосѣдей, которые за свою работу переѣзжаютъ даромъ до города или до дому.

На этотъ разъ изъ Пудожскаго побережья была только одна сойма. Устроена она была не совсѣмъ-то ладно; вмѣсто палубы на ней былъ навѣсъ изъ плохо сколоченныхъ досокъ, помѣщеніе подъ навѣсомъ было сырое и грязное, паруса сшиты изъ лохмотьевъ, руль налаженъ коекакъ, весла самодѣльныя. Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, перемѣны вѣтра совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество „лудъ“ (мелей) и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы, Иванъ изъ „Пестьянъ“ (Песчанской волости), понравился мнѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевезти меня въ Пудожгорскій приходъ. Плату за провозъ онъ выпросилъ самую ничтожную, 3 р. сер., да и та предназначалась имъ для гребцовъ.

Долго-долго дожидался я „повѣтери“: нѣсколько дней, какъ нарочно, дулъ стокъ, зимнякъ и меженецъ, а намъ нуженъ былъ шелоникъ, западъ или полденъ. На четвертый день вѣтеръ стихъ, и лодочники рѣшились пуститься въ путь на греблѣ, а ихъ было трое мужчинъ и одна женщина. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ баженымъ (милымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся „стрѣтный“ вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй-наволоку, пустынному, болотистому и лѣсистому острову въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска.

На островѣ стоитъ законченая „фатера“, домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и „фатера“ народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была черезчуръ смрадна и грязна и, хоть было холодно, но не похотѣлось мнѣ взойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около топящаго костра, заварилъ себѣ чаю въ

кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ; меня разбудили странные звуки: до того я много слыхалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхивалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльныя слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидитъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатый старикъ съ окладистою бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ, у потухавшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою.

Кончилъ пѣвецъ, и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Середки, Кижской волости, пообѣщалъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца, и про Михаила Потыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варіанты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Потому я напечаталъ впослѣдствіи только тѣ изъ его былинъ, которыя дополняли своими подробностями другіе варіанты или представляли совершенно новое содержаніе. Впрочемъ на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впослѣдствіи слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варіанты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтья на Шуй-наволокѣ...

Черезъ порогъ избы переступилъ старикъ средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ небольшой сѣдеющей бородой и желтыми волосами. Въ его суровомъ взглядѣ, осанкѣ, поклонѣ, поступи, во всей его наружности, съ перваго взгляда были замѣтны спокойная сила и сдержанность. „Вотъ и Трофимъ Григорьевичъ [1]) пришелъ“, сказалъ мнѣ Леонтій.

Послѣ обычнаго обряда знакомства, я разсказалъ Рябинину про любовь свою къ стариннымъ пѣснямъ и сталъ убѣдительно просить его спѣть о какомъ-нибудь богатырѣ. „Негоже нонь сказывать мірскія пѣсни, отвѣчалъ онъ, нонѣ постъ: набъ стихи пѣть“. Тутъ, какъ сумѣлъ, я объяснилъ ему, что если не грѣхъ пѣть стихи, такъ не грѣхъ и былины сказывать. „Въ стихахъ, Т. Г., говорилъ я, поютъ въ назиданіе слушающимъ, о святыхъ людяхъ; да вѣдь и въ былинахъ сказываютъ о вѣковѣчной старинѣ, о древнихъ князьяхъ и свято-русскихъ богатыряхъ. Самъ ты знаешь, что въ былинахъ на концѣ припѣвается: „Синему морю на тишину, а всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье“.

Или Рябинина убѣдили мои доводы, или ему самому захотѣлось развернуть свое умѣнье предъ внимательнымъ и свѣдущимъ слушателемъ, только онъ тутъ же сталъ мнѣ сказывать о Хотенѣ Блудовичѣ. Онъ выговаривалъ былину пословечно, я за-

[1]) Рябининъ.

писывалъ начерно; а когда онъ кончилъ, я попросилъ его спѣть и по пѣтому поправилъ свою запись. Напѣвъ былины былъ довольно однообразенъ, голосъ у Рябинина, по милости шести съ половиной десятковъ лѣтъ, не очень звонокъ: но удивительное умѣнье сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху. Не разъ приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался въ теченіе разсказа, затѣмъ просилъ Рябинина повторить пропѣтое и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И гдѣ Рябининъ научился такой мастерской дикціи: каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе!

Въ тотъ же вечеръ Рябининъ пропѣлъ мнѣ о Иванушкѣ Годиновичѣ, бояринѣ Ставрѣ, Садкѣ и Михайлѣ Потыкѣ. Въ слѣдующіе дни онъ приходилъ ко мнѣ по вечерамъ безъ зова и самъ вызывался разсказать что-нибудь новое. Обыкновенно я называлъ ему богатырскія имена, какія зналъ, иногда разсказывалъ вкратцѣ подвиги богатыря: а Рябининъ тутъ же припоминалъ былину, или же предлагалъ вмѣсто нея спѣть другую: „Этой я не знаю, а вотъ спою тебѣ про Вольгу Святославича". Бывало и такъ, что онъ по долгу отказывался завести иную былину, потому де, что всея не помнилъ. Напр., изъ старины о Садкѣ и одного варіанта о Потыкѣ онъ зналъ только начало.

По хозяйству, Рябининъ „полномочный крестьянинъ": у него хорошій участокъ земли; но главный его промыселъ—рыболовство, доходами отъ котораго онъ уплачиваетъ подати и кормитъ большую семью, которой на годъ недостало бы своего хлѣба при скудныхъ сѣверныхъ урожаяхъ. Учителей Рябинина было нѣсколько: инымъ былинамъ онъ научился отъ великаго казителя, дяди своего Игнатія Иванова Андреева, другимъ отъ какого-то Петербургскаго трактирщика Кокотина. Этотъ Кокотинъ, большой охотникъ до былевой поэзіи, читывалъ ему многія былины изъ рукописной тетрадки. Въ ней, напр., было записано, какъ Добрынюшкѣ покрутъ [1]) понадобился для князя Владимира и какъ этотъ богатырь ѣздилъ въ чужія земли за дорогими шелковыми матеріями. Отъ того же Кокотина Т. Г. слышалъ о Гальякѣ невѣрномъ, Ѳедорѣ Ивановѣ и сынѣ Владиміровомъ. Ино главный наставникъ Рябинина былъ Илья Елустафьевъ, память о которомъ и теперь сохранилась въ Кижской волости. Былъ онъ первый сказитель въ цѣломъ Заонежьѣ и во всей Олонецкой губерніи. Зналъ онъ несчетное множество былинъ и могъ пѣть про разныхъ богатырей цѣлые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка,—мужики и говорятъ: „А ну, Илья Елустаѳьевичъ! спой-ко намъ былину". А онъ на мѣсто отвѣтитъ: „Положи тко полтину, я и спою былину". Тутъ-кто-нибудь изъ богатыхъ выложитъ ему полтину, и станетъ Илья Елустаѳьевичъ сказывать...— Занимался онъ, подобно Т. Г., рыболовствомъ и знаніе свое оставилъ, кромѣ Рябинина, Кузьмѣ Романову и сыну своему Іеву. Отъ этого Іева Ильина нѣсколько былинъ перешли въ наслѣдство внуку Ильи Терентію Іевлеву.

Рябининъ въ молодости хаживалъ для рыбнаго промысла на Ладожское озеро и привыкъ тамъ видѣть уваженіе и удивленіе къ своему знанію былевой поэзіи. Въ праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались съ разныхъ судовъ въ одинъ кругъ слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, такъ кто-нибудь изъ слушателей бралъ на себя исполнять его дѣло на соймѣ, а Т. Г. тѣмъ временемъ пѣлъ и сказывалъ былины безъ умолку. „Если-бъ

---

[1]) Нарядъ.

ты къ намъ пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ, говаривали рыболовы, мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы тебя все бы слушали". У себя дома Рябининъ не встрѣтилъ уже такого вниманія, потому что въ Кижской волости Заонежья почти каждый смышленый старикъ знаетъ, или по крайней мѣрѣ, по содержанію помнитъ одну—двѣ старины; сверхъ того и теперь еще живы другіе ученики Ильи Елустаѳьева и иныхъ знаменитыхъ сказителей. Отъ того Т. Г., при своемъ гордомъ и неподатливомъ характерѣ, замкнулся подъ старость въ самого себя и поетъ больше про свое семейство. Изъ дѣтей его лучше всѣхъ выучился у него пѣть младшій сынъ, Иванъ.

Вѣроятно изъ той же гордости, Рябининъ не сразу поддался на приглашенія Леонтія сказывать передъ пріѣзжимъ, и впослѣдствіи, не смотря на мои усиленныя просьбы, не согласился ничего взять съ меня за науку. Когда я на разставаньи подарилъ его большухѣ платокъ, то онъ сейчасъ же отдарилъ меня шитымъ полотенцемъ и счелъ нужнымъ объяснить, какъ пріемъ подарка, такъ и свое отдаренье: „Когда пріятели разстаются надолго, то у насъ въ обычаѣ дарить другъ другу на память даровья".

На третій или четвертый день пріѣзда своего въ Кижи, я съѣздилъ съ Леонтьемъ Богдановымъ въ Лонгасы и отыскалъ Козьму Иванова Романова. Жилъ онъ со старой работницей въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Съ перваго взгляда въ немъ бросалась въ глаза мягкость характера и дряхлость. Бѣлый какъ лунь, слѣпой, робкій, онъ говоритъ дрожащимъ отъ старости голосомъ и привѣтливымъ тономъ, употребляя самыя ласковыя выраженія. Знакомство наше съ нимъ установилось безъ всякаго труда: когда я передалъ ему, какъ много былинъ я перенялъ отъ Рябинина, и предложилъ ему тоже разсказать мнѣ что-нибудь, онъ охотно сталъ пѣть былину за былиною; началъ онъ въ своей избѣ, а кончилъ въ домѣ волостнаго писаря, куда отправился ночевать.

Козьма Ивановъ будетъ девяноста лѣтъ и трелѣтній сталъ теменъ глазами. Старикъ онъ добраго нрава, изрѣдка только капризничаетъ, какъ малое дитя: лѣта свои онъ немного утаиваетъ и по разговорамъ его не прочь даже отъ женитьбы: ему де всего шестьдесятъ годковъ. При этомъ онъ добродушно признается, что онъ гораздо старше Рябинина; а Рябинину явныхъ за шестьдесятъ лѣтъ. Козьма Ивановичъ содержитъ себя доходами съ своего участка и ежегоднымъ подаяніемъ изъ Думы въ шесть руб. сер. Участокъ у него нанимаютъ и даютъ ему въ годъ двадцать пудовъ ржаной муки, пудъ соли, пудъ крупы и три воза сѣна. Козьма Ивановъ даже держитъ для себя корову, за которой ходитъ старая работница. Къ деньгамъ онъ чувствуетъ маленькую слабость и всячески старается скрыть, что у него есть кое-какая сбереженная копейка на черный день. При мнѣ, на моихъ глазахъ, ему въ собственныя его руки давали по четыре, по пяти руб. сер.; а онъ, въ слѣдующій пріѣздъ увѣрялъ меня же, что ему „былъ даденъ въ тѣ поры одинъ только рубликъ".

Пѣть научился Романовъ отъ рыболова Ѳедора Яковлевича и Ильи Елустаѳьевича: отъ послѣдняго онъ перенялъ Вольгу, Горе сѣрое, Хотена, Дуная, Упаву добра молодца и Добрынюшку. Въ старину, по разсказамъ его, соберутся бывало старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустаѳьевичъ, станутъ пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи. Тутъ и Романовъ повыучился старинамъ.

Къ Рябинину Козьма Ивановъ явно ревнуетъ и дивится, гдѣ это и когда

это соперникъ его научился столькимъ былинамъ. „Въ прежнее-то время онъ-де зналъ самую малость и хаживалъ даже къ нему, Романову, послушать былинокъ. А нонь люди, поди, толкуютъ, Рябининъ молъ сталъ первымъ сказителемъ“. Старикъ совсѣмъ забылъ, что Илья Елустаѳьевичъ пѣлъ не про него одного, а про всѣхъ, про цѣлое Заонежье.

(Пѣсни, собр. П. Н. Рыбниковымъ, ч. III).

---

44. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова.

I. Вступленіе.

Не лѣпо-ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ [1]) повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣсь пояше старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

[1]) = печальныхъ.

2. Начало похода.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! луцежъ [1]) бы потяту [2]) быти, неже полонену быти. А всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону.“ Спала князю умь похоти [3]), и жалость ему знаменіе заступи искусити [4]) Дону великаго. „Хоцу бо, рече, копіе приломити конець поля половецкаго; съ вами, Русици, хоцу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.“

О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ [5]), скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы [6]) оба полы сего времени. Рища въ тропу Бояню, чресъ поля на горы, пѣти было пѣсь Игореви того внуку: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому.“ Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче: „Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ...“

Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ: Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя. Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети [7]): подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени; пути имъ вѣдоми, яругы [8]) имъ знаеми; луци у

[1]) = лучше.
[2]) = убитымъ.
[3]) = пала князю на умъ горячая удаль.
[4]) = жажда отвѣдать Дона великаго—заслонила ему знаменіе.
[5]) = воспѣлъ.
[6]) = въ славѣ.
[7]) = опытные витязи.
[8]) = овраги.

ниxъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы."

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше. Нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди. Свистъ звѣриі въ стаи зби. Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутораканьскый блъванъ! А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци — лебеди роспужени. Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубію [1]), влъци грозу въсрожать по яругамъ [2]); орли клектомъ на кости звѣри зовуть; лисици брешуть на чръленыя щиты. О руская земле! уже за шеломянемъ еси...

3. О погибели Русской земли отъ усобицъ.

...Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука: въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть [3]), нъ часто врани граяхуть [4]), трупіа себѣ дѣляче а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе [5]). То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано...

Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла! Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Бояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмь море у Дону; плещучи, убуди жирня времена [1]). Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же". И начяша князи про малое „се великое" млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! Далече зайде соколъ, птиць бья,—къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна и Жля [2]) поскочи по Руской земли, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ [3]). Жены рускія въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати" [4]). А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разліяся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Руской. А князи сами на себе крамолу коваху, а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора...

4. Призывъ къ князьямъ.

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти [5]) издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага [6]) по ногатѣ, а кощей [7]) по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы [8]) стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы...

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ

---

1) = гонитъ птицъ по дубамъ.

2) = навѣваютъ по оврагамъ.

3) = перекликались.

4) = каркали.

5) = на поживу.

---

1) = плескаясь пробудила тяжелыя времена.

2) = вопленица и жальница по мертвымъ.

3) = погребальный пепелъ мыкая въ пламенномъ рогѣ.

4) = потрогать.

5) = И мыслію тебѣ не прилетѣть.

6) = рабыня.

7) = кочевникъ.

8) = какое-то метательное орудіе.

королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены [5]) чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю рускую, за раны Игоревы, буего [2]) Святславлича...

5. Плачъ Ярославны.

Копіа поютъ на Дунаи. Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычетъ: [3]) „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ!“—Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ [4]), аркучи: „О вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши! Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною [5]) крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ. Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“ Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: „О Днепре словутицю, ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую! Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ [6]) не слала къ нему слезъ на море рано“. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои! Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче“... [7])

[1]) = тяжести.
[2]) = буйнаго.
[3]) = кукушкою безприветною рано кукуетъ.
[4]) = на оградѣ.
[5]) = легкія.
[6]) = что-бъ.
[7]) = истомой имъ колчаны заткнуло.

6. Конецъ похода.

Рекъ Боянъ исходы на Святъславля, пѣстворецъ стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя [1]): „Хоть и тяжко-ти, головы, кромѣ плечю, зло ти, тѣлу, кромѣ головы!“ Руской земли безъ Игоря, Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ руской земли. Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели...

(Слово о полку Игоревѣ, подъ ред. и съ примѣч. С. Шамбинаго).

---

45. Іоаннъ де Плано Карпини. [2])

История монгаловъ

(около 1246 г.).

1. О хорошихъ нравахъ татаръ.

Вышеупомянутые люди, то есть татары, болѣе повинуются своимъ владыкамъ, чѣмъ какіе бы то ни было люди, живущіе въ семъ мірѣ или духовные, или свѣтскіе, болѣе всѣхъ уважаютъ ихъ и не легко лгутъ предъ ними. Словопренія между ними бываютъ рѣдко или никогда, драки же никогда; войнъ, ссоръ, ранъ, человѣкоубійства между ними не бываетъ никогда. Тамъ не обрѣтается также разбойниковъ и воровъ важныхъ предме-

[1]) = княжее.
[2]) Іоаннъ де Плано - Карпини — монахъ францисканецъ, посланный римскимъ папой Иннокентіемъ IV къ татарамъ, въ качествѣ миссіонера, въ 1246 г. Это посольство было плодомъ церковнаго собора, засѣдавшаго въ Ліонѣ въ 1245 г., когда рѣшено было попытаться обратить монголовъ въ христіанство, и тѣмъ положить конецъ грозившей всей Европѣ отъ нихъ опасности. Плано Карпини ѣздилъ къ татарамъ, видѣлъ восшествіе на престолъ хана Куйюка, побывалъ и у Батыя, но главная цѣль посольства—обращеніе татаръ въ христіанство—достигнута не была.

товъ; отсюда ихъ ставки и повозки, гдѣ они хранятъ свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-нибудь скотъ, то всякій, кто найдетъ его, или просто отпускаетъ его или ведетъ къ тѣмъ людямъ, которые для того приставлены; люди же, которымъ принадлежитъ этотъ скотъ, отыскиваютъ его у вышеупомянутыхъ лицъ и безъ всякаго труда получаютъ его обратно. Одинъ достаточно чтитъ другого, и всѣ они достаточно дружны между собой; и хотя у нихъ мало пищи, однако они вполнѣ охотно дѣлятся ею между собою.

И они также довольно выносливы; поэтому, голодая одинъ день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражаютъ какого нибудь нетерпѣнія, но поютъ и играютъ, какъ будто хорошо поѣли. Во время верховой ѣзды они сносятъ великую стужу, иногда также терпятъ и чрезмѣрный зной. И это люди не изнѣженные.

Взаимной зависти, кажется, у нихъ нѣтъ; среди нихъ нѣтъ почти никакихъ тяжебныхъ ссоръ; никто не презираетъ другого, но помогаетъ и поддерживаетъ, насколько можетъ по средствамъ. Женщины ихъ целомудренны, и о безстыдствѣ ихъ ничего среди нихъ не слышно; однако нѣкоторыя изъ въ шутку произносятъ достаточно позорныхъ и безстыдныхъ словъ. Раздоры между ними возникаютъ или рѣдко, или никогда, и хотя они доходятъ до сильнаго опьяненія, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступаютъ въ словопренія или драки.

2. О дурныхъ нравахъ ихъ.

Описавъ ихъ хорошіе нравы, слѣдуетъ изложить теперь о дурныхъ.

Они весьма горды по сравненію съ другими людьми и всѣхъ презираютъ, мало того, считаютъ ихъ, такъ сказать, ни за что, будь ли то знатные или незнатные. Именно мы видѣли при дворѣ Императора, какъ знатный мужъ Ярославъ, великій князь Руссіи [1]), а также сынъ царя и царицы Грузинской, и много великихъ султановъ, а также князь Солянговъ не получали среди нихъ никакого должнаго почета, но приставленные къ нимъ татары, какого бы то низкаго званія они ни были, шли впереди ихъ и занимали всегда первое и главное мѣсто, а наоборотъ часто тѣмъ надлежало сидѣть сзади зада ихъ. По сравненію съ другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительнаго нрава. И также они гораздо болѣе лживы, чѣмъ другіе люди, и въ нихъ не обрѣтается никакой почти правды; въ началѣ, правда, они льстивы, а подъ конецъ жалятъ, какъ скорпіонъ. Они коварны и обманщики и, если могутъ, обходятъ всѣхъ хитростью. Это—грязные люди, когда они принимаютъ пищу и питье, и въ другихъ дѣлахъ своихъ. Все зло, какое они хотятъ сдѣлать другимъ людямъ, они удивительнымъ образомъ скрываютъ, чтобы тѣ не могли позаботиться о себѣ или найти средство противъ ихъ хитростей. Пьянство у нихъ считается почетнымъ, и, когда кто много выпьетъ, тамъ же извергаетъ обратно, но изъ за этого не оставляетъ выпить вторично. Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что нибудь, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма крѣпко удерживаютъ все свое и очень скупые дарители. Убійство другихъ людей считается у нихъ ни за что. И, говоря кратко, всѣ дурные нравы ихъ по своей пространности не могутъ быть изображены въ описаніи.

3. Объ ихъ законахъ и обычаяхъ.

Мущины ничего вовсе не дѣлаютъ, за исключеніемъ стрѣлъ, а также имѣютъ отчасти попеченіе о стадахъ; но

---

[1] Князь Новгородскій, отецъ Александра Невскаго.

они охотятся и упражняются въ стрѣльбѣ, ибо всѣ они отъ мала до велика суть хорошіе стрѣлки, и дѣти ихъ, когда имъ два или три года отъ роду, сряду же начинаютъ ѣздить верхомъ и управлять лошадьми и скачутъ на нихъ, и имъ дается лукъ сообразно ихъ возрасту, и они учатся пускать стрѣлы, ибо они очень ловки, а также смѣлы.

Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ и ловко скачутъ на коняхъ, какъ мущины. Мы также видѣли, какъ онѣ носили колчаны и луки. И какъ мущины, такъ и женщины могутъ ѣздить верхомъ долго и упорно. Стремена у нихъ очень короткія; лошадей они очень берегутъ, мало того,—они усиленно охраняютъ все имущество. Жены ихъ все дѣлаютъ: полушубки, платья, башмаки, сапоги и всѣ издѣлія изъ кожи, также онѣ правятъ повозками и чинятъ ихъ, вьючатъ верблюдовъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ очень проворны и скоры. Всѣ женщины носятъ штаны, а нѣкоторые и стрѣляютъ, какъ мущины.

4. О разореніи Русской земли Батыемъ.

Совершивъ это (другія завоеванія), татары вступили затѣмъ въ землю Турковъ, которые суть язычники; побѣдивъ ее, они пошли противъ Руссіи и произвели великое избіеніе въ землѣ Руссіи, разрушили города и крѣпости, и убили людей, осадили Кіевъ, который былъ столицей Руссіи, и послѣ долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ѣхали черезъ ихъ землю, мы находили безчисленныя головы и кости мертвыхъ людей, лежавшія на полѣ; ибо этотъ городъ былъ весьма большой и очень многолюдный, а теперь онъ сведенъ почти ни на что; едва существуетъ тамъ двѣсти домовъ, а людей тѣхъ держатъ они въ самомъ тяжеломъ рабствѣ. Подвигаясь отсюда, они сраженіями опустошили всю Руссію...

5. Какъ они заключаютъ миръ съ людьми.

Надо знать, что они не заключаютъ мира ни съ какими людьми, если тѣ имъ не подчинятся, потому что, какъ сказано выше, они имѣютъ приказъ отъ Хингисъ-кана, чтобы, если можно, подчинить себѣ всѣ народы. И вотъ чего Татары требуеютъ отъ нихъ: чтобы они шли съ ними въ войскѣ противъ всякаго человѣка, когда имъ угодно, и чтобы они давали имъ десятую часть отъ всего, какъ отъ людей, такъ и отъ имущества. Именно они отсчитываютъ десять отроковъ и берутъ одного, и точно также поступаютъ и съ дѣвушками; они отвозятъ ихъ въ свою страну и держатъ въ качествѣ рабовъ. Остальныхъ они считаютъ и распредѣляютъ согласно своему обычаю. А когда они получатъ полную власть надъ ними, то, если что и обѣщали имъ, не исполняютъ ничего, но пытаются повредить имъ всевозможными способами, какіе только соотвѣтственно могутъ найти противъ нихъ. Напримѣръ, въ бытность нашу въ Руссіи, былъ присланъ туда одинъ Саррацинъ, какъ говорили, изъ партіи Куйюкъ-кана и Батыя. И этотъ намѣстникъ у всякаго человѣка, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, какъ намъ говорили впослѣдствіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уводилъ всѣхъ мущинъ, не имѣвшихъ женъ, и точно также поступалъ съ женщинами, не имѣвшими законныхъ мужей, а равнымъ образомъ выселялъ онъ и бѣдныхъ, которые снискивали себѣ пропитаніе нищенствомъ. Остальныхъ же, согласно своему обычаю, пересчиталъ, приказывая, чтобы каждый, какъ малый, такъ и большой, даже однодневный младенецъ, или бѣдный, или богатый, платилъ такую дань, именно, чтобы онъ давалъ одну шкуру

бѣлаго медвѣдя, одного чернаго бобра, одного чернаго соболя, одного хорька, и одну черную лисью шкуру. И всякій, кто не дастъ этого, долженъ быть отведенъ къ Татарамъ и обращенъ въ ихъ раба.

Они посылаютъ также за государями земель, чтобы тѣ являлись къ нимъ безъ замедленія; а когда они придутъ туда, то не получаютъ никакого должнаго почета, а считаются наряду съ другими презрѣнными личностями, и имъ надлежитъ подносить великіе дары какъ вождямъ, такъ и ихъ женамъ, и чиновникамъ, тысячникамъ и сотникамъ; мало того, всѣ вообще, даже и сами рабы, просятъ у нихъ даровъ съ великою надоѣдливостью, и не только у нихъ, а даже и у ихъ пословъ, когда тѣхъ посылаютъ къ нимъ. Для нѣкоторыхъ также они находятъ случай, чтобы ихъ убить, какъ было сдѣлано съ Михаиломъ и съ другими; инымъ же они позволяютъ вернуться, чтобы привлечь другихъ; нѣкоторыхъ они губятъ также напитками или ядомъ.

6. У Батыя.

Когда мы стали добираться до Батыя, то насъ съ удобствомъ помѣстили въ предѣлахъ земли Команов на одну левку [1]) разстоянія отъ его ставокъ. Когда же насъ должны были отвести къ его двору, то намъ было сказано, что мы должны пройти между двухъ огней, чего намъ не хотѣлось дѣлать въ силу нѣкоторыхъ соображеній. Но намъ сказали; „Идите спокойно, такъ какъ мы заставляемъ васъ пройти между двухъ огней не по какой другой причинѣ, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло противъ нашего господина или если случайно приносите ядъ, огонь унесъ все зло“. Мы отвѣтили имъ: „Мы пройдемъ ради того, чтобы не подать на этотъ счетъ повода къ подозрѣнію“. И когда мы добрались до орды, то его управляющій ...спросилъ насъ, чѣмъ мы желаемъ поклониться, то есть какіе дары желаемъ дать ему? Мы отвѣтили ему,... что Господинъ Папа не посылалъ даровъ, а мы желаемъ почтить его, какъ можемъ, изъ того, что по милости Божьей и Господина Папы имѣли на продовольствіе. По врученіи и принятіи подарковъ управляющій Батыя... спросилъ у насъ о причинѣ нашего прибытія. Мы высказали ему тѣ же самыя причины, которыя раньше говорили...

Войдя, мы произнесли свою рѣчь, преклонивъ колѣна; произнеся рѣчь, мы поднесли грамоту и просили дать намъ толмачей, могущихъ перевести ее. Ихъ дали намъ въ день Великой Пятницы, и мы вмѣстѣ съ ними тщательно переложили грамоту на письмена русскія и саррацинскія и на письмена татаръ; этотъ переводъ былъ представленъ Батыю, и онъ читалъ и внимательно отмѣтилъ его. Наконецъ, насъ отвели обратно къ нашей ставкѣ, но намъ не дали никакой пищи, кромѣ какъ одинъ разъ, въ первую ночь по пріѣздѣ, на блюдечкѣ немного пшена.

А этотъ Батый живетъ съ полнымъ великолѣпіемъ, имѣя привратниковъ и всѣхъ чиновниковъ, какъ и Императоръ ихъ. Онъ также сидитъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ на тронѣ, съ одною изъ своихъ женъ; другіе же, какъ братья и сыновья, такъ и иные младшіе, сидятъ ниже по срединѣ на скамейкѣ, прочіе же люди сзади ихъ на землѣ, причемъ мущины сидятъ направо, женщины налѣво. Шатры у него большіе и очень красивые, изъ льняной ткани; раньше принадлежали они королю Венгерскому. Никакой посторонній человѣкъ не смѣетъ подойти къ его палаткѣ, кромѣ его семейства, иначе какъ по приглашенію, какъ бы онъ ни былъ великъ и могущественъ, если не станетъ случайно из-

---

[1]) Древне-галльская мѣра длины—1 лье.

вѣстнымъ, что на то есть воля самого Батыя. Мы же, высказавъ свое дѣло, сѣли слѣва,—такъ именно поступаютъ всѣ послы при ѣздѣ туда; а при возвращеніи отъ Императора насъ всегда сажали справа. На срединѣ, вблизи входа въ ставку, ставятъ столъ, на которомъ ставится питье въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, и ни Батый, ни одинъ татарскій князь не пьютъ никогда, если предъ ними не поютъ или не играютъ на гитарѣ. И когда онъ ѣдетъ, то надъ головой его несутъ всегда щитъ отъ солнца или шатерчикъ на копьѣ, и такъ поступаютъ всѣ болѣе важные князья Татаръ и даже жены ихъ. Вышеупомянутый Батый очень милостивъ къ своимъ людямъ, а все же внушаетъ имъ сильный страхъ; въ бою онъ весьма жестокъ; онъ очень проницателенъ и даже весьма хитеръ на войнѣ, такъ какъ сражался уже долгое время.

(Плано - Карпини и Рубрукъ. Рус. изд. Суворина).

---

46. Вильгельмъ де Рубрукъ.[1])

Путешествіе въ восточныя страны въ лѣто благости 1253-е.

1. Посланіе Вильгельма де Рубрукъ Людовику IX, королю французскому.

Превосходительнѣйшему и христіаннѣйшему государю, Людовику, Божіей милостью славному королю Франковъ, братъ Вильгельмъ де Рубрукъ, наименьшій въ орденѣ братьевъ миноритовъ, привѣтъ и всегда радоваться о Христѣ. Писано въ Екклезіастѣ о мудрецѣ: „Онъ отправится въ землю чужихъ народовъ, испытаетъ во всемъ хорошее и дурное“. Это дѣло свершилъ я, господинъ Король мой, но о если бы какъ мудрецъ, а не какъ глупецъ, ибо многіе творятъ то, что творитъ мудрецъ, но не мудро, а болѣе глупо; боюсь, что я принадлежу къ ихъ числу. Все же, какимъ бы образомъ я ни свершилъ это, но, разъ вы сказали мнѣ, когда я удалялся отъ васъ, чтобы я описалъ вамъ все, что увижу среди татаръ, и даже внушили, чтобы я не боялся писать вамъ длинныхъ посланій, я дѣлаю то, что вы препоручили, правда, дѣлаю со страхомъ и почтеніемъ, такъ какъ у меня не хватаетъ соотвѣтствующихъ словъ, которыя я долженъ былъ бы написать вашему столь славному величеству.

2. О татарахъ и ихъ жилищахъ.

Они не имѣютъ нигдѣ постояннаго мѣстожительства и не знаютъ, гдѣ найдутъ его въ будущемъ. Они подѣлили между собой Скиѳію, которая тянется отъ Дуная до восхода солнца; и всякій начальникъ знаетъ, смотря по тому, имѣетъ-ли онъ подъ своею властью большее или меньшее количество людей, границы своихъ пастбищъ, а также гдѣ онъ долженъ пасти свои стада зимою, лѣтомъ, весною и осенью. Именно зимою они спускаются къ югу въ болѣе теплыя страны, лѣтомъ поднимаются на сѣверъ въ болѣе холодныя. Въ мѣстахъ, удобныхъ для пастбища, но лишенныхъ воды, они пасутъ стада зимою, когда тамъ бываетъ снѣгъ, такъ какъ снѣгъ служитъ имъ вмѣсто воды.

Домъ, въ которомъ они спятъ, они ставятъ на колесахъ изъ плетеныхъ

---

[1]) Вильгельмъ де Рубрукъ принадлежалъ къ ордену миноритовъ; онъ былъ посланъ къ татарамъ французскимъ королемъ Людовикомъ IX Святымъ, съ тою же цѣлью, какъ и Плано Карпини,—для обращенія татаръ въ христіанство. До короля дошелъ слухъ, что сынъ Батыя, Сартахъ, будто бы принялъ христіанство; Рубрукъ долженъ былъ провѣрить эти свѣдѣнія. Онъ тоже, какъ и Плано Карпини, побывалъ у Батыя, ѣздилъ и дальше въ столицу татарскаго міра Каракорумъ, къ верховному повелителю татаръ Мангу Хану. И Рубруку не удалась его задача; онъ не могъ даже остаться у татаръ для проповѣди Христовой вѣры.

прутьевъ; бревнами его служатъ прутья, сходящіеся къ верху въ видѣ маленькаго колеса, изъ котораго поднимается въ высь шейка, на подобіе печной трубы; ее они покрываютъ бѣлымъ войлокомъ, чаще же пропитываютъ войлокъ известкой, бѣлой землей и порошкомъ изъ костей, чтобы онъ сверкалъ ярче; а иногда также берутъ они черный войлокъ. Этотъ войлокъ около верхней шейки они украшаютъ красивой и разнообразной живописью. Передъ входомъ они также вѣшаютъ войлокъ, разнообразный отъ пестроты тканей. Именно они сшиваютъ цвѣтной войлокъ или другой, составляя виноградныя лозы и деревья, птицъ и звѣрей. И они дѣлаютъ подобныя жилища настолько большими, что тѣ имѣютъ иногда тридцать футовъ въ ширину. Именно я вымѣрилъ однажды ширину между слѣдами колесъ одной повозки въ 20 футовъ, а, когда домъ былъ на повозкѣ, онъ выдавался за колеса по крайней мѣрѣ на пять футовъ съ того и другого бока. Я насчиталъ у одной повозки 22 быка, тянущихъ домъ, одиннадцать въ одинъ рядъ вдоль ширины повозки и еще 11 передъ ними. Ось повозки была величиной съ мачту корабля, и человѣкъ стоялъ на повозкѣ при входѣ въ домъ, погоняя быковъ. Кромѣ того, они дѣлаютъ четыреугольные ящики изъ расколотыхъ маленькихъ прутьевъ, величиной съ большой сундукъ, а послѣ того, съ одного краю до другого, устраиваютъ навѣсъ изъ подобныхъ прутьевъ и на переднемъ краю дѣлаютъ небольшой входъ; послѣ этого покрываютъ этотъ ящикъ или домикъ чернымъ войлокомъ, пропитаннымъ саломъ или овечьимъ молокомъ, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящикъ равнымъ образомъ украшаютъ они пестротканными или пуховыми матеріями. Въ такіе сундуки они кладутъ всю свою утварь и сокровища, а потомъ крѣпко привязываютъ ихъ къ высокимъ повозкамъ, которыя тянутъ верблюды, чтобы можно было такимъ образомъ перевозить эти ящики и черезъ рѣки. Такіе сундуки никогда не снимаются съ повозокъ.

Когда они снимаютъ свои дома для остановки, они всегда поворачиваютъ ворота къ югу и послѣдовательно размѣщаютъ повозки съ сундуками съ той и другой стороны вблизи дома, на разстояніи половины полета камня, такъ что домъ стоитъ между двумя рядами повозокъ, какъ бы между двумя стѣнами. Женщины устраиваютъ себѣ очень красивыя повозки, которыя я не могу вамъ описать иначе, какъ живописью; мало того, я все нарисовалъ бы вамъ, если бы умѣлъ рисовать. Одинъ богатый Моалъ или Татаринъ имѣетъ такихъ повозокъ съ сундуками непремѣнно 100 или 200; у Батыя 26 женъ, у каждой изъ которыхъ имѣется по большому дому, не считая другихъ маленькихъ, которые онѣ ставятъ сзади большого; они служатъ какъ бы комнатами, въ которыхъ живутъ дѣвушки, и къ каждому изъ этихъ домовъ примыкаютъ по 200 повозокъ. И когда они останавливаются гдѣ нибудь, то первая жена ставитъ свой дворъ на западной сторонѣ, а затѣмъ размѣщаются другія по порядку, такъ что послѣдняя жена будетъ на восточной сторонѣ, и разстояніе между дворомъ одной госпожи и другой будетъ равняться полету камня. Такимъ образомъ одинъ дворъ богатаго Моала будетъ имѣть видъ какъ бы большого города, только въ немъ будетъ очень немного мущинъ. Самая слабая изъ женщинъ можетъ править 20 или 30 повозками, ибо земля ихъ очень ровна. Они привязываютъ повозки съ быками или верблюдами, одну за другой, и бабенка будетъ сидѣть на передней, понукая быка, а всѣ другія повозки слѣдуютъ за ней ровнымъ шагомъ. Если имъ случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они раз-

вязываютъ повозки и перевозятъ ихъ по одной. Ибо они ѣдутъ такъ медленно, какъ ходитъ ягненокъ или быкъ.

3. Объ ихъ судопроизводствѣ.

Объ судопроизводствѣ ихъ знайте, что, когда два человѣка борются, никто не смѣетъ вмѣшиваться, даже отецъ не смѣетъ помочь сыну; но тотъ, кто оказывается болѣе слабымъ, долженъ жаловаться предъ дворомъ государя, и если другой послѣ жалобы коснется до него, то его убиваютъ. Но ему должно идти туда немедленно безъ отсрочки, и тотъ, кто потерпѣлъ обиду, ведетъ другого, какъ плѣннаго. Они не караютъ никого смертнымъ приговоромъ, если онъ не будетъ уличенъ въ дѣяніи или не сознается. Но когда очень многіе опозорятъ его, то онъ подвергается сильнымъ мученіямъ, чтобы вынудить сознаніе. Человѣкоубійство они караютъ смертнымъ приговоромъ. Точно также они караютъ смертью за огромную кражу. За легкую кражу, напримѣръ, за одного барана, лишь бы только человѣкъ не часто попадался въ этомъ, они жестоко бьютъ, и если они назначаютъ сто ударовъ, то это значитъ, что тѣ получаютъ сто палокъ. Я говорю о тѣхъ, кто подвергается побоямъ по приговору двора. Точно также они убиваютъ ложныхъ пословъ, то есть тѣхъ, которые выдаютъ себя за пословъ и не суть таковые. Точно также умерщвляютъ колдуній,... такъ какъ считаютъ подобныхъ женщинъ за отравительницъ...

4. О дворѣ Батыя и о томъ, какъ онъ насъ принялъ.

...На слѣдующій день насъ отвели ко двору, и Батый приказалъ раскинуть большую палатку, такъ домъ его не могъ вмѣстить столько мущинъ и столько женщинъ, сколько ихъ собралось. Нашъ проводникъ внушилъ намъ, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажетъ Батый, а тогда говорили бы кратко. Онъ спросилъ также, отправляли ли вы къ нимъ пословъ. Я сказалъ, что вы посылали ихъ къ Кенъ-хану [1]), и что не отправляли бы ни пословъ къ нему, ни грамоту къ Сартаху, если бы не думали, что они были христіанами, такъ какъ вы послали насъ не изъ-за какого нибудь страха, а съ цѣлью поздравленія, потому что вы слышали, что они—христіане. Затѣмъ онъ отвелъ насъ къ шатру, и мы получили внушеніе не касаться веревокъ палатки, которыя они разсматриваютъ, какъ порогъ дома. Мы стояли тамъ въ нашемъ одѣяніи босикомъ съ непокрытыми головами, представляя и въ собственныхъ глазахъ великое зрѣлище.

Тамъ былъ братъ Іоаннъ де Поликарпо [2]), но онъ перемѣнилъ платье, чтобы не подвергнуться презрѣнію, такъ какъ былъ посломъ господина папы. Тогда насъ провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уваженіе преклоненіемъ колѣнъ, какъ обычно дѣлаютъ послы.

Итакъ мы стояли предъ нимъ столько времени, во сколько можно произнести „Помилуй мя Боже", и всѣ пребывали въ глубочайшемъ безмолвіи. Самъ же онъ сидѣлъ на длинномъ тронѣ, широкомъ, какъ ложе, и цѣликомъ позолоченномъ; на тронъ этотъ поднимались по тремъ ступенямъ; рядомъ съ Батыемъ сидѣла одна госпожа. Мущины же сидѣли тамъ и сямъ направо и налѣво отъ госпожи: то, чего женщины не могли заполнить на своей сторонѣ, такъ какъ тамъ были только жены Батыя, заполняли мущины. Скамья же съ кумысомъ и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоцѣнными камнями, стояла при входѣ въ палатку.

---

1) Куйюкъ.

2) Плано Карпини.

Итакъ, Батый внимательно осмотрѣлъ насъ, а мы его; и по росту, показалось мнѣ, онъ походилъ на господина Жана де Бомонъ [1]), да почіетъ въ мирѣ его душа. Лицо Батыя было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконецъ онъ приказалъ намъ говорить. Тогда нашъ проводникъ приказалъ намъ преклонить колѣна и говорить. Я преклонилъ одно колѣно, какъ предъ человѣкомъ. Тогда Батый сдѣлалъ мнѣ знакъ преклонить оба, что я и сдѣлалъ, не желая спорить изъ-за этого. Тогда онъ приказалъ мнѣ говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, такъ какъ преклонилъ оба колѣна, началъ рѣчь съ молитвы, говоря: „Государь, мы молимъ Бога, отъ Котораго исходятъ всѣ блага, и Который далъ вамъ сіи земныя, чтобы послѣ этого Онъ даровалъ вамъ небесныя, такъ какъ первыя безъ послѣднихъ ничтожны“. Онъ внимательно выслушалъ, и я прибавилъ: „Знайте за вѣрное, что вы не получите небесныхъ благъ, если не станете христіаниномъ. Ибо сказалъ Богъ: Кто увѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ. Кто же не повѣритъ, будетъ осужденъ“. При этомъ словѣ онъ скромно улыбнулся, а другіе Моалы начали хлопать въ ладоши, осмѣивая насъ, и мой толмачъ оцѣпенѣлъ, такъ что мнѣ надо было ободрить его, чтобы онъ не боялся. Затѣмъ, когда настала тишина, я сказалъ: „Я прибылъ къ вашему сыну, такъ какъ мы слышали, что онъ—христіанинъ, и я привезъ ему грамоту отъ господина короля Франковъ. Онъ самъ послалъ меня сюда къ вамъ. Вы должны знать, по какой причинѣ“.

Тогда онъ приказалъ мнѣ встать и спросилъ объ имени вашемъ, моемъ, моего товарища и толмача, и приказалъ все записать; такъ какъ онъ зналъ, что вы вышли изъ вашей земли съ войскомъ, то спросилъ также, противъ кого ведете вы войну. Я отвѣтилъ: „Противъ Сарацпновъ, оскорбляющихъ домъ Божій въ Іерусалимѣ“. Онъ спросилъ также, отправляли ли вы когда нибудь къ нему пословъ. „Къ вамъ“,—сказалъ я,—„никогда“. Тогда онъ приказалъ намъ сѣсть и дать выпить молока; это они считаютъ очень важнымъ, когда кто нибудь пьетъ съ нимъ кумысъ въ его домѣ. И такъ какъ я, сидя, смотрѣлъ въ землю, то онъ приказалъ мнѣ поднять лицо, желая еще больше разсмотрѣть насъ, или, можетъ быть, отъ суевѣрія, потому что они считаютъ за дурное знаменіе или признакъ, или же дурное предзнаменованіе, когда кто-нибудь сидитъ предъ ними, наклонивъ лицо, какъ бы печальный, особенно если онъ опирается на руку щекою или подбородкомъ. Затѣмъ мы вышли...

(Плано Карпини и Рубрукъ. Рус. изд. Суворина).

---

47. Ярлыкъ хана Узбека.

А се ярлыкъ Язбека Царя, Петру Митрополиту, всея Руссіи чудотворцу

Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ и милостію его многою. Язбяково слово. Всѣмъ нашимъ Княземъ, великимъ и среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ Воеводамъ и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и Дорогамъ славнымъ, и Польскимъ Княземъ высокимъ и нижнимъ, и Книжникомъ, Уставодержальникомъ, и учительнымъ людскимъ Повѣстникомъ и Сбирателемъ и Баскакомъ, и Посломъ нашимъ и Гонцомъ, и Данщикомъ, и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Ловцомъ нашимъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и всѣмъ людямъ высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ

---

[1]) Адмиралъ Людовика IX, участвовавшій въ его египетскомъ походѣ.

нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ.

Да никто же не обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ ни стяжаній, ни имѣній, ни людей. А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ. Да не вступаются въ церковное и Митрополиче никто же, занеже то Божіе все суть; а кто вступится, а нашъ ярлыкъ и наше слово переслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная... А намъ въ то не вступатися ни во что, ни дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ княземъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто же, ни чемъ, въ церковныя и въ митрополичи, ни въ волости ихъ, и въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улуси ихъ, ни въ лѣси ихъ, ни во ограды, ни въ волостныя мѣста ихъ, ни винограды ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада; но вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя и люди ихъ, и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ—то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ. Да не будетъ ничтоже перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено; да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены, и за наши дѣти, и за наше племя. И мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе Цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы, по томужъ пути, тѣмижъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ: а мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божія, и тотъ будетъ Богу повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ...

Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ямъ-ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли коя ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати,—а отъ соборныя церкви и отъ Петра Митрополита никто же да не взимаетъ, и отъ ихъ людей и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ...

А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ, ничемъ да не вредятъ ихъ, ни хулятъ; а кто учнетъ вѣру хулити или осужати, и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію...

Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступитъ въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію не извинится ничимъ же, и умретъ злою казнью.

Такъ ярлыкъ данъ. Такъ молвя, слово наше учинило. Таковою крѣпостію утвердило. Заечьего лѣта, осѣньняго перваго мѣсяца 4 ветха.

На полихъ писанъ и данъ.

(В. Григорьевъ: Россія и Азія. О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ.)

48. Опредѣленіе собора 1274 г.

Правило Кюрила, митрополита роуськаго, съшьдъшихся епископъ: Далмата нооугородьского, Игнатья ростовьского, Феогноста переяславскаго, на поставленіе епископа Серапіона володимирскаго.

...Азъ Кюрилъ, смѣреный митрополитъ всея Роуси, многа оубо видѣниемь и слышаниемь неустроение церквахъ, ово сице дьржаща, ово инако, несъгласія многа и гроубости, или неоустроениемь пастоушьскымь, или обычаемь неразоумия, или неприхоженіемъ епископъ, или отъ неразоумныхъ правилъ церковныхъ...

Кыи оубо прибытокъ наслѣдовахомъ, оставльше Божия правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли сильнии наши князи острием меча? не поведени ли быша въ плѣнъ чада наша? не запоустѣша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ? Си вся бывають намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ Отець. Нынѣ же азъ помыслихъ съ святымь съборомь и съ преподобными епископы нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытание извѣстно творити.

1. Приде бо въ слоухы наша, яко нѣции отъ братия нашея дьрзноуша продати священый санъ, и причитати къ церквамъ, и взимати отъ нихъ нѣкыя „оурокы" глаголемыя. И забыша правила речнаго святыхъ Апостолъ и преподобныхъ Отець нашихъ. Да слышать ясно вси: „поставленый на мьздѣ да извержеться, и поставлыи его":—правило се есть святыхъ Апостолъ 29-е. Пакы ищеть правила 6-го вселеньскаго сбора иже въ Костянтинѣ градѣ въ Троулѣ полатиѣмь—правило 22-е, сбора иже въ Халкидонѣ правило 2-е: „Аще кто коупить и продаеть поставленіе, и аще ключяря церковнаго поставить на мьздѣ, въ своемь степени бѣдоу приметь, рекше да извержеться, и ходатаиствоующии о таковѣмь поставлении, аще соуть причетници, отъ своего степени извергоуться; аще ли мирьстии человѣци, или мниси, да боудоуть прокляти." Никтоже благодати Божия не продаеть: тоуне бо, рече, прясте, тоуне же и дадите. Видиши, како негодова Петръ на Симона волхва; рече бо: сребро твое да боудеть съ тобою въ пагоубоу, яко благодать Божію надѣяшися богатьствомъ стяжати... Яко невъзможно Богоу работати и мамонѣ; а злѣе есть Македоньскыя ереси... Такоже и насъ наоучиша моужи священии; мы же послѣдъствоуемъ еуангельскымь и апостольскымь и отечьскымь заповѣдемъ, вѣроуемъ и глаголемь: прочее отъ сего времени аще кто явиться отъ святого нашего сбора, или игоумена въ игоуменьство, емля отъ него что, священая на мьздѣ, рекомое „посошное", или постризая мирьскаго попа на мьздѣ въ игоуменьство, или попа поставляеть къ церкви, емля оу него что, да боудуть извержени; ходатайствоующии же да боудоуть прокляти... Не взимати же отъ нихъ ничтоже, развѣ якоже азъ оуставихъ митрополіи, да боудеть се въ всѣхъ аписконьяхъ: да възмоуть клирошане 7 гривенъ отъ поповьства и отъ дьяконьства отъ обоего.

Аще ли кто по оуставѣ нашемь боле сего емля отъ дьякона, ли отъ попа, или отъ игоумена, или отъ проскоурницѣ и отъ нищихъ, насилье дѣюще, или на жатвоу, или сѣна сѣчи, или провозъ дѣяти, или иная нѣкая „сборное" емлюще, или намѣстники поставляюще на мьздѣ, или десятиньника, или егда божественыя съборы собирая, тогда нѣкако сбиранне сбирають отъ властель церковьныхъ, или скарѣднаго дѣля прибытька отлоучають нѣкыя отъ церкве, не Божия дѣля закона, нъ своего ради прибытка,

или оугодья нѣкоего дѣля, (таковыя отлучаемъ).

3. Пакы же оувѣдѣхомъ бесовьская еще дьржаще обычая треклятыхъ елинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творити, съ свистаниемь и съ кличемь и въплемь, съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, и бьющеся дрьколѣемь до самыя смерти, и възимающе отъ оубиваемыхъ порты. На оукоризноу се бываеть Божиимь праздьникомъ и на досажение Божиимъ церквамъ. Паче о семь досажають нашемоу Спасоу и Застоупоу, иже насъ избави отъ проказы смертьныя и отъ тоугы дьяволя, и объвеселивый сердца наша святыми честьными праздьникы, да познаемъ и помнимъ спасенаго его таиньства, да почитаемъ его въ святыхъ Божияхъ церкъвахъ, въ хвалоу и въ пѣснь създавшаго насъ, и прочее по нашемоу законоположению. Мы же послѣдоуемь святымъ и преподобнымъ нашемь отцемь: аще кто изъобрящеться по сихъ правилѣхъ бещинье творя, да изгънани боудоуть отъ святыхъ Божиихъ церквъ, а оубиении да боудоуть прокляти въ сии вѣкъ и въ боудоущии. Аще нашемоу законоположению противяться, то ни приношения отъ нихъ приимати, рекше просфоуры и коутьи, ни свѣчи. Аще и оумреть, то надъ нихъ не ходять иерѣи и слоужбы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близь Божиихъ церквъ. Аще который попъ дерзнеть что створити надъ ними, да боудеть чюжь своего сана.

(Рус. Ист. Библ., VI, № 6.)

---

49. Бесѣда Тверскаго Епископа Симеона съ Полотскимъ княземъ Константиномъ.

(1289.)

Князь Конъстянтинъ полотскій въспроси владыки Симеона тферьскаго, гдѣ быти тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? И рече владыка: „гдѣ и князь“. Князь же о томъ не полюби на владыку, глаголя; „тіунъ не право судитъ, мъзду емлетъ, зло дѣетъ: язъ что дѣю?“ И рече ему владыка: „аще будетъ князь добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божіа полна, разумна и праведна. Князь будетъ въ раги, а тіунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ князь безъ страха Божіа, и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; толико бы ему кунъ добывалъ; напустилъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити; и князь его будетъ въ адѣ, а тіунъ его съ нимъ. Но глаголю вамъ, царемъ и княземъ и намѣстникомъ: утѣшайте скорбящихъ, избавляйте убогихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ богатыхъ обидими суть и притекаютъ къ вамъ, яко защитникомъ благымъ; но вы, цари и князи и намѣстници, подобни есте тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ во время ведра, а не надъ землею жаждущею воды: вы тѣмъ болѣ даете и помогаете, у нихъ же много злата и сребра, а не тѣмъ, иже не имутъ ни пѣнязя; бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете“.

(Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. IV, примѣч. 178).

---

50. Слово избрано отъ всѣхъ книгъ, еже имѣти всякому хрестьянину страхъ Божій.

(XIV в.)

Пръвіе имѣйте братье страхъ божіи въ срдци своемъ, тѣмъ бо можете въстягнутися отъ всякаго зла. Къ церкви будете нелѣниви, та бо есть оцищеніе грѣхъ нашихъ; въ церковь же вшедше стойте съ страхомъ, не бесѣдуя ни с кимъ же, и да и молчащимъ не будеши на пакость, но съ смиреніемъ

стойте слушаа пѣніа и взираа образъ божій и на святыа иконы, поминаа грѣхы своа, ащели бы умягчить Богъ сердце. А и слезы испустите о грѣсехъ своихъ, и да оуподобитеся мытарю, а не фарисею. Болѣжь всего покаальнаго отца слушаите, каитесь емоу по вся дни, исповѣдающе своа грѣхы...

Но и паче князю своему пріайте всѣмъ сердцемь своимъ и мечемъ своимъ и главою своею и не рци ему зла въ сердци своемъ, глаголеть бо апостолъ Павелъ: вся владычьства отъ Бога оучинена суть, и да аще кто противится властелемъ, то божію повелѣнію противится; а родителя же аще кто имѣеть, да чтить акы Бога,—тѣми познахомъ бо свѣтъ сей; покланяйтесь имъ заоутра и вечеръ и на ложе идя, аще бо человѣкъ чтить родителя своего, то весь законъ есть, и тогда сынъ свободенъ есть, егда спрячетъ кости родителю своею. Братію такоже люби и весь родъ свои; потщивай по силѣ, святый бо Іоанъ Богословъ глаголеть: аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижю, ложь есть; и самъ бо Господь глаголеть: възлюби ближняго своего, яко самъ ся; и аще кто имѣеть брата оубогаго или кого въ роду своемь, ти дасть имъ еже требуеть, болѣ инехъ милостыня вмѣняется предъ Богомъ. Рабы такоже водите въ наказаніи съ тихостію оучаще добрымъ безъ порченіа и чтя ихъ, да негдѣ ти мѣстять оу притчи (т.-е. при случаѣ), аще ль не послушають, то раны разумѣють что дати; яко божіи създаніе, но вамъ даны суть Богомъ на службу...

А что суть оу васъ рабы и рабыни Богомъ даны вамъ на службу, тѣмижъ пакы достойно пецися душами ихъ, отъ зла възбраняти имъ и на покааніе приводити, а къ церкви понужати; вы бо есте игумени домовъ своихъ. Аще ли кто безъ покаанія оумреть оу васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣщати за душу ту предъ Богомъ...

Блюди же ся душегубьства, иже есть тяжко велми. Аще человѣкъ оу человѣка погубить злато, то ино въ то мѣсто обрящеть, то за то ему пойти въ муку;—а оже человѣкъ погубить душу, то гдѣ иноу в того мѣсто обрящеть? ащель хощете искати ея, то чѣмъ ю можете обрѣсти? или покааніемъ крѣпкымъ и слезами и алканіемъ и поклоны и милостынею? душегубьства же разни суть: не то единое еже оубити человѣка, но иноеже, еже озлобити человѣка, или раба, или оубога, и они отъ нужа погубять ся или бѣжать въ поганыя... На наимы жь коунъ не дай отънудь, св. бо апостолъ Павелъ лихоимца съ блудникы вмѣняеть.

(Ж. М. Н. П. 1854 г. часть 84).

---

51. Слово о челяди.

(До 1400).

Чада моя милая, еще вы глаголю: челядъ свою кормити, якоже досыти имъ, одѣвайте, обувайте; аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьють у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите сироты своя во всемь и учите я на крещеніе и на покаяние и на весь законъ Божии; ты бо еси яко и апостолъ дому своему, кажи (учи) грозою и ласкою; аще не учиши, то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомь. И Авраамъ бо научи своихъ домочадець 318 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо Божии приимше не опечалятъ на старость тебе; аще ли тебе не послушають ни мало, то лозы нань не щади, якоже Премудрость Божия глаголеть, до 4 или 6 ранъ или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаеть и по твоей воли не ходити, то за года (загодя) лозы нань нещадити до 6 ранъ и до 12; аще ли велика вина, по 20 ранъ; ащели велми велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣ

30 ранъ не велимъ. Да аще тако кажете я и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ примеши отъ Бога.

(Буслаевъ, Историч. Хрестоматія).

52. Уставная грамота Митрополита Кипріана Константиновскому монастырю.

1391, Октября 21.

Се язъ Кипріанъ, Митрополитъ всеа Руси, далъ есмь сю грамоту монастырю своему Святому Констянтину и игумену. Что ми били челомъ сироты монастырскіе на игумена на Ефрема, такъ ркучи: наряжаетъ намъ, господине, дѣло не по пошлинѣ; чего, господине, при первыхъ игуменѣхъ не бывало; пошлины, господине, у насъ емлетъ, чего иные игумены не имали. И игуменъ Митрополиту такъ рекъ: язъ, господине, хожу по старой пошлинѣ, какъ было при первыхъ игуменѣхъ; а здѣсь, господине, на Москвѣ игуменъ Царко, тотъ игуменилъ у Святаго Констянтина передъ мене, того, господине, и въспроси. И Митрополитъ послалъ Окинфа къ Царку къ игумену, занеже тогды Царко не издоровѣлъ, и велѣлъ въспросити: какова пошлина въ Святомъ Констянтинѣ и какъ людемъ монастырскимъ дѣло дѣлати? И Царко игуменъ такъ отвѣчалъ Окинфу.

При моемъ игуменствѣ такъ было въ Святомъ Констянтинѣ: болшимъ людемъ изъ монастырьскихъ сель церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игумновъ жеребей весь рольи орать възгономъ, и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и вешней и зимней, сады оплетать, на неводъ ходити, пруды прудить, на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати; а на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ; а пѣшеходцемъ изъ сель къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожь молотить; а ленъ дасть игуменъ въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ изъ сель всѣ люди на праздникъ яловицу (но одинова мя, господине, добили челомъ, а не въ пошлину, треми бараны, и язъ ихъ пожаловалъ за яловицу, занеже ми была надобнѣ яловица а по пошлинѣ по старой всегды ходитъ яловица на праздникъ); а въ которое село пріѣдетъ игуменъ въ братшину и сыщи даютъ по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ.

И Окинфъ тѣ рѣчи игуменовы Царковы сказалъ всѣ Митрополиту: и потомъ Царко игуменъ омоглься и пришедъ самому Митрополиту тѣ рѣчи всѣ сказалъ, что приказалъ съ Окинфомъ къ Митрополиту. И потомъ язъ Кипріанъ Митрополитъ всеа Руси въспросилъ есмь въ Володимери, своихъ бояръ, того монастыря пошлинъ и о яловицѣ о праздничной, Михаила Бирѣева, Юрья Протопопина, Ивана своего повара; и нѣ ми тѣ жъ рѣчи сказали, и о озерѣхъ и о истокѣхъ и о бобровой ловлѣ. И Кипріанъ Митрополитъ всеа Руси такъ рекъ игумену и христіаномъ монастырскимъ: ходите жъ вси по моей грамотѣ; игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменѣ, и тотъ ходитъ по сей моей грамотѣ. А сю грамоту велѣлъ есмь положити въ церкви игумену и людемъ, а никоторый игуменъ сее грамоты изъ монастыря да не вынесетъ, не буди на немъ милости Божіа и моего благословеніа. А дана грамота на Москвѣ, въ лѣто 6900, мѣсяца Октября въ 21 день, индикта 15.

Назади подпись: сее грамоты Князь Великій рушити не велѣлъ, а пожаловалъ игумена по сей грамотѣ, что въ ней писано. А подписалъ Великого

Князя діакъ Иванъ.—Рыболове мои Великого Князя не въѣзжаютъ въ Монастырскіе озера.

Сее грамоты Іона Митрополитъ всеа Руси не рушилъ; а велѣлъ игуменомъ и христіаномъ по старинѣ и по сей грамотѣ ходити о всемъ.—А подписалъ, по митрополичу слову, митрополичь дьякъ Карло.

(Памятники по исторіи крестьянъ, изд. Н. Клочкова).

---

53. Грамоты Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича и Великаго Князя Василія Васильевича: а) Өедору Константиновичу, б), Бѣлозерскимъ намѣстникамъ о монастырскихъ серебреникахъ.

(Около 1450).

1) Отъ Князь Михайла Андреевича Өедору Костянтиновичу. Присылалъ ко мнѣ игуменъ Екимъ и старець Мартемьянъ Өерапонтовы пустыни и вся братья, старца Еустратья, а билъ ми челомъ о томъ, а сказываетъ, что являлъ имъ староста Волоцкой мою грамоту такову, что имъ пріимати къ себѣ въ волость, въ твой путь, на Волочекъ, изъ Мартемьяновскихъ деревень монастырьскіе половники въ серебрѣ, межень лѣта и всегды, да кто деи выйдетъ половникъ серебряникъ въ твой путь, ино деи ему платитися въ истое на два года безъ росту: и язъ пожаловалъ игумена Екима и старца Мартемьяна и всю братью, и ты бы манастырьскихъ людей серебрениковъ отъ Юрьева дни до Юрьева дни не принималъ, а принималъ бы еси серебреники о Юрьевѣ дни о осеннемъ, и которой поидетъ о Юрьевѣ дни манастырьскихъ людей въ твой путь, и онъ тогды и денги заплатитъ, а ту есми полѣтную подернилъ, а игумену есми и всей братьи отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебрениковъ пускать не велѣлъ, а велѣлъ есми имъ серебрениковъ отпускать за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни; а которые будутъ вышли въ манастырьскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили. А прочетъ сію грамоту да отдай назадъ игумену Екиму и старцю Мартемьяну и всей братьи.

2) Отъ Князя Михаила Андреевича, на Бѣлоозеро, къ намѣстнику, и ко всѣмъ бояромъ и дѣтемъ боярьскимъ, и околничикомъ и поселскимъ моимъ, ко всѣмъ безъ омѣнки. Билъ ми челомъ отець мой игуменъ Касьянъ Кирилова монастыря, а сказываетъ, что у него отказываете людей монастырьскыхъ серебрениковъ, и половниковъ, и рядовыхъ людей и Юрьевскихъ, а отказываете не о Юрьевѣ дни, иныхъ о Рожествѣ Христовѣ, а иныхъ о Петровѣ дни.—И вы бы такъ серебрениковъ, и половниковъ, и слободныхъ людей, не отказывали, а отказати серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ, а послѣ Юрьева дни отказа отъ серебреника нѣтъ, а коли серебро заплатитъ, тогды ему и отказъ; а игумну есми серебреника послѣ Юрьева дни пускати не велѣлъ. А кто сей моей грамоты ослушаетъ, быти отъ меня въ казни.

(Памятники по исторіи крестьянъ, изданіе Н. Клочкова).

---

54. Жалованная Ярославскаго Князя Өедора Толгскому монастырю.

(Около 1400).

Пречистые ради Богоматери, се язъ, князь Өедоръ Өедоровичь, пожаловалъ есми игумена съ братьею Толсково де-

ревнею Куколцинымъ, и съ лѣсомъ и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстарины тянуло: и кто въ ней иметъ жити крестіянъ и тѣмъ крестіяномъ ненадобѣ имъ моя дань, ни тамга, ни новожженная куница [1]), ни кормъ данной, ни таможной кормъ, ни волостелинъ кормъ, ни доводщичъ кормъ, ни иные моіе никоторые пошлины; ни волостель мой, ни доводщикъ къ нимъ не въѣзжаетъ, ни приставовъ своихъ къ нимъ не всылаетъ ни въ чемъ; а что купятъ, или что продадутъ, и нѣ таможникомъ моимъ не являютъ; а свяжется тѣмъ крестіяномъ судъ съ моими крестіяны съ волостными, ино ихъ сужу язъ самъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а будетъ виноватъ пречистые Богоматери крестіянинъ, и онъ Пречистой; а кто будетъ мой волостель, или доводщици, или таможници, и нѣ имъ грамоту явятъ, а не дадутъ имъ поминка ничего, ни гостя передъ ними не ставятъ. А грамоту писалъ Игнаша Пантелѣевъ.

(Акты Археограф. Экспед. I, № 15).

---

55. Жалованная Звенигородскаго Князя Юрія Савво-Сторожевскому монастырю.

(1404).

Пречистыи ради милости и честнаго ея Рождества, се язь, князь Юрьи Дмитреевичь, что язъ далъ Пречистой въ домъ, на Сторожи, отцу своему игумену Савѣ съ братіею, или кто по немъ иный игуменъ будетъ, села свои въ Звенигородцкомъ уѣзду, село Бѣлгина и съ деревнями, деревня Тимонина, деревня Павликова, деревня Козинская, да Клодубацынское, да деревню Глѣденовскую, да деревню Еремѣеву, да селцо Усть-Разводни, да къ тому селцу придалъ есми Патрекѣевьской земли, далъ есми въ Рузскомъ уѣзду, въ Замошьи, село свое у Василья святаго и съ деревнями и съ прудомъ и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу изстари потегло, а что собѣ отець мой игуменъ Сава съ братьею прикупятъ земель, или что имъ дадутъ земль по души въ моей вотчинѣ: и которыи люди имуть жити на тѣхъ земляхъ монастырскихъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни писчея бѣлка, ни осьмничіи, ни костки, ни явка, ни иная которая пошлина, ни города не дѣлають, ни двора моего не ставятъ, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, такажъ ни къ сотцкому, ни къ дворскому, ни къ десятскому, съ тяглыми людми не тянуть, ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныи въ которыи пошлины.

А намѣстницы мои Звенигородцкіи и волостели Звенигородцкіи, и Рузскіи мои намѣстники и волостели мои Рузскіи, и ихъ тіуни, на тѣхъ хрестьянѣхъ на монастырскихъ кормовъ своихъ не емлють, ни всылають къ нимъ ни почто, а праветщики и доводщики поборовъ не берутъ, ни въѣжщають; а вѣдаетъ игуменъ Сава самъ свои люди во всѣхъ дѣлѣхъ и судитъ самъ во всемъ, или кому игуменъ прикажетъ, опричѣ душегубства.

А случитца судъ смѣтной [1]) городцкимъ людемъ или волостнымъ съ монастырскими людми, и намѣстницы мои Звенигородцкіи и Рузскіи и ихъ тіуни тѣхъ людей судятъ, а игуменъ съ ними судить, или кому прикажетъ въ свое мѣсто. А правъ ли будетъ или виноватъ монастырской человѣкъ, и онъ правъ и виноватъ монастырю, игумену съ братьею, а намѣстники мои и волостели и ихъ тіуни въ монастыр-

---

[1]) Сборъ съ вѣнчанія.

[1]) Смѣшанный, смѣстный.

ского человѣка не вступаютца, ни въ праваго, ни виноватого; а вѣдаетъ игуменъ въ правдѣ и въ винѣ своего человѣка самъ, а истцево заплатятъ на обѣ стороны. А правъ ли и виноватъ ли городцкій или волостный человѣкъ будетъ, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ, и имъ истцево заплотятъ, а игуменъ съ братьею или ихъ приказщикъ въ городного и волостного человѣка не вступаютца.

А пятенщики мои Звенигородскіи и Рузскіи у манастырскихъ людей коней не пятнятъ, а таможники мои тамги не емлютъ на монастырскихъ людехъ: язъ князь Юрьи Дмитреевичъ Пречистой далъ пятно и тамгу, на теміянъ далъ игумену Савѣ съ братьею: держитъ игуменъ въ манастырѣ свое пятно. Которой хрестьянинъ манастырской купитъ или мѣняетъ, и онъ пятнитъ въ монастырѣ; а которой хрестьянинъ манастырской продасть въ торгу или въ селѣ, и они тамгу платятъ игумену Савѣ въ монастырѣ.

...А черезъ сію мою грамоту кто ихъ чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни. А грамота писана въ лѣта шесть тысящь 912, мѣсяца маія 10 день.

(Акты Историческіе. I, № 15).

---

56. Грамоты на кормленіе.

Ввозныя послушныя отчинникамъ Протасовымъ.

(1425 и 1426).

1) Се язь князь в. Василей Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвице Иватя Протасьева, и сына его Конона Ивановича, волостью Лузою, за ихъ къ намъ выѣздъ, въ кормленья. И вы всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, и судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6933, августа въ 28 день.

А у подлинныя грамоты назади пишетъ: „князь в. Василей Васильевичъ всеа Русіи“. Печать вислая на красномъ воску, орелъ.

2) Се язъ князь в. Василей Васильевичь всеа Русіи пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвица Иватя Протасьева, и сына его Конона Ивановича, въ кормленье, въ Мещерѣ, городомъ Елатмою и Кадомою, съ мыты, и съ перевозы, и со всѣми намѣстьничьи доходы, и съ пошлиною, что было дано въ выѣздъ отцу его Ивану. И вы всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите ихъ и слушайте; а они васъ вѣдаютъ; а судити и ходити велятъ у васъ тіунамъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ, лѣта 6934 году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ: „князь в. Василей Васильевичь всеа Руси“. Печать на красномъ воску, вислая.

(Акты Юридическіе № 161).

---

57. Сказаніе о началѣ Москвы.

Почему было на Москвѣ царствомъ быти, и кто зналъ, что Москвѣ Государствомъ слыти?

Были на семъ мѣстѣ по Москвѣ рѣкѣ села красныя хорошаго болярина Кучка Степана Ивановича, болярина же того были два сына вельми красны. И свѣда про нихъ князь Данила Александровичь Невскаго, и нача просити у Кучка болярина дву сыновъ къ себѣ во дворъ съ великимъ преніемъ, и глагола ему: „аще не даси сыновъ своихъ мнѣ во дворъ, и азъ на тя войною пріиду и тебе мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу“.

И бояринъ Кучко Степанъ Ивановичь убояся страха князя Даніила суждальскаго; и отдадѣ сыновъ своихъ обоихъ

князю Даніилу суждальскому. И князю Даніилу полюбишася оба Кучкова сына: и нача ихъ князь Даніилъ любити и жаловати, и пожаловалъ единаго въ стольники, а другаго въ чашники. И полюбишася тѣ два юноша Даниловѣ княгини Улиты Юрьевны;... и умыслиша они со княгинею, како бы имъ предати князя Даніила смерти, и начаша звати князя Даніила въ полѣ ѣздити, утѣшенія ради смотрѣти звѣрска уловленія заецевъ.

И бысть ему на поли, и егда поѣхаша въ дебри, и начаша они Кучковы предавати его злой смерти...

Князь же Андрѣй сжалися по братѣ своемъ... и собравши суждальцы 3,000 войска князю Андрѣю Александровичу въ помощь, и пойде князь со всемъ воинствомъ на боярина Степана Ивановича Кучка, и не бысть у боярина Кучки кругъ красныхъ его селъ ограды каменныя и острога деревянаго, и не возможе Кучко бояринъ противъ князя Андрея боемъ битися, и вскорѣ князь Андрѣй всею силою на приступъ ѣмлетъ села и слободы красныя и самаго Кучка боярина и съ его дѣтьми въ плѣнъ, и повелѣ ихъ оковати желѣзы крѣпкими, и потомъ казни боярина Кучка и зъ дѣтьми его всякими казньми различными, въ лѣто 6797 (1289), марта въ 17 день.

И князь Андрѣй Александровичь отмсти кровь брата своего, побѣди боярина Кучка и злыхъ убійцовъ, иже убили князя Данила, и все имѣніе ихъ и богатство разграбивъ, а селъ и слободъ красныхъ не пожегъ. И препочи ту. Наутріи же воставъ и посмотрѣвъ по всѣмъ краснымъ селамъ и слободамъ, и вложи Богъ въ сердце князю Андрѣю на томъ мѣстѣ градъ поставити; видѣ бо мѣсто прилично, еже граду быти, и воздохнувъ изъ глубины сердца своего и воздѣвъ руцѣ на небо, и рече молитву со слезами: „Боже вседержителю, творче всѣмъ и создателю! Прослави мѣсто сіе и подаждь помощь хотенія желанію моему устроити градъ и создати св. церкви“.

(Временникъ М. О. И. и Д. Р., кн. XI, 1851 г.).

---

58. Духовная грамота великаго князя Ивана Даниловича Калиты (вторая) 1328 года.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимь не нуженъ, цѣлымь своимь умомъ, въ своемь здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ.

Се далъ есм̃ь сыну своему болшему Семену Можаескъ со всими волостьми, Коломну со всими коломеньскими волостьми, Горѣденку, Мѣзыню, Пѣсочну и Середокоротну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иванп деревни, Маковець, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Норѣтову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похряньскомъ уѣздѣ, село Костянтиновское, село Орининьское, село Островьское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховьское, село Напрудьское у города. А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женьчюги, блюдце золото съ женчугомъ съ каменьемъ, 2 чума [1]) золота болшая; а исъ судовъ исъ серебрьныхъ далъ есмь ему 3 блюда серебрьна.

А се даю сыну своему Ивану: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходолъ, Великую свободу, Замошь-

---

[1]) Чумъ-уполовникъ, большая ложка, ковшъ на длинной ручкѣ.

скую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовьское, Тростну, Нѣгучю; а села: село Рюховское, село Каменичьское, село Рузьское, село Бѣлжиньское, село Максимовское, село Андрѣевское, село Вяземьское, село Домонтовьское, село въ Замошьской свободѣ, село Семьцинское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ золотъ болшиий съ женчюгомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ капторгами [1]), поясъ сердониченъ золотомъ окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебрьно ѣздиньское, 2 блюдци меньшии.

А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверьску, Наруниьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ; а се села: село Талежьское, село Серпоховьское, село Колбасиньское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговьское село Труфоновьское, село Ясиновьское, село Коломниньское, село Ногатиньское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золотъ фрязьский съ женчугомъ съ каменьемъ, поясъ золотъ съ крюкомъ, на черьвчатѣ шелку, поясъ золотъ царевьскій, 2 чары золоты, 2 чумка золота меньшая; а изъ блюдъ: блюдо серебрьно, а два малая.

А се даю Княгини своей съ меншими дѣтми: Сурожикъ, Мушкину гору, Радонѣжьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновьская, Вохна, Дѣйково, Раменье, Данилищова свободка, Машевъ, Селна, Гуслиця, Раменье, что было за княгинею; а села: село Михайловьское, село Луциньское, село у озера, село Радонѣжьское, село Дѣйгуниньское, село Тыловское, Ротожь, село Протасьевское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское па Яузѣ, 2 селѣ Коломеньскии. А изъ городскихъ волостий даю княгини своей осмничее; а тамгою [1]) и иными волостми городскими подѣляться сынове мои: такоже и мыты [2]), которые въ которого уѣздѣ, то тому; а оброкомъ городскимъ Василцева вѣданья подѣляться сыневе мои. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, который въ которого росписи, то того. А по моимъ грѣхомъ ци имуть искати Татарове которыхъ волостий, а отымуться вамъ сыномъ моимъ и княгини моей, подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсь. А числьныи люди вѣдають сынове мои собча, а блюдуть вси съ одиного; а что мои люди куплении въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои.

А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковалъ; а чело [3]) и гривну [4]), то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми. А исъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужьный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь съ женчугомъ, коць великий съ бармами; Андрѣю сыну моему бугай [5]) соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ, скорлатное портище [6]) съ бармами. А что есмь нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ алами съ женчугомъ, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ.

А что моихъ поясовъ серебрьныхъ, а то раздадять по попьямъ. А что мое 100 рубли у Ески, а то роздадять по

---

1) Капторги-застежки.

1) Тамга—таможенная пошлина.

2) Мыто—пошлина.

3) Чело—шитая кичка.

4) Гривна—почетная цѣпь, ожерелье.

5) Бугай—великокняжеская верхняя одежда.

6) Портище—полный нарядъ.

церквамъ. А что ся остало изъ моихъ судовъ [1]) изъ серебрьныхъ, а тымъ подѣлятьси сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моихъ портъ, а то роздадять по всимъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое о 4 колця, а то даю святѣй Богородици Володимерской. А что есмь далъ сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стады моими подѣлятся сынове мои и княгини моя. А опрочь московьскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимери Борисовское. А что есмь купилъ село Петровское и Олексиньское, Вседобричь и Павловьское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ митрополитомъ... а селця на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, то даю сыну своему Ивану. А что есмь купилъ. село Варварьское и Мѣловьское у Юрьева, что есмь смѣнилъ на Матфѣищовьское село, то даю сыну своему Андрѣю. А что село Павловское бабы [2]) нашее купля, а новое селце, что есмь купилъ, и Олександръ святый, что есмь купилъ на Костромѣ, то даю княгини своей. А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Борису Воръкову, аже иметъ сыну моему котому служити, село будеть за нимъ; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть. А что есмь прикупилъ селце на Кержачи у Прокофья у игумна, другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то даю святому Олександру собѣ въ поминанье.

А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ. А кто сю грамоту порушить, судить ему Богъ. А на се послуси [3]) отець мой душевный Ефрѣмъ, отець мой душевный Ѳедосий, отець мой душевный попъ Давыдъ.

(Владимирскій Будановъ. Хрестоматія по ист. рус. права, II).

---

[1]) Судовъ — сосудовъ.
[2]) Баба—бабка.
[3]) Послухи—свидѣтели.

59. Договорная грамота великаго князя Димитрія Іоановича съ великимъ княземъ тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ.

1368 года.

По благословенью отца нашего Алексия митрополита всея Руси. На семь, брате молодший, князь великий Михайло Олександровичь, целуй ко мнѣ крестъ къ брату старѣйшему князю великому Дмитрию Ивановичю и къ моему брату князю Володимеру Андрѣевичю, и къ нашей вотчинѣ къ Великому Новугороду, и за свои дѣти и за свои братаничи. Имѣти ти мене собѣ братомъ старѣйшимъ, а князя Володимера брата моего братомъ; а добра ти намъ хотѣти во всемъ вездѣ безъ хитрости; а што ти слыша ото крестьянина или отъ поганина о нашемъ добрѣ или о лисѣ, а то ти намъ повѣдати въ правду, по целованью, безъ хитрости. А князи велицци крестьянстии и ярославьстии съ нами одинъ человѣкъ, а ихъ ти не обидети: а имешь ихъ обидети, намъ, дозря ихъ правды, боронитися съ ними отъ тобе съ одиного; а имутъ тобе обидѣти, намъ, дозря твоие правды, оборонитеся съ тобою отъ ииихъ съ одиного. А гдѣ ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату князю Володимеру Ондрѣевичю, всѣсти ты съ нами самому на конь безъ хитрости; а пошлемъ воеводъ, и тобѣ и своихъ воеводъ послати.

А вотчины ти нашие Москвы и всего великого княженья и Новагорода Великого блюсти, а не обидѣти; а вотчины ти нашие Москвы и всего великого княженья и Новагорода Великого подъ нами не искати и до живота, и твоимъ

дѣтемъ и твоимъ братаничемъ. А людий ти нашихъ московскихъ и всего великого княженья и Новагорода Великого и новоторъжьскихъ блюсти, а не обидети, какъ и своихъ. А закладней ти въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи не держати, ни грамотъ не давати. А имутъ насъ сваживати[1]) Татарове, и имутъ давати тобѣ нашу вотчину великое княженье, и тобѣ ея не имати ни до живота: а имутъ давати намъ твою вотчину Тферь, и намъ ея такоже не имати и до живота. А въ Кашинъ ти ся не въступати, и что потягло хъ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василей; ни выходомъ не надобѣ тобѣ къ Тфери Кашину тянути, а его ти не обидети: а имешь его обидѣти, мнѣ его отъ тобе оронити..

А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары оже будеть намъ миръ, по думѣ; а будеть намъ дати выходъ, по думѣ же; а будеть не дати, по думѣ же. А пойдутъ на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одиного всѣмъ противу ихъ; или мы пойдемь на нихъ, и тобе съ нами съ одиного пойти на нихъ. А къ Ольерду ти и къ его братьи, и къ его дѣтемъ, и къ его братаничемъ целованье сложити. А пойдутъ на насъ Литва, или на Смоленьского на князя на великаго, или на кого на нашю братью на князей, намъ ея ихъ боронити, а тобѣ съ нами всимъ съ одиного: или пойдутъ на тобе, и намъ такоже по тобѣ помогати, и боронитися всимъ съ одиного...

А какъ есми сталъ подъ городомъ подъ Тфѣрью до Семеня дня за мѣсяць, что будешь у мене взялъ войной въ тотъ мѣсяць, тому всему межи насъ погребъ: а какъ еси къ намъ сложилъ целованье, а что мы у тобе поимали и повоевали, а тому всему межи насъ погребъ...

А что еси привелъ ноугородцевъ и новоторжцевъ къ целованью, а то целованье доловъ...

А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфѣри, въ ты села намъ и тобѣ не въступатися: а что Ивановы села Васильевича и Нѣкоматовы, а въ ты села тобѣ ся не въступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ; а бояромъ и слугамъ волнымъ воля.

А что ся учинитъ межи насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на рубежь, да межи насъ поговорятъ; а не уговорятся, ини ѣдуть на третий на князя на великого на Ольга; на кого помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ. А чьи судьи на третий не поѣдутъ, или на кого третий помолвитъ, анъ взятого не отдастъ, то правому отняти, а то ему не въ измѣну...

Холопа, робу, татя, розбойника, душегубца выдати по исправѣ...

А на семъ на всемь, брате молодший, князь великий Михаило Олександровичь, целуй ко мнѣ крестъ къ брату къ старѣйшему князю великому къ Дмитрію Ивановичю, къ моему брату князю Володимеру Ондрѣевичю и къ нашей вотчинѣ къ Великому Новугороду, и за свои дѣти и за свои братаничи, по любви, въ правду, безо всякие хитрости. А сий списокъ съ грамоты съ крестной съ тфѣрьской.

(Владимирскій Будановъ. Хрест. по ист. руск. права, II).

---

60. Уставная Двинская грамота 1397 г.

(Дана Двинской землѣ по завоеваніи ея Московскимъ великимъ княземъ.)

Се язъ князь велики Василей Дмитріевичь всея Руси, пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сот-

[1] Ссорить.

ского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе Земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую Землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ двинскихъ бояръ, и мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ великаго князя.....

5. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ, нолны до чеклого [1]) татя; и отъ того намѣстникомъ и дворяномъ [2]) не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного [3]); а вдругіе уличатъ, продадутъ [4]) его не жалуя; а уличатъ втретьие, ино повѣсити; а татя всякого пятнити.

6. А самосуда четыре рубли: а самосудъ то: кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собе посулъ возьметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ...

10. А отъ печати намѣстникомъ по три бѣлки; а дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки; а сотскому и подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржи у гостя.

11. А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ.

13. А надъ кѣмъ учинятъ продажу силно [5]), а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ князю великому велѣти намѣстнику стати передъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ.

14. А гостю Двинскому гостити въ лодьяхъ, или на возѣхъ: съ лодіи на Устюзѣ намѣстникомъ два пуза соли, а съ воза двѣ бѣлки, а того болѣе намѣстники не емлютъ у нихъ, ни пошлинники ничего; а на Вологодѣ дадутъ съ лодіи два пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлютъ у нихъ ничего; а въ лодіяхъ или на возѣхъ коли поѣдутъ, и намѣстници Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не имаютъ.....

16. А куда поѣдутъ двиняне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ въ великомъ княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлины. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ, или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене отъ великаго князя въ казни.

(Владимирскій - Будановъ. Хрест. по ист. рус. права II.)

[1]) До искомаго вора.

[2]) Дворовые слуги при намѣстникѣ.

[3]) Оштрафовать сообразно съ цѣнностью украденнаго.

[4]) Конфискація.

[5]) Сверхъ мѣры.

---

61. Правило на обидящихъ церкви.

(Приписывается V-му вселенскому собору.)

Великаго сего нашего града и съ пресвятыми архиепископы 160 и 5 се полаганье писаньемъ предаемъ (на) обидѣвшая Божья церкви. Иже бо кто явиться неистовьствуя на святыя Божия церкви и на священыя власти ихъ, даное Богови въ наслѣдье вѣчныхъ благъ и на память послѣдняго рода, обидящи власти тѣми даемо, безаконно отимая села и винограды; аще кто и сану преобидѣти начнетъ, или суды всхищати церковная (и) оправдашія, или привлачающе насильемъ епископа и попа и дьякона и всякого, просто рещи, священничьскаго чина, или манастыремъ даное грабленьемъ и насильемъ дѣя и отимая отъ нихъ все даное, даемое Богови, аще кто изобрящеться се творя, негодованье и неродство творя и бещинье велье, мятыи святыми церквами, четверицею да вдасть паки въспять церковное. Аще ли саномъ

гордящiися негодовати начнуть нашего повелѣнья, истинному правилу непокорящеся святыхъ Отець, въ какомь сану но буди въ васъ, или воевода, воеводьства чюжь, или воинъ, воиньства чюжь. Паки аще вельемь негодованьемь начнуть негодовати, забывъ вышнiй страхъ, оболкъшеся въ бестудье, повелѣваеть наша власть тѣхъ огнемь сжещи; домы же ихъ святымъ Божьимъ церквамъ вдати, ихже обидѣша. Аще ли самый вѣнецъ носящий тояже вины послѣдовати начнуть, надѣющися богатствѣ и благородьствѣ, а истоваго неродяще и не отдавающе, еже обидѣша святыя Божья церкви или монастыри, прежереченою виною да повинни будуть; по святыхъ же правилѣхъ, да будуть прокляти въ сий вѣкъ и въ будущий.

(Рус. Ист. Библ. VI. № 15.)

---

62. Грамота константинопольскаго патрiарха Антонiя къ великому князю московскому Василiю Дмитрiевичу 1393 г.

Благороднѣйшiй великiй князь московскiй и всея Руси, во Святомъ Духѣ дражайшiй сынъ нашей мѣрности, куръ Василiй: благодати, мира, милости, здравiя душевнаго и тѣлеснаго, благословенiя и всего добраго и спасительнаго проситъ твоему благородiю мѣрность наша у Вседержителя Бога...

Наша мѣрность, считая тебя своимъ нарочитымъ сыномъ и другомъ и близко принимая къ сердцу все, благопрiятное для твоей души, чести и власти, ставитъ себѣ непремѣннымъ долгомъ исполнять всякую благословную, справедливую и согласную съ канонами просьбу твоего благородiя. Такъ мы и дѣлаемъ: ибо мы—блюстители божественныхъ законовъ и кановъ, и обязаны такъ дѣйствовать по отношенiю ко всѣмъ христiанамъ, въ особенности же по отношенiю къ великимъ людямъ—князьямъ народовъ и мѣстнымъ властителямъ, каково твое благородiе.... А какъ я поставленъ всеобщимъ учителемъ для всѣхъ христiанъ, то на мнѣ лежитъ непремѣнный долгъ, въ случаѣ когда услышу о твоемъ благородiи что-либо такое, что вредитъ твоей душѣ, писать тебѣ объ этомъ, какъ твой отецъ и учитель, наставляя и убѣждая тебя къ исправленiю; а ты, какъ христiанинъ и сынъ церкви, обязанъ исправиться.

За что ты показываешь пренебреженiе ко мнѣ, патрiарху, и не воздаешь мнѣ той чести, какую воздавали (прежнимъ патрiархамъ) твои предки, великiе князья, напротивъ—неуважительно относишься и ко мнѣ, и къ моимъ людямъ, которыхъ я туда посылаю, такъ что они не получаютъ у васъ той чести и мѣста, какое всегда имѣли патрiаршiе люди? Ужели ты не знаешь, что патрiархъ занимаетъ мѣсто Христа, отъ Котораго и посаждается на владычномъ престолѣ? Не человѣка ты уничижаешь, но самого Христа!...

Съ огорченiемъ слышу еще, что твоимъ благородiемъ сказаны нѣкоторыя слова и о высочайшемъ и святомъ самодержцѣ-царѣ. Говорятъ, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя въ диптихахъ, [1]) то-есть хочешь дѣла совершенно невозможнаго, и говоришь: „мы де имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ“. Это не хорошо. Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другiе, помѣстные князья и государи. Цари въ началѣ упрочили и утвердили благочестiе во всей вселенной; цари собирали вселенскiе соборы; они же подтвердили своими законами со-

---

[1]) Диптихи—поминальные стихи, какъ за умершихъ, такъ и за живыхъ.

блюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей; наконецъ, цари, вмѣстѣ съ соборами, своими постановленіями опредѣлили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ и установили границы митрополичьихъ округовъ и епископскихъ епархій. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и землю царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мѵромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то-есть всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, — и, тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане; и если язычники [1]) окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужитъ для нихъ урокомъ смиренія и заставитъ ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такою силою, поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и мѣстные князья? Вотъ и земля твоего благородія часто страдаетъ и терпитъ набѣги и опустошенія отъ нечестивыхъ [1]), но несправедливо было бы намъ презирать за это твое благородіе....

Итакъ, нѣтъ ничего хорошаго, сынъ мой, если ты говоришь: „мы имѣемъ церковь, а не царя“. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію Божіею, есть (государь) православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви; поэтому невозможно быть архіереемъ и не поминать его (имени).

Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Бога бойтеся, царя чтите“,— не сказалъ „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но „царя“, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это царя повелѣваетъ чтить апостолъ? — Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ... — Если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоиваютъ себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія, (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ, какіе Отцы, какіе соборы, какіе законы говорятъ о тѣхъ (царяхъ)? Но все, и сверху и снизу, гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не-чье либо другаго...

(Рус. Ист. Библ. VI. Вторая половина, № 40.)

[1]) Турки.

[1]) Отъ татаръ.

63. Посланіе великаго князя Василія Васильевича константинопольскому патріарху Митрофану, объ отступленіи отъ православія митрополита Исидора, съ требованіемъ согласія на поставленіе другого митрополита, по избранію и рукоположенію русскихъ епископовъ (1441 г.).

Святѣйшій мой владыко и отче, и вселеньскій патріарше, правителю душь православнаго христіаньства! Сынъ святого ти владычьства, великій князь московьскій и всея Руси Василіе, достойное поклоненіе творитъ святому ти владычьству.....

Благодатію Божіею, земля наша и сущихъ окрестъ насъ братій нашихъ, великихъ князей дрьжавы, и помѣстныхъ князей и начялниковъ, елико кто подъ собою имѣетъ, вси суть въ благочестіи и въ православнѣй вѣрѣ христіаньстѣй живущи..... По преставленіи же... отца нашего... преосвященнаго митрополита Фотіа, за нужу поганьскаго на ны нашествіа и межуусомьныхъ ради браній, и христіаньскаго ради устроеніа и духовныа ползы, понудихомъ ити къ вамъ Іону, епископа рязаньскаго, мужа суща духовна и въ добродѣтелнѣмъ житіи отъ младеньства многа лѣта поживъша; послахомъ же съ нимъ и посла нашего, честнѣйшаго боярина нашего Василіа, съ прошеніемъ къ святому царю и святѣйшему патріарху и божественному священному сбору, съ грамотами нашими, и словомъ есмы къ вамъ наказали, дабы намъ того епископа Іону поставили на митрополію. Не вѣмы же убо, за кое дѣло нашего прошеніа не пріали, ни грамотамъ нашимъ, ни послу нашему, ни нашимъ посланымъ съ нимъ словесемъ не вняша, того намъ епископа Іону на митрополію не поставили, и тому есмы не вмалѣ подивилися, что ради сіе къ намъ таково бысть, и въ размышленіи быхомъ, или за помедлѣніе нашего посланіа, или свое высочяйшее поставивше, тако сотвориша.

И о комъ ни послахомъ, ни паки кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послаша, а реку, сего Исидора. И Богу вѣдомо, аще не быхомъ того нашего изначялнаго православнаго христіаньства соблюдали и страха Божіа аще не быхомъ въ сердци имѣли, то никакоже не хотѣхомъ его пріяти отьинудь: но за царскаго посла моленіе и за святѣйшаго патріарха благословеніе, а за оного сокрушеніе и многое покореніе и челобитіе, едва едва пріахомъ его. Егда же понуди насъ покореніе его многое и челобитіе, и пріахомъ его, яко отца и учителя, съ многою честію и благимъ усердіемъ, по прежнему, якоже и онѣхъ преднихъ святѣйшихъ митрополитовъ нашихъ русскыхъ, мняще, яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напреди хощетъ отъ него кое дѣло быти. А надѣемся, то все повѣдалъ вамъ царьскый посолъ. И якоже прііде къ намъ предиреченный сей Исидоръ, и отъ прьваго дне начятъ тщатися къ сборному путьшествію; и колико възбраняхомъ ему, да не поидетъ, онъ же начятъ извѣты сицевы творити, глаголя: „яко не мощно ми есть, да не пойду; аще бо не пойду, имамъ отъ святѣйшаго патріарха, вмѣсто благословленіа, клятву пріати; понеже убо прежьній азъ есмь ходатай бываемому сбору, и нужа имамъ всячески пойти, яко и рукописаніе свое дахъ на себе, еже пойду“. И яко не възмогохомъ увѣщати его и отъ путнаго шествіа възбранити, и много паки глаголахомъ ему о сихъ: „аще же убо пойдеши, и паки аще имаши възвратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, еже пріахомъ отъ прародителя нашего, великаго оного Владимира, еже держитъ великаа сборнаа

и апостольскаа Божіа церьковь гречьскаа; и ино, странно и ново и чюже отъ тоя сборныя церкве, не приношай къ намъ; понеже аще и принесеши что ново, то непріатно[1]) будетъ намъ то". Онъ же и съ клятвою обѣщася, якоже не принести ему нова и странна ничтоже.

Нынѣ же пріиде къ намъ, многа странна и чюжа принесе въ наше православное христіаньство, чрезъ божественаа и священнаа правила святыхъ Апостолъ и богоносныхъ Отець и чрезъ божественое законоположеніе... Принесе же къ намъ и отъ римъскаго папы писаніа... Самъ же убо сей Исидоръ во своихъ ему когда грамотахъ, идѣже посылаа, писааше, нарицаа себе легатоса отъ ребра апостольска сѣдалища, лятьскаго и литовьскаго и нѣмецскаго, и запечатлѣяше писаніа своя зелеными запечатлѣнми, и предъ собою повелѣваше распятіе латыньски изваанно носити, обѣ позѣ единѣмь гвоздемъ пригвоздѣнѣ, по всему латыньскіе обичяя въспріемъ держаше; еще же и въ двѣ церькви, нашіа же убо православныя и латыньскіа, еже въ лятьской земли и въ литовьской и въ нѣмецской, отъ папы благословеніе пріатъ, рече, учителемъ и настоятелемъ себе называше, злочестивнѣ двоеженьствуя; еще же и помяновеніе папина имене въ святѣй нашей сборнѣй и велицѣй церкви въ служеніи своемъ сътвори; къ сему же подда и поработи насъ подъ отлученную, многихъ ради ересей, святыми и богоносными Отци римьскую церковь и римьскаго папу...

Мы же убо сіа слышавше и видѣвше, подвигохомся[2]) преже, потомъ же надежу возложивше на неизреченныя судбы Божіа и благодаривше человѣколюбіе его, созвахомъ боголюбивыя епископы отечьства нашего, елици обрѣтошася въ тое время близъ насъ,.. и повелѣхомъ имъ възрѣти въ таа божественая и священаа правила,... и тое принесенное его отъ папы посланіе повелѣхомъ прочитати намнозѣ. И явися всѣмъ (намъ)... — яко чюже есть и странно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло и прихоженіе. И того ради послахомъ къ святому царю и къ святѣйшему ти владычьству, и ко всему божественому и священному сбору пословъ нашихъ; а съ ними послахомъ и тое писаніе папино, писано по латынѣ и по вашей гречьской грамотѣ, еже принесе къ намъ Исидоръ, за папиною печатію. И просимъ святѣйшее ти владычьство, да съ святымъ царемъ и со всѣмъ божественымъ и освященнымъ сборомъ, възрѣвше въ святаа ваша и божественаа правила гречьскаа и во оно папино посланіе, и разсудивше, и за нужу далечнаго и непроходнаго путюшествіа, и за нахоженіе на наше христіаньство безбожныхъ агарянъ, и за неустроеніе и мятежи еже въ окрестныхъ насъ странахъ, и господарей умноженіа, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставленіе митрополита....

И того ради просимъ святое ти владычьство..... Събравше въ отечьствіи нашемъ, въ рустѣй земли, боголюбивыя епископы отечьства нашего, и по благодати Святаго Духа избравше кого человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да поставятъ намъ митрополита на Русь: понеже и преже сего, за нужу, поставленіе въ Руси митрополита бывало....

(Рус. Ист. Библ. VI. № 62.)

---

[1]) Не пріемлемо.

[2]) Подивихомся?

64. Духовная грамота Великаго Князя Симеона Іоанновича (въ монашествѣ Созонта) 1353 г.

Во имя Отца и Сына и святого Духа. Се язъ худый грѣшный рабъ Божий Созонтъ, при своемъ животѣ, цѣлымъ своимъ умомъ, пишу грамоту душевную. Даю рядъ своей Княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти своему Дядѣ Василью. А по Бозѣ приказываю своей братьѣ Князю Ивану и Князю Андрѣю свою Княгиню и своего... и свои Бояре; положилъ есмь на Бозѣ и на васъ на своей братьи, тако имете блюсти по нашему докончанью, како тогды мы цѣловали крестъ у Отня гроба.

А чимъ мя благословилъ Отець мой Князь Великий, Коломна съ волостми и съ селы и зъ бортью, Можаескъ съ волостми и съ селы и зъ бортью, Заячковъ, что мя благословила тетка моя Княгини Анна, и Гордошевичи; а въ городѣ на Москвѣ жеребей мой тамги; а села на Москвѣ въ городьскомъ уѣздѣ: село Напрудьское, село Новое на Купавнѣ, село Островьское, село Оршиньское, село Малаховьское, село Копотеньское, село на Клязмѣ Остафьевское, село Илмовьское, село на Клязмѣ Хвостовьское, село Дейгуниньское, село на Сулишинѣ погостѣ; а въ Перьяславлѣ купля моя: село Самаровьское, село Романовьское на Кержачѣ, село Оршаковьское въ Юрьевское волости, село Семеновьское Володимерьское волости, что есмь купилъ у Овци у Ивана, село на Костромѣ Олександровьское, село въ Дмитровѣ, что есмь купилъ у Ивана у Дрюцьского, и Заберегъ, что есмь купилъ у Семена у Новосильского, или буди чего забылъ написати своее купли и участка, чимъ мя благословилъ Отець мой; такоже и про золото, чимъ мя благословилъ Отець мой, и что буди примыслилъ при своемъ животѣ золота ли, женчугу ли, то все далъ есмь своей Княгинѣ. А исъ конь изъ своихъ изъ ѣздовныхъ велѣлъ есмь дати своей Княгини пятьдесятъ конь; а и стадъ изъ моихъ моей Княгинѣ стадо Коломеньское, другое стадо Дѣтино Ивашьково. А что есмь писалъ въ сю грамоту, то есмь все далъ своей Княгини, ать молить Бога, а душу мою поминаеть до своего живота. А что буди судилъ когда Великомъ Княженьѣ и вотчинѣ въ своей на Москвѣ, или мои Бояре, или Боярьскиѣ люди; а того вы, братья моя, не восчинайте. А хто моихъ Бояръ иметь служити у моее Княгини, а волости имуть вѣдати, дають Княгинѣ моей прибытка половину. А что моихъ людий дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будеть въ винѣ досталъ, такоже мои тивуни, и посельскиѣ, и ключники и старосты, или хто ся будеть у тыхъ людий женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо; а братьѣ моей, ни моей Княгинѣ тѣ люди не надобны. А сю грамоту писалъ есмь передъ своими отци, передъ Владыкою Володимерьскимъ передъ Олексѣемъ, передъ Владыкою Переяславьскимъ Офонасеемъ, передъ Владыкою Коломеньскимъ Офонасьемъ, передъ Архимандритомъ Петромъ, передъ Архимандритомъ передъ Филимономъ, передъ своимъ отцемъ душевнымъ попомъ Евсевьемъ; а все есмь се положилъ на Бозѣ, и на своей братьѣ на Князи на Иванѣ и на Князи на Андрѣи.

А по Отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы есте людий не слушали, и хто иметь васъ сваживати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексѣя, такоже старыхъ Бояръ, хто хотѣлъ Отцю нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителий нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла. А хто сю грамоту иметь

рушити, судить ему Богъ въ семь вѣцѣ и въ будущемъ.

Къ сей Грамотѣ привѣшены три печати, изъ коихъ первая серебреная позолоченная, а другія двѣ восковыя.

(Собр. Гос. Грамотъ и Дог., т. I, № 24.)

---

65. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялося въ Ордѣ
Передѣялось въ Большой,—
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;—
Суды разсуживаетъ,
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ—
Любимаго шурина
Щелкана Дюдентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ
Дани, невыходы, царски не выплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ;—
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возметъ:
У котораго дитя нѣтъ
У того жену возметъ;
У котораго жены то нѣтъ,
Того самаго головой возметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани выходы,
Царски невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота;
Она тѣмъ узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи“.
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколитко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія:
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою;
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи“...—
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣтъ

Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую,
А немного онъ судьею сидѣлъ:
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобы приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ ево разорвали.
Тутъ смерть ему случилася.
Ни на комъ не сыскалося.

(Пѣсни собр. П. Кирѣевскимъ II).

---

66. Слово о Великомъ Князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая.

(Задонщина).

...Взыдемъ на горы Кіевскія и посмотримъ съ ровнаго Нѣпра по всей земли Руской, и оттоля на восточную страну, жребій Симовъ сына Ноева, отъ него же родися Хиновя поганые, Татаровя, Бусормановя. Тѣ бо на рѣкѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ, и оттоля Руская земля сѣдитъ не весела, а отъ Калатьскія рати до Мамаева побоища тугою и печалію покрышася...

Снидемся братія и друзи и сынове рускіи составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, и воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а в. кн. Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владимеру Андреевичу. И рцемъ такое слово: лудчи бы намъ, брате, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки Святого великого князя Владимера Кіевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ, не проразимся мыслію но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вещаннаго боярина [1]) горазна гудца въ Кіевѣ. Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша рускимъ княземъ славу, первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичу и в. кн. Владимеру Всеславьевичю кіевскому и в. кн. Ярославу Володимеровичю...

Оле! жаворонокъ лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу в. кн. Дмитрею Ивановичу и брату его кн. Владимеру Андреевичу. Ци буря соколы снесетъ изъ земля Залѣскія въ полѣ Полотское! На Москвѣ кони ржутъ, звѣнитъ слава по всей земли Руской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стези у Дунаю (Дона) великого на брезѣ, звонятъ въ колоколы вѣчныя (вѣчевые) въ В. Новѣгородѣ. Стоятъ мужи новгородскіе у Софѣи премудрые, а ркутъ тако: уже намъ, брате, не поспѣть на посопь [2]) къ в. кн. Дмитрею Ивановичу; и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли слетѣшась;

---

[1]) Баяна?
[2]) На пособь.

то ти были не орли слетѣшася, выѣхали посадники изъ великого Новагорода 7000 войска къ в. кн. Дмитрею Ивановичу и къ брату его кн. Владимеру Андреевичу...

Тогда Князь Великій наступаетъ на рать силу Татарскую и гремятъ мечи булатные о шеломы Хиновскіе, и поганые Бусорманы покрыша главы своя руками своими; тогда поганые борзо отступиша. И отъ в. кн. Дмитрея Ивановича стези ревутъ, а поганые бѣжатъ, а рускіе князи и бояры и воеводы и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша, и злачеными доспѣхами освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь; тогда Князь Великій Дмитрей Ивановичь и братъ его кн. Владимеръ Андреевичь полки поганыхъ вспять поворотили; и нача ихъ бусормановъ бити и сѣчи горазно безъ милости, и князи ихъ падоша съ коней загремѣли, а трупьми татарскими поля насѣяша, и кровію ихъ рѣки протекли. Туто поганые разлучишася розно, и побѣгше неуготованными дорогами въ лукоморье, скрегчюще зубами своими доруши [1]) лица своя; а ркуще такъ: уже намъ брате въ земли своей небывать и дѣтей своихъ невидать, а въ Русь ратью намъ нехаживать, а выхода намъ у Рускихъ людей не прашивать;... уже бо веселіе наше пониче; уже бо Рускіе сынове разграбиша татарскія узорочья, и доспѣхи и кони, и волы, и верблюды, и вино, и сахаръ дорогое узорочіе, уже жены русскіе восплескаша татарскимъ златомъ...

(Временникъ М. О. И. и Д. Р. 1852 г., книга XIV).

1) Дерущи?

67. Путешествіе инока Симеона Суздальца въ Италію (XV в.) [1]).

1. Любекъ.

А изъ корабля Исидоръ пошелъ въ понедѣльникъ, мѣсяцъ мая 19 дня, на память св. Патрікія, и дошедше ему до пристанища, срѣтоша его ратманы и посадники. Отъ славнаго города Любека моремъ тысяча верстъ, а берегомъ полторы тысячи. И приведоша двадесять возовъ и сѣдохомъ на возы, и поидохомъ ко граду и приближившуся къ городу, и срѣтоша весь градъ и много народа.

И видѣхомъ градъ вельми чуденъ, и поля бяху и горы велики и садове красны; и палаты вельми чудны, съ позлащенными верьхами; и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны; и товара въ немъ много всякаго; и воды приведены въ него, и текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, и студены и сладки. Ходящу на праздникъ Вознесенія по божницѣ, и видѣхомъ сосуды священные золотые и серебрянные и мощей святыхъ множество. И ту пріидоша мниси и начаша звати господина, чтобы ихъ монастырь посмотрѣлъ. Онъ же пойде. И показаша ему сосудовъ священныхъ несчетное множество, и ризъ другихъ золотыхъ множество, съ каменіемъ драгимъ и съ жемчугомъ, и прошвы.

А житье нѣсть яко наше, но инако и увидѣхомъ ту мудрость недоумѣнну и несказанну: яко жива стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на руцѣ младенечнимъ образомъ; се бо яко зазвѣнитъ колокольчикъ, и слетаетъ Ангелъ съ верху и сноситъ вѣнецъ въ рукахъ, и положитъ на Пречистую, и пойдетъ звѣзда яко по небу, и на звѣзду зряху, идутъ волсви три, а предъ ними чело-

1) (Описаніе путешествія митр. Исидора на соборъ Флорентинскій 1439 г. Симеонъ—спутникъ Исидора въ этомъ путешествіи).

вѣкъ съ мечемъ, а за нимъ человѣкъ съ дарами. И внесоша дары Христу, злато ливанъ и смирну, и пріидоша къ Христу и Богородицѣ, и поклонишась. И Христосъ обратяся, благослови ихъ, хотяще руками взяти дары, яко дитя, играя у Богородицы на рукахъ; она же поклонишась и отдаша; и Ангелъ же возлетитъ горѣ, и вѣнецъ взя.

И введоша насъ, идѣ же лежатъ книги и видѣхомъ болѣе тысячи книгъ и всякаго добра неизреченнаго, и всякія хитрости, и палаты чудны вельмы. И введоша насъ въ трапезу свою, и несоша вина различныя; и ту даша ему честь велику. И вопроси мя единъ о имени, и азъ повѣда ему, яко Симеонъ инокъ изъ Суздаля града, и той мнѣ принесе вина и яства, и удоволихъ меня. И ту видѣхомъ на руцѣ устроено колесо, около его яко десять сажень, воду емлетъ изъ рѣки, и пущаетъ на всѣ страны; и на томъ же валу колесо мало, ту же мелетъ и сукна тчетъ красныя. Ту же видѣхомъ два звѣря люты въ палатѣ и у окна перекованы сидятъ желѣзомъ...

2. Флоренція.

И пріѣхалъ Исидоръ во славный градъ Флоренцію мѣсяца Февраля въ 4 день, а Патріархъ въѣхалъ мѣсяца того же въ 17 день, а Царь въѣхалъ того дня.

Градъ Флоренція великъ вельми, и таковаго не обрѣтохомъ во преждеписанныхъ градѣхъ. Божницы въ немъ вельми красны и велицы, и палаты тѣ устроены бѣлымъ каменіемъ вельми высоки и хитры. А по середи града того течетъ рѣка велика и быстра вельми, и съ обѣ стороны устроены палаты. Есть же во градѣ томъ лечебница велика и есть въ ней за тысячу кроватей, и на послѣдней кровати перины чудны съ одѣялы, драгія. Ту же есть устроена хасрадъ, а по нашему рекше богодѣльня, немощнымъ и пришельцамъ страннымъ иныхъ земель, тѣхъ же болѣ и кормятъ, и одѣваютъ, и обуваютъ, и держатъ честно; а кто ся оможетъ, той ударя челомъ граду, и пойдетъ хваля Бога. И по средѣ лечебницы устроена служба, и поютъ на всякъ день...

Въ томъ же градѣ дѣлаютъ камки и аксамиты со златомъ; товару же всякаго множество, и садовъ масличныхъ, изъ тѣхъ маслицъ обдѣлываютъ деревянное масло. И есть во градѣ тамъ икона чудотворна: образъ Пречистыя Божія Матери, и есть предъ иконою тою, въ больницѣ, исцѣлевшихъ людей за шесть тысячь доспѣты вощаны, во образъ людей тѣхъ: аще кто застрѣленъ, или слѣпъ, или хромъ, или безъ рукъ, или великъ человѣкъ на кони пріѣхалъ; или старъ, или младъ, или жена, или дѣвица, или отроча, или каково портище было на немъ, или недугъ каковъ въ немъ былъ, и како его простило, или какова язва, такъ ту и стоитъ доспѣтъ. И ту во градѣ же сукна скорлатныя дѣлаютъ.

Ту же видѣхомъ древніе кедры и кипарисы; кедръ какъ Русская наша сосна много походитъ, а кипарисъ корою яко липа, а хвоею яко ель, но мало хвоею, кудрявая, мягка, а шишки походили на сосновыя. И есть во градѣ томъ Божница устроена велика, камень мраморъ бѣлъ, да черпъ; и у божницы той устроенъ столпъ и колокольница, тако-жъ бѣлый камень мраморъ, и хитрости ей недоумѣваетъ умъ нашъ. И ходихомъ во столпъ той вверхъ по лѣстницѣ и сочтохомъ ступени четыреста и пятьдесятъ.

Въ томъ градѣ видѣхомъ лютыхъ звѣрей 22. А около того града стѣна потянулась на шесть большихъ поприщъ. Въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковые; да и то видѣхомъ какъ червь емлютъ съ нихъ.

(Сахаровъ. Сказанія рус. народа II.)

68. Уставная грамота новгородскаго князя Всеволода Мстиславича церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ.

(Ок. 1135 г.).

Се азъ князь великіи Гаврилъ, нареченныи Всеволодъ, самодрьжецъ Мьстиславичь, внукъ Володимирь, владычествующю ми всею Рускою землею и всею областью Новгороцкою, Божіимъ благоволеніемъ поставилъ есми церковъ святыи великыи Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ; и устроилъ есми ю иконами многоцѣннами, и евангеліемъ многоцѣннымъ, и всѣми книгами исполнь, устроилъ есми попы и дьяконы въ сборной великой церкви. И даю святому великому Ивану, отъ своего великоимѣнія, на строеніе церкви и въ вѣкы, вѣсъ вощаной, а въ Торжку пудъ вощаной, половина святому Спасу, а половина святому великому Ивану на Петрятино дворище; а оброка попомъ, и дьякону, и дьяку, и сторожамъ изъ лѣсу вощаного имати: попомъ по осми гривенъ серебра; а дьякону четыре гривны серебра, а дьяку три гривны серебра, а сторожамъ три гривны серебра; а имати имъ той оброкъ и въ вѣкы, на всякій годъ, по моему данью великого князя Всеволода. А попомъ пѣти у святаго Ивана вседенная, у святаго Захарьи на полатѣхъ пѣти по недѣлямъ, и въ вѣкы; а дьякону пѣти у святаго Ивана субота да недѣля, изъ того оброка, и въ вѣкъ. И язъ князь великіи Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцевъ два старосты, управливати имъ всякіе дѣла Иванская, и торговая, и гостинная, и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступатца, и инымъ посадникомъ, въ Иваньское ни въ чтоже, ни бояромъ Новгороцкымъ.

А кто хочетъ въ купечество вложиться въ Иванское, дастъ купцемъ пошлымъ вкладу пятдесятъ гривенъ серебра, а тысяцкому сукно Ипьское [1]), ино купцамъ положить въ святыи Иванъ полътретьядцать гривенъ серебра; а не вложится кто въ купечество, не дастъ пятдесятъ гривенъ серебра, ино то не пошлый купець, а пошлымъ купцемъ ити имъ отчиною и вкладомъ [2]). А вѣсити имъ въ притворѣ святаго Ивана, гдѣ дано, ту его и дрьжати; а вѣсити старостамъ Иваньскимъ, двѣма купцемъ пошьлымъ, добрымъ людемъ; а не пошлымъ купцемъ старошеніа не дрьжати, ни вѣсу имъ не вѣсити Иваньского. А у гостя имъ имати: у Низовьского отъ дву берковска вощаныхъ полъгривнѣ серебра да гривенка перцю, у Полоцкого и у Смоленьского по двѣ гривны кунъ отъ берковъска вощаного, у Новоторжанина полторы гривны отъ берковьска вощанаго, у Новгородца шесть мордокъ отъ берковска вощаного. А куны имъ класти святаго великаго Ивана въ домъ, что вывѣсятъ, по правому слову; а Новгородцю не вѣсити ни на которого гостя. А по моемъ животѣ великого князя Всеволода, стояти за домъ святаго великого Ивана брату моему великому князю всея Русіи, и владыцѣ Новгороцкому, и старостамъ купецькимъ и купцамъ, и за вся церковникы святаго Ивана; а взять князю великому изъ вѣсу вощаного полътретьядцать гривенъ серебра черезъ годъ.

А праздникъ Рожество святаго великого Ивана почесть створити и праздновати старостамъ купецкимъ и купцамъ, а имати старостамъ купецкимъ и куцемъ изъ вѣсу изъ вощаного на полътретьядцать гривенъ серебра, на всякый праздникъ святаго Ивана и въ вѣкъ, а старостамъ купецкимъ свя-

---

[1]) Ипрское (отъ города Ипръ).

[2]) Званіе пошлаго купца передается по наслѣдству.

таго великого Ивана ставити на праздникъ святаго Ивана семьдесять свѣчь, и темьянъ и ладанъ. А пѣти въ праздникъ владыцѣ, а старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыцѣ гривна серебра да сукно Ипьское; а на завтрѣе пѣти апхимандриту святаго Егоргіа, а взять ему полгривнѣ серебра; а на третей день пѣти игумену святѣй Богородици изъ Оньтонова манастыря, взять ему полъгривнѣ серебра.

И язъ князь великіи Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ святаго великого Ивана Петрятино дворище съ купець въ Руси, на память княземъ великымъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купець тая старина и въ вѣкы: съ Тверского гостя, и съ Новгородцкого, и съ Бѣжицкого, и съ Деревьского, и съ всего Помостья [1]). А буевице Петрятино дворищее отъ прежнихъ дверей святаго великого Ивана до погреба, отъ погреба до Концаньского мосту; а того буевища имати куны старостамъ Иваньскимъ и старостамъ Побереским, а класти куны въ домъ святаго великого Ивана. А поповъ святаго великого Ивана, и дьякона и дьяка, и сторожовъ призирати старостамъ Иваньскимъ и купцамъ и старостамъ Побереским и Побережаномъ. А въ дому святаго Ивана не дръжати никому ничегоже, но развѣе свѣчи и темьяна. А городу, ни владыцѣ, ни боярамъ вѣсу не отъимати у святаго великого Ивана, ни продавати [2]) моего данья великого князя Всеволода; а кто почнетъ вѣсъ отъимати, или продавати, или домъ обидити святаго великого Ивана и святаго Захарьи, на того Спасъ и Пречистая и святыи великыи Иванъ, будетъ имъ тма, и съблазнь и казнь Божія.

(Владимирскій Будановъ. Хрестом. по ист. рус. права I.)

[1]) Область по рѣкѣ Мстѣ.
[2]) На откупъ.

69. Договоръ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ.

(1270 года).

Я, князь Ярославъ, князя Ярослава сынъ, съ посадникомъ Павломъ, съ тысячскимъ—господиномъ Ратиборомъ, со старѣйшинами и со всѣми Новгородцами и съ Нѣмецкимъ посломъ Генрихомъ Вулленпундъ изъ Любека, съ Лудолфомъ Добрике и съ Якомомъ Куринге—Готландцами, разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали нашу правду, согласно съ вашими письмами, для васъ, Нѣмецкихъ сыновъ и Готландцевъ и всѣхъ Латинскихъ языковъ.

1. (Подписали) Старый миръ о пути къ Невѣ, между Кетлингеномъ (Котлиномъ) и Новгородомъ и опять отъ Новагорода до Кетлингена, такъ, что если гостю тамъ что-либо приключится, то за это должны отвѣтствовать лѣтнему гостю князь съ Новгородцами, а гости зимніе должны пріѣзжать съ порукою князя, посадника и всѣхъ Новгородцевъ, согласно съ прежнимъ миромъ, безъ всякихъ препятствій, и должны брать, согласно съ прежнимъ миромъ, Новгородскаго пристава и Новгородскихъ купцовъ; а если они Новгородскаго пристава не возьмутъ, и имъ что-либо приключится между Новымъ-городомъ и Кетлингеномъ, то князю и Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ; если же Новгородцы пристава не вышлютъ, а ихъ купцы не выѣдутъ, и Нѣмцы отправятся безъ пристава, то должны ѣхать безпрепятственно къ Кетлингену, согласно съ прежнимъ миромъ...

II. Когда гость прибудетъ въ Неву и будетъ имѣть нужду въ деревѣ или мачтѣ, то имѣетъ право рубить таковыя по обоимъ берегамъ воды, гдѣ хочетъ.

IV. Когда Нѣмцы и Готландцы придутъ въ Волховъ къ порогу, то лоц-

маны должны перевозить ихъ безостановочно и брать съ нихъ столько, сколько брали издавна, но не болѣе.

V. И когда такимъ образомъ гость пріѣдетъ вверхъ, въ Гестевельдъ [1]), то долженъ платить (пошлинъ) столько, сколько платилось издавна, но не болѣе.

VI. И лоцманъ, нанятый на проѣздъ по Невѣ внизъ и опять вверхъ, долженъ на харчъ получить пять марокъ кунъ, или одинъ окорокъ; а если онъ нанятъ отъ Новагорода до Альдагена и назадъ, то на харчъ (долженъ получить) три марки кунъ или польокорока.

IX. Извозчики въ Новѣгородѣ должны получать съ каждой, отъ берега въ Новгородъ приводимой барки—ко двору Нѣмецкому 15 кунъ, ко двору Готландскому—10 кунъ; а съ отходящихъ—до полумарки кунъ съ каждой барки.

X. Если Новгородецъ сдѣлаетъ долгъ въ Готландіи, то его (за оный) нельзя посадить въ погребъ (тюрьму). Равнымъ образомъ не должно дѣлать сего въ Новѣгородѣ Нѣмцамъ или Готландцамъ; также нельзя посылать къ нимъ бирича, ни брать ихъ за одежду, но съ каждой стороны должно требовать пристава тысячскаго,

XI. Если возникнетъ между Нѣмцами и Новгородцами ссора, то она должна быть покончена во дворѣ Св. Іоанна, при посадникѣ, тысячскомъ и при купцахъ.

XII. Если кто-нибудь придетъ въ Нѣмецкій дворъ съ обнаженнымъ оружіемъ и тамъ кого-либо ранитъ или похититъ товаръ, или въ Готландскій дворъ, и будетъ схваченъ, то его предать суду и судить по пошлинѣ.

XIII. Кто сломаетъ ворота или ограду, того должно судить по пошлинѣ.

XV. Если возникнетъ ссора во время лѣтняго поѣзда, то зимнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ; въ случаѣ ссоры въ зимнемъ поѣздѣ, лѣтнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ.

XVIII. Въ случаѣ вражды между Новгородцами и странами окрестными, гость долженъ безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ, такъ далеко, какъ простирается господство Новгородцевъ. Такъ, приходящій въ Неву долженъ итти далѣе по Невѣ; приходящіи сухимъ путемъ долженъ безпрепятственно этимъ путемъ ѣхать далѣе.

XX. Кто, вступивъ съ Нѣмцемъ или Готландцемъ въ торговыя дѣла, испортитъ или растратитъ его товаръ, долженъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, коимъ долженъ.

XXVI. Вѣсы и гири для серебра и для другаго товара, который на вѣсахъ вѣсится. должно держать ровно и правильно. Капь должна заключать въ себѣ вѣсу 8 ливонскихъ фунтовъ.

(И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами).

---

70. Скра [1]).

1. Древнѣйшая Скра XII—XIII в.

1. Да будетъ извѣстно и вѣдомо всѣмъ тѣмъ, кои здѣсь находятся и впредь сюда пріѣзжать будутъ, кои видятъ сію скру и слышатъ, что отъ всего Совѣта и по общему рѣшенію мудрѣйшихъ мужей изъ городовъ Нѣмецкой земли, предписано Правду, которая издревле соблюдаема была и существовала въ Новгородскомъ Нѣмецкомъ дворѣ, такъ блюсти и нынѣ всѣмъ тѣмъ, которые обыкновенно пріѣзжаютъ въ упомянутый дворъ водою и сухимъ путемъ.

2. Лѣтніе и зимніе гости, пріѣхавъ

1) Гостиннопольская пристань на р. Волховѣ.

1) Уставъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ.

въ Неву, обязаны изъ среды себя избрать ольдермановъ Двора и Св. Петра, кои къ тому способны; сіи ольдерманы двора тотчасъ получаютъ полную власть избрать себѣ четырехъ мужей въ помощники, кои кажутся имъ къ тому способными. Кто захотѣлъ бы отъ сего отказываться, тотъ платитъ Св. Петру марку серебра, а еслибы захотѣлъ и вовсе освободиться, то можетъ быть присужденъ къ большей пенѣ.

3. Ольдерманъ лѣтняго и зимняго поѣзда имѣетъ полное право выбрать для себя съ общиною домъ во дворѣ, гдѣ хочетъ. Еслиже нужно, то онъ имѣетъ полное право принять въ этотъ домъ, сколько ему угодно. Въ большой горницѣ, принадлежащей зимнимъ гостямъ, ольдерманъ имѣетъ право выбрать мѣсто для своего съ общиною пребыванія, гдѣ хочетъ. Еслиже нужно, то морскіе гости должны для сухопутныхъ податься въ комнатѣ, куда могутъ.

4. Если ольдерманъ отправляется во Дворъ или на совѣщаніе и кого-либо съ собою позоветъ, то послѣдній долженъ за нимъ послѣдовать, или заплатить ему марку кунъ.

5. Если ольдерманъ морскихъ гостей, прибывъ во дворъ, найдетъ ольдермана сухопутныхъ гостей, раньше его прибывшаго, то сей долженъ ему съ товарищами уступить. Если морскіе гости, по ихъ древнему обычаю, кинувъ о домахъ жребій, пріѣдутъ во дворъ и найдутъ сухопутныхъ гостей, прежде ихъ туда прибывшихъ, то они должны уступить имъ домы, о которыхъ они кидали жребій, и перейти въ другіе домы; еслиже нужно, то морскіе гости должны принять къ себѣ даже третій поѣздъ.

6. Когда собраніе объявлено, кто въ оное не явится, платитъ пять кунъ; но если собраніе объявлено подъ угрозою высшаго наказанія, то неявившійся въ оное платитъ десять кунъ; но если кто будетъ уличенъ, что онъ пренебрегаетъ являться въ собраніе, то платитъ пять ливонскихъ фунтовъ меду.

7. Никто не имѣетъ права привозить въ Новгородъ на счетъ Св. Петра какого-нибудь священника; священникъ, пріѣзжающій съ лѣтнимъ или зимнимъ поѣздомъ гостей, вступаетъ на мѣсто священника, котораго онъ тамъ находитъ; и этого, пріѣхавшаго съ лѣтнимъ или зимнимъ поѣздомъ, должны держаться всѣ, во дворѣ живущіе.

8. Зимніе гости должны своего священника содержать сами до двора. Когда онъ прибудетъ во дворъ, то ему тотчасъ должно изъ имѣнія Св. Петра дать пятьдесятъ марокъ кунъ, чтобы онъ самъ себя содержалъ. Когда вышесказанные зимніе гости обратно со двора отправятся, то должны опять содержать его сами.

9. Лѣтніе гости своего священника должны содержать сами, какъ во время дороги, такъ и во дворѣ; но одолженіе, которое кромѣ того захотятъ лѣтніе и зимніе гости оказать своему священнику, предоставляется ихъ произволу.

10. Всѣ комнаты во дворѣ, исключая большой, которая составляетъ принадлежность зимнихъ гостей, должны быть общія. Но комната, называемая дѣтскою [1]), если она свободна ко времени, когда сказанныя дѣти обыкновенно пьютъ, предоставляется для ихъ удовольствія; еслиже занята разностями [2]), то должны на это время ея лишиться для общей пользы.

19. Кто стражъ двора, тотъ долженъ стеречь дворъ, пока трехъ хозяевъ не будетъ въ постели, и собакъ въ надлежащее время обязанъ держать на привязи. Если собаки причинятъ комунибудь вредъ въ то время, когда онъ ихъ долженъ держать на привязи, то

---

[1]) Комната для служителей; дѣти—прислуга.

[2]) Разными вещами и товарами.

онъ самъ за это отвѣтствуетъ. Но если кто другой выпустить собакъ, а не стражъ двора, то выпустившій собакъ и отвѣтствуетъ за вредъ, который онѣ кому-либо причинятъ. Но, если собаки сорвутся съ цѣпей, то стражъ не отвѣтствуетъ.

20. Кто уклонится отъ стражи двора, приходящейся на его очередь днемъ или ночью, платитъ марку кунъ; также, кто долженъ ночевать въ церкви и не исполнитъ сего въ надлежащее время, платитъ марку серебра; и изъ за какого хозяина будетъ пренебрежена стража двора, или ночная, или церковная, тотъ за это и долженъ подлежать отвѣтственности. Гости сухопутные обязаны держать стражу двора и церкви наравнѣ съ морскими.

21. Еслибы кто былъ столь дерзокъ, что по собственному произволу пустилъ какого либо сухопутнаго гостя изъ страны во дворъ, безъ вѣдома и согласія ольдермана и его ратмановъ. тотъ платитъ десять марокъ серебра и даже долженъ отвѣчать за вредъ, который бы отъ того приключился.

22. Кто приходитъ съ зимнимъ поѣздомъ въ Неву на корабляхъ, тотъ долженъ заплатить дань Св. Петру со ста марокъ одинъ ферлингъ и хозяинъ [1]) одинъ ферлингъ наемной платы.

23. Кто съ лѣтнимъ поѣздомъ приходитъ въ Неву, тотъ долженъ заплатить дань Св. Петру со ста марокъ половину ферлинга наемной платы, а хозяинъ—марку кунъ. Кто съ лѣтнимъ поѣздомъ пріѣдетъ въ Неву и во дворъ, и, заплативъ подать лѣтнихъ гостей, останется на зимній поѣздъ, (долженъ еще уплатить подать зимнихъ гостей), все равно, продалъ ли товары или нѣтъ; равнымъ образомъ должны зимніе гости, если останутся до времени лѣтняго поѣзда, заплатить подать (лѣтнихъ гостей) и еще подать королевскую. Сухопутный гость долженъ заплатить половину подати и марку кунъ наемныхъ денегъ, то и другое, какъ зимній, такъ и лѣтній, и съ своего фунта одну шкуру (векшу) за всякій сдѣланный имъ поѣздъ, но подати королевской онъ платить не обязанъ, кромѣ одной зимою и одной лѣтомъ.

24. Нѣмецъ, пріѣзжающій изъ страны и причисляющій себя къ Нѣмцамъ, если проѣзжаетъ или возвращается, долженъ заплатить Св. Петру половину подати, но королевской подати вносить не обязанъ.

25. Никто не долженъ торговать въ церкви Св. Петра ни съ какимъ Русскимъ, ни съ Новгородцемъ, ни съ гостемъ; уличенный въ такой торговлѣ платитъ десять марокъ серебра.

26. Если кто либо, имѣя дѣло, состоящее въ какомъ нибудь разсчетѣ съ другимъ, отправится со двора безъ учиненія разсчета, и за нимъ пошлютъ судебныхъ служителей, то издержки, отъ того послѣдовавшія, падаютъ на того, кто бѣжалъ такимъ образомъ отъ другаго.

27. Кто, варя пиво, сожжетъ дрова, принадлежащія Св. Петру, платитъ полмарки кунъ; кто растопитъ воскъ въ котлѣ Св. Петра, платитъ двѣ марки говедъ (головъ куньихъ).

2. Изъ Дополненій къ Скрѣ XIV в.

63. Когда кто либо, по продажѣ другому сукна, будетъ имъ обвиняемъ, послѣ того, какъ сукно поступило въ его храненіе, въ томъ, что на suknѣ дыры, можетъ поклясться именемъ Святаго, что онъ этого не зналъ, и затѣмъ не долженъ доставлять ему никакого удовлетворенія за ущербъ.

81. Если между купцами во дворѣ о томъ или другомъ правѣ, которое письменно не постановлено, возникнетъ сомнѣніе, то должны довести о томъ до свѣдѣнія совѣта г. Любека; они охотно пришлютъ постановленіе о томъ, дабы приписать сіе въ книгѣ.

[1]) Мастеръ.

82. Сію правду должно также читать каждый годъ—однажды для лѣтнихъ гостей и однажды для зимнихъ, какъ она написана, съ начала книги до самаго конца,

85. Ольдерманъ и ратманы обязаны съ тѣми, коихъ они для того взять захотятъ, осматривать всѣ во дворъ прибывающіе товары, прежде нежели поступятъ въ продажу; подъ страхомъ пени въ десять марокъ серебра не должно, безъ предварительнаго осмотра, продавать никакого товара.

3. Изъ Дополненій къ Скрѣ конца XIV в.

95. Кому священникъ напишетъ письмо о дѣлахъ купеческихъ, тотъ долженъ дать ему три марки говедъ.

107. Подобно тому, какъ лѣтніе и зимніе гости имѣютъ право на клѣти и мѣста, и слуги ихъ должны имѣть право варить въ кухнѣ, когда они захотятъ.

108. Столовыя комнаты, въ коихъ хозяева пьютъ и обѣдаютъ, должны быть свободны отъ кроватей и отъ всякихъ препятствій; также слуги не должны имѣть тамъ никакихъ питей, ни другихъ вещей, отъ которыхъ хозяевамъ могло бы причиниться препятствіе или безпокойство.

109. Также послѣ того времени, какъ сядутъ за столъ и какъ общество отъ стола встанетъ, чтобы итти спать, никто изъ общества не имѣетъ права послѣ стола садиться пить. Кто это сдѣлаетъ, хозяинъ ли онъ или слуга, долженъ заплатить пени марку серебра, безъ чего его не должно отпускать.

110. И тѣ, кои приставлены имѣть надзоръ за огнемъ, когда сдѣлаютъ обходъ для надзора за огнемъ, должны смотрѣть, не сидитъ ли кто послѣ стола за питьемъ, и если такого найдутъ, то обязаны о немъ донести. Если же будутъ пойманы въ томъ, что о таковыхъ утаили и не донесли, то должны съ сидящимъ за виномъ одинаковую заплатить пеню, и отъ платежа оной освобождены быть не могутъ.

(И. Андреевскій. О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами).

---

71. Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (первая), учиненная при Посадникѣ Михаилѣ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-городомъ.

Писана въ началѣ 1265 года.

Благословленіе отъ Владыкы, покланяніе отъ Посадника Михаила, и отъ Тысяцьскаго Кондрата, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю Ярославу.

На семь, Княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду; на цѣмь-то цѣловали Дѣди и Отци, и Отець твой Ярославъ. Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Новгородьскыми; а даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А бесъ Посадника тобѣ волостий не раздавати; а кому раздаялъ волости Братъ твой Александръ, или Дмитрий съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржати; а Новъгородьць на своей чясти дьржати. А въ Бежицахъ, Княже, тобе, ни твоей Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Па-

лиць, а то есме дали Иванкови: потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ Отця своего Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижанмъ о на 3 лѣта, судье не слати. А изъ Бежицъ, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, Княже, не посужити. А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое; а что былъ отъялъ Братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, ненадобѣ. А что, Княже, Братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и тивунимъ погонъ имати, како то пошло. А на томъ ти, Княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ Послѣхъ: а мы ти ся, Господине Княже, кланяемъ.

А что Княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, Княже, имати по 2 векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. А Дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести [1]). Тако, Княже Господине, пошло отъ Дѣдъ и отъ Отецъ, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего Отчя Ярослава.

(Памятники исторіи В. Новгорода, изданіе Н. Клочкова).

[1]) Вѣсти.

72. Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (третья), учиненная при Посадникѣ Павше, и при Крымскихъ Послахъ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-городомъ.

Писана 1270 года.

Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника Павше, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меншихъ, и отъ всего Новагорода, къ Господину Князю Ярославу.

На семь, Княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду; на цѣмь-то цѣловали Дѣди и Отець твой Ярославъ. Новгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всехъ Новгородьскыхъ, тѣхѣ волостий, Княже, не держати ти своими мужи, нъ держати мужи Новгородьскыми; а даръ, Княже, тобе имати отъ техъ волостий. А бесъ Посадника ти, Княже, суда не судити, ни волостий раздавати, ни грамотъ ти даяти: а кому волости роздаялъ Дмитрій съ Новгородци, и Александръ Братъ твой, тѣхъ волостий тобе безъ вины не лишати. А что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волочѣ, тивунъ свой дьржати на своей чясти; а Новгородецъ на своей чясти. А въ Бежичяхъ тобе, Княже, ни твоей Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ со всеми волостьми, Торжекъ, Бежиче, городецъ Палиць, Мелечя, Шипино, Егна, Заволочье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра, Вологда. А въ Русу ти, Княже, ездити на третиюю зиму; а лѣтѣ, Княже, ездити на озвадо звери гонитъ. А въ Ладогу, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамоте Отца своего

Ярослава: а ту грамоту, Княже, отъялъ еси, а та грамота, Княже, дати ти назадъ; а въ Ладогу, Княже, ездити на третиее лѣто. А изъ Бежицъ, Княже, людиі нѣ выводити въ свою волость, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни твоей Княгыни, ни Бояромъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины ти, Княже, мужа безъ вины не лишати волости; а грамотъ ти не посужати. А пожне, Княже, что твое и твоихъ мужь пошло, то твое и твоихъ мужь; а что былъ отъялъ Братъ твой Александръ пожне, то ти ненадобе. А что, Княже, грамоты посудилъ еси Отца своего и Брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты; ты грамоты отъимати, а старые оправливати.

А что, Княже, Братъ твоі Александръ дѣялъ насилие на Новегородѣ, того ти ся отступити. А Дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по 5 кунъ, а отъ тивуна по 2 куне. А что, Княже, мытъ по Суждальской земли, и въ твоей волости, отъ воза имати по 2 векши, и отъ лодье, и отъ хмѣлна короба, и отъ лняна. А Дворяномъ твоимъ у купчевъ повозовъ не имати, разве ратноі вести. А свободъ ти, ни мыть на Новгородьской волости не ставити; а на Имоволозьскомъ погосте куны ти имати и на Важаньскомъ. А что еси, Княже, отъимъ у Кюрили Хотуниче, далъ еси попу святаго Михаила, а городискымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погосте; вдай опять. А холопъ или роба почнеть вадити на господу, тому ти вѣры не яти. А на Низу, Княже, Новгородца не судити, ни даний ти раздавати. А что, Княже, тобе было гнѣва на Посадника и на весь Новгородъ; то ти, Княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ; ни чимъ же: а кто почнеть вадити къ тобе, тому ти вѣры не яти. А про Послы, Княже, и про купче Новгородьскые, что въ Костромѣ и по инымъ городомъ; то исправивъ, пусти въ Новъгородъ съ товаромъ. А въ Немецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею братиею, а двора ти не затваряти, а приставовъ ти не приставливати. А про полонъ, кто где заточенъ, или человѣкъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи. А село святой Софии исправи къ святой Софии. А до Владыкы отча нашего гнѣва ти не держати. На томь, Господине, на всемь крестъ цѣлуй къ всему Новугороду.

А гости нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа, по Царевѣ грамоте. А судье слати на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, Княже, межи Суждальскою землею и Новымъ городомъ не чинити. А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ: тако пошло въ Новегородѣ; отпусти всихъ проць.

(Памятники по исторіи В. Новгорода. изд. Н. Клочкова).

---

73. Изъ новгородской лѣтописи.

Того же лѣта (1270) бысть мятежь въ Новѣгородѣ, начаша изгонити князя Ярослава изъ города, и съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ, и убиша Иванка, а иніи вбѣгоша въ Николу святыи; а заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячьскыи Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и иніи пріятели его, и взяша домы ихъ на разграбленіе и хоромы разнесоша, а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: „чему (зачѣмъ) еси отъялъ Волховъ гоголными ловци, а поле отъялъ еси

заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Варѳоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? (а того много вины его); а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ".

Князь же присла на вѣче Святъслава и Андрея Воротиславича съ поклономъ; того всего лишуся, а крестъ цѣлую на всеи воли вашеи. Новгородци же отвѣчаша: „княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идемъ всь Новгородъ прогонить тебе". Князь же поиде изъ города по неволи; Новгородци же послаша по Дмитрія Александровича; Дмитріи же отречеся тако река: „не хочю взяти стола передъ стрыемъ своимъ" — и быша Новгородци печални; а Ярославъ нача полкы копити на Новъгородъ, и бѣ послалъ къ царю Татарьску Ратибора, помочи прося на Новъгородъ.

И се учювъ князь Василіи Ярославичь, присла послы въ Новъгородъ, река тако: „кланяюся св. Софьи и мужемъ Новъгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идетъ на Новъгородъ со всею силою своею, Дмитріи съ Переяславци и Глѣбъ съ Смолняны; жаль ми своея отчины";—а самъ поѣха въ Татары, поима съ собою Петрила Рычага и Михаила Пинещинича, и възврати татарьскую рать, тако рекъ цареви: „Новгородци прави, а Ярославъ виноватъ",—уже бо бяше царь отпустилъ рать на Новъгородъ, по Ратиборову лживому слову; рече бо Ратиборъ царю: „Новгородци тебе не слушаютъ, мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а домы наша разграбили, а Ярослава безчьствовали". Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ въвозиша въ городъ; и пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, и выидоша всь градъ въ оружіи отъ мала и до велика къ Городищю, и стояша два дни пѣши за Жилотугомъ (ручей), а коневници за Городищемъ.

То увѣдавъ, Ярославъ поиде объ ону сторону къ Русѣ, и сѣде въ Русѣ, а въ Новгородъ присла Творимира: „всего что вашего нелюбія до мене, того лишаюся; а князи вси за мене поручатся". Новгородци же послаша къ нему Лазоря Моисіевича: „княже, сдумалъ еси на св. Софью; поѣди, ать изъмремъ честно за св. Софію; у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и св. Софья, а тебе не хочемъ". И совкуписи въ Новъгородъ вся волость новгородьская — Пльсковичи, Ладожане, Корѣла, Ижера, Вожане,—и идоша въ Голино отъ мала и до велика, и стояша недѣлю на Бродѣ, а Ярославль полкъ объ ону сторону, и присла митрополитъ грамоту въ Новъгородъ, река тако: „Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене, кръви не проливайте, а Ярославъ всеи злобы лишается, а за то язъ поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ".

И не да Богъ кровопролитія хрестьяномъ, и присла Ярославъ съ поклономъ въ новгородскыи полкъ; и взяша миръ на всеи воли новгородскои, и посадиша Ярослава и водиша ѝ къ кресту.

(П. С. Р. Л. Т. III).

---

74. Псковская судная грамота.

(1397—1467).

Ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы [1]) грамоты; і изъ княжь Констянтиновы [2]) грамоты, і изо

[1]) Александръ Невскій, или Александръ Михайловичъ Тверской.

[2]) Константинъ Дмитріевичъ, братъ Василія I.

всѣхъ приписковъ Псковьскихъ пошлинъ [1]), по благословенію отецъ своихъ попвъ всѣхъ 5 съборовъ, и священноиноковъ, і діаконовъ, і священниковъ и всего Божія священьства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6905.

1. Се судъ княжей. Ожъ клѣть покрадутъ за зомкомъ, или сани подъ полстью, или возъ подъ титягою [2]), или лодью подъ полубы, или вь яме [3]), или скота оукрадаютъ, или сѣно сверху стога имать, то все судъ княжой, а продажи 9 денегъ; а разбой, находъ, грабежъ 9 гривенъ, а княжая продажа 10 денегъ, да 4 денги князю и посаднику.

2. И владычню намѣстнику судъ, и на суду не судитъ князю ни судіямъ; ни намѣстнику княжа суда не судите.

3. А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право, по крестному целованію, а городскими кунами не корыстоватися, а судомъ не мстится не на когожъ, а судомъ не отчитись [4]), а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати; а безъ исправы человѣка не погубити, ни на суду, на вѣчи.

4. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судють; судити имъ оу князя на сѣнехъ [5]), взираа въ правду [6]), по крестному цѣлованью; а не въсудятъ въ правду, іно Богъ буди имъ судіа на второмъ пришествіи Христовѣ; а тайныхъ посуловь не имати ни князю, ни посаднику.

5. А которому княжому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино целовати ему на томъ крестъ, что ему хотѣти Пскову добра, а судитъ прямо, по крестному цѣлованью...

7. А кримскому (храмскому) [1]) татю и коневому. и перевѣстнику [2]) и зажигалнику, тѣмъ живота не дати.

8. Что бы и на посадѣ покрадется, ино двожды е пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, какъ кромьскому татю.

20. А кто на кого иметъ сачитъ бою, или грабежу по позовничи, и князь и посадникомъ и сотцкимъ обыскати, какъ послухъ, гдѣ будетъ обѣдалъ, і и гдѣ начавалъ, и послухъ изведетеся иночаемъ его, или гдѣ обѣдалъ; такоже и битого опросити: гдѣ есть били и грабили? явили кому? и на тѣхъ ему слатся; а на кого сошлются, а тотъ ставъ, скажетъ какъ право предъ Богомъ, што битый являлъ бой свой и грабежь, а послухъ на судѣ ставъ, а послухуетъ въ тыеже рѣчи, ино тотъ судъ судитъ на того волю, на комъ сочатъ: хочетъ съ послухомъ на поле лѣзетъ, или послухъ оу креста положитъ, чего искалъ.

30. А кто иметъ давать серебро въ заимъ, ино дати до рубля безъ заклада и безъ записи, а болши рубли не давати безъ заклада и безъ записи. А кто иметъ сочити съ суда серебра по доскамъ, бези заклада, болѣ рубля, ино того доска повинити, а того права на комъ сочать.

37. А которому человѣку поле будетъ съ суда, а ставъ на полѣ, истецъ поможетъ [3]) своего исца, ино ему взять, чего сачилъ на исцы, а на трупоу кунъ не имати, толка ему доспѣхъ снятии, или иное што, въ чемъ на поле лѣзетъ; а виноватому платити и княжа продажа и приставное двѣма

---

[1]) Старыхъ обычаевъ.
[2]) Можетъ быть веревка, которой окручиваютъ возъ.
[3]) Въ ямѣ—хлѣбъ.
[4]) Не принимать во вниманіе родственныхъ отношеній.
[5]) Въ княжескихъ хоромахъ.
[6]) По закону.

[1]) Церковный воръ.
[2]) Государственный измѣнникъ.
[3]) Пересилитъ.

приставомъ, толка побьются, по 6 денегъ; а только прошеніе возмутъ, ино приставомъ по 3 денги; а князю продажи нѣтъ, ожъ истецъ чего не возможетъ.

50. А княжей писецъ възметъ по силѣ истьцово отъ позовницы, или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной; а захочетъ не по силѣ, ино волно индѣ написати, а князю запечатать; а не запечатаетъ князь, ино оу святой Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.

77 [1]). И судьямъ псковскимъ, и посадникомъ погородскимъ, и старостамъ пригородцкимъ потомужъ крестъ целовать на томъ, што имъ судити право по крестному целованью, а не судѣть право, ино суди имъ Богъ въ страшный день второго пришествія Христова.

108. А который строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ.

(Владимирскій Будановъ. Хрест. по ист. рус. права I).

75. Новгородская судная грамота (1471 г.).

Доложа господы великихъ князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство Великаго Новагорода и Пъскова священноинока Θеофила, се покончаша посадникы Ноугородцкіе, и тысятцкіе Ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди и купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ:

1. Нареченному на архіепископство Великаго Новагорода и Пскова священному иноку Θеофилу судити судъ свой, судъ святительски по святыхъ отецъ правилу, по манакануну [1]); а судити ему всѣхъ ровно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка.

2. А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великого князя по старинѣ; а безъ намѣстниковъ великого князя посаднику суда не кончати.

3. А тысецкому судить свой судъ. А судить имъ право, по крестному цѣлованью.

27. А посаднику и тысятцкому и владычню намѣстнику и ихъ судьямъ и инымъ судьямъ, всимъ крестъ цѣловать, да судитъ имъ въ правду.

29. А не кончаетъ судья земнаго орудья въ два мѣсяця, ино истцю взять на него приставы у Великого Новагорода [2]), ино ему тотъ судъ кончати передъ тыми приставы. А не укажутъ судъ и докладшики въ тую два мѣсяця, ино итти судьѣ съ истцомъ къ Великому Ноугороду да взяти приставы на докладшиковъ, а докладшикомъ указати судъ и тое дѣло передъ тыми приставы, а судьѣ кончати истцю тое дѣло передъ тѣмижъ приставы.

(Владимирскій Будановъ. Хрест. по ист. рус. права I).

76. Поученіе еп. Стефана Пермскаго противъ стригольниковъ.

(Около 1386 г.).

Егда сотвори Богъ Адама и Евгу и заповѣда ему отъ единаго древа не ясти и рече ему: „аще снѣси отъ дре-

[1]) Возможно, что здѣсь начинается грамота Константина; статьи 1—76—грамота Александра.

[1]) Номоканонъ.

[2]) Обращеніе къ вѣчу, какъ къ верховной власти.

ва разумнаго, смертью умреши; аще ли не снѣси, живъ будеши въ вѣки“: дьяволъ, завидѣвъ роду человѣческому, не могый того слышати, аще человѣкъ безъ смерти будеть, сосудъ нѣкакъ изобрѣте себѣ змію, и тою прельсти родъ человѣчьскый. Тако и нынѣ завиде дьяволъ новѣй благодати, юже далъ намъ Христосъ: сему противникъ, сотона, воздвиже ересь на правовѣріе. Христосъ же, не дая волкомъ на расхищеніе стада своего, воздвиже святыя Отцы, учителя вселенныя и наставники правовѣрныя вѣры, по различнымъ мѣстомъ въ коеждо время соборъ сотвориша и всяку ересь прокляша, еретикомъ, злымъ волкомъ, уста заградиша, хитающимъ словесныя овца Христовы. Послѣди же всѣхъ злая ересь прозябе отъ Карпа дьякона: яко же зміа оклевета Бога Адаму, яко завидника и не хотяща добра роду человѣчьскому. И нынѣ дьяволъ не престаеть прелыцая родъ человѣчьскый: и тогда бо отпаде самъ славы Божія и прельсти родъ человѣчьскый, отдали древа животнаго; нынѣ же отъ службы отлучена, изъ церкви изгнана стригольника въздвиже на правовѣръную вѣру и оклеветалъ весь вселеньскый съборъ, патріарховъ, и митрополитовъ, и епископовъ, и игуменовъ, и поповъ, и весь чинъ священичьскый, яко не по достоянію поставляеми, и такою виною прельщаа худоумныа, отлучаеть отъ причащенія святыхъ пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ таінъ, и пуще змѣиныя прелести постави прелесть: змѣя бо прельсти, ино смертью умирають; сею же прелестію въ муку вѣчную идутъ. Стригольникъ же противно Христу повелѣваетъ, яко отъ древа животнаго, отъ причастія удалятися, яко древо разумное показая имъ писаніе книжное, еже и списа на помощь ереси своей, дабы чимъ воставити народъ на священничьскый чинъ...

Рците ми, еретицы, гдѣ хотѣсте попа взяти себѣ? Аще глаголите: недостоинъ есть патріархъ, недостойни суть митрополити, то по вашему нынѣ слову ни единого попа нѣсть на земли, аще бы который нищеты дѣля, по знадбѣ, безъ исторовъ церковныхъ поставленъ есть. Но мыслію и вѣрою и исповѣданіемъ вси причащаемся къ соборнѣй апостольстѣй церкви; а егоже митрополита освятить намъ патріархъ, того вси чтемъ, яко Христова намѣстника, тако же и епископа въ коемъждо градѣ и области, и прозвитери, яко Апостоли Христови. Вамъ же гдѣ есть поставити попа по своей нечистѣй вѣрѣ окаянной? Не пріидеть Христосъ второе воплотитися на земли, не снидеть ангелъ освятити вамъ попа; (аще бы ангелъ освятилъ вамъ попа), то и тому не подобаетъ вѣровати, по Апостолу Павлу, рекшему: „аще и ангелъ вамъ благовѣстить паче проповѣданнаго, еже пріясте, да будеть проклятъ“...

Завистію бо стрѣкаеми вы, стригольницы, востасте на святителя и на поповъ, сами себѣ хотяще прехватити честь. Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяномъ, и поставистеся учители народомъ, а не помянусте слова Христова, еже рече: „не входяй двермп въ домъ овчій, но прелазя инуды, тать есть и разбойникъ“. Всякъ бо, не имѣя наставленіа святительска, учити покушаяся и учителя покоряти, сій не дверьми вшелъ есть. Тати и разбойницы убивають человѣкы оружіемъ, а вы, стригольницы, убиваете человѣкы разумною смертію, удаленія ради отъ пречистыхъ таинъ тѣла и крови Христовы...

Глаголють бо стригольницы о нынѣшнихъ святителѣхъ и о попѣхъ; „не достойны де ихъ службы, яко не не стяжаша, но имѣнія взимають у хрестьянъ, подаваемое имъ приношеніе за живыя и за мертвыя“; а не разумѣють окаянніи, оже достойно пріимати отъ подавающихъ милостыню:

самъ бо Христосъ вниде въ домъ Закхѣевъ обѣдати и подаваемая ему пріимаше. Аще бы не пріималъ Христосъ ни отъ кого же имѣнія, чимъ бы ученицы шли купити хлѣбъ въ градъ Самарѣйскъ, егда сѣдѣ Христосъ на кладязѣ? И кое бы сребро носилъ Іюда въ ковчежцѣ?..

Апостоли бо пріимаху отъ приносящихъ къ нимъ, и подавааху требующимъ, и сами оттолѣ стяжаху себѣ пищу и одѣяніе: не камена имъ тѣлеса быша. Вы же, стригольницы, укоряете ядущихъ и пьющихъ святителевъ и поповъ, яко же жидове Христа, глаголюще: „сесь человѣкъ ядець есть и винопивець, и другъ мытаремъ и грѣшникомъ“; а вы, стригольницы, тако глаголете: „сіи учители пьяницы суть, ядять и пьють съ пьяницами, и взимають отъ нихъ злато и сребро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ“. И такими злыми окаянными словесы прельщаете народъ...

Не того дѣля далъ Христосъ Еуангеліе въ міръ, чтобы почитая его, смотрити того слова, чимъ бы кого укорити, но того дѣля далъ есть Христосъ Еуангеліе, егда почитая его, себя укоряти....

Еще же и сію ересь прилагаете, стригольницы, велите земли каятися человѣку. А не слышите Господа, глаголюща: „исповѣдайте грѣхи своя и молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете“... А кто исповѣдается земли, то исповѣданіе не исповѣданіе есть: земля бо бездушна тварь есть, не слышить и не умѣеть отвѣчати и не въспретить съгрѣшающему. Того для не подасть Богъ прощенія грѣховъ къ земли исповѣдающемуся. Сю бо злую сѣть дьяволъ положилъ Карпомъ стригольникомъ, что не велѣлъ исповѣдатися къ попомъ, дабы отъ поповъ честь ерѣйскую отнялъ, еже имъ Христосъ далъ вязати и разрѣшати грѣхи.

О стриголницѣхъ же нѣціи безумніи глаголють: „сіи не грабять и имѣнія не збирають“. Фарисѣи же таци же бѣша: постишася двожды на недѣлю, весь день не ядуща; мытари же, грѣшницы, со исповѣданіемъ пріидоша ко Христу и спасошася... Таковии же бѣша еретицы, постницы, молебницы, книжницы, лицемѣрницы, предъ людми чисти творящеся: аще бо бы не чисто житье ихъ видѣли люди, то кто бы вѣровалъ ереси ихъ? Или бы не отъ книжнаго писанія говорили, никто бы не послушалъ ихъ...

А кто по стриголнической ереси начнеть священниковъ осужати, не токмо неподобно ихъ послушати, но и отъ града згоже отгнати ихъ; рече бо писаніе: „изверзите злое отъ себѣ сами; малъ квасъ все вмѣшеніе квасить“.

(Рус. Ист. Библ. VI, № 25).

---

77. Путешествіе Гильбера де-Ланноа [1]).

Въ 1413 году.

Оттуда (изъ Лифляндіи) отправился я за Нарову и прибылъ въ землю Русскую. Тамъ я сѣлъ въ сани, потому что наступили большіе снѣга и холода. Тамъ находится замокъ Русскій, по имени Низлотъ, который находится въ 6 лье отъ Нарвы. А изъ Низлота я ѣхалъ уже постоянно по Русской землѣ, проѣхалъ черезъ нѣкоторые села и замки, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ, обильныхъ лѣсами, озерами и рѣками, потомъ прибылъ въ городъ Великій Новгородъ. А отъ упомянутаго замка Низлота до Великаго Новгорода — 24 лье.

Великій Новгородъ — удивительно большой городъ; онъ расположенъ на большой равнинѣ, окруженной большими лѣсами, и находится въ низкой

---

[1]) Французскій рыцарь Гильберъ де-Ланноа, сиръ де Виллерваль и де Тренкенъ.

мѣстности среди водъ и болотъ. Посреди упомянутаго города течетъ большая рѣка по имени Волховъ. Городъ обнесенъ плохими стѣнами, сдѣланными изъ плетня и земли, тогда какъ башни каменны. Этотъ городъ независимъ и имѣетъ общинное правленіе. Здѣсь есть епископъ, который представляетъ какъ-бы ихъ начальника. И содержатъ они, равно какъ и всѣ прочіе русскіе въ Руси, которая очень велика, христіанскую религію по своему обряду, такому же, какъ и у грековъ. Они имѣютъ замокъ, расположенный на берегу упомянутой рѣки, и въ немъ соборная церковь св. Софіи, которую они почитаютъ, и тамъ живетъ ихъ упомянутый епископъ.

Внутри упомянутаго города живетъ много большихъ синьйоровъ, которыхъ они называютъ боярами, и тамъ есть такіе горожане, которые владѣютъ землей въ 200 лье длины, богаты и могущественны удивительно. И не имѣютъ русскіе великой Руси другихъ властителей, кромѣ этихъ бояръ, выбираемыхъ по очереди такъ, какъ хочетъ община. Монета ихъ состоитъ изъ кусковъ серебра, вѣсящихъ около 6 унцій — безъ оттиска, потому что вовсе не куютъ золотой монеты, а мелкая ихъ монета состоитъ изъ мордокъ бѣлокъ и кунъ...

Они имѣютъ двухъ начальниковъ: тысяцкаго и посадника [1]), которые и управляютъ сказаннымъ городомъ. Эти правители возобновляются изъ года въ годъ. И тамъ я былъ у упомянутыхъ епископа и синьйоровъ.

Женщины носятъ волоса, заплетенные въ 2 косы, висящія сзади на спинѣ, а мущины—одну косу. Я былъ девять дней въ этомъ городѣ, и упомянутый епископъ присылалъ мнѣ каждый день болѣе 30 человѣкъ съ хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, буковыми орѣхами, пореемъ, пивомъ и медомъ, а выше упомянутые тысяцкіе и посадники дали мнѣ обѣдъ самый странный и самый удивительный изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною когда-либо. Въ ту зиму было такъ холодно, что занимательно было бы разсказать о стужахъ, которыя тамъ были, потому что мнѣ приходилось ѣхать въ стужу.

Одно изъ чудесъ, производимыхъ холодомъ, состояло въ томъ, что, когда проѣзжали по лѣсамъ, слышно было, какъ деревья трескаются и раскалываются сверху донизу отъ мороза. Тамъ случается видѣть, какъ замерзшія глыбы конскаго помета разлетаются вверхъ отъ мороза. И когда ночью приходилось спать въ пустынѣ, то мы находили свою бороду, брови и вѣки обмерзлыми отъ дыханія человѣческаго и полными льдинокъ, такъ, что, проснувшись, едва можно открыть глаза...

Зимою не продаютъ на рынкѣ Великаго Новгорода ничего живаго: ни рыбы, ни мяса поросятъ, ни бараньяго мяса, ни птицы никакой; это убито и заморожено. И во всей этой странѣ находятся зайцы, совершенно бѣлые лѣтомъ и совершенно сѣрые зимою.

Всѣ синьйоры Новгорода Великаго владѣютъ 40 тысячами конницы и безчисленною пѣхотою. Они часто воюютъ съ сосѣдями и особенно съ рыцарями Лифляндіи и выиграли прежде много большихъ сраженій.

Отъѣзжая изъ Великаго Новгорода съ цѣлью — посмотрѣть свѣтъ, я поѣхалъ по образцу купцовъ въ одинъ укрѣпленный городъ государства и синьйоріи русской, по имени Плесковъ. Нужно проѣхать 30 нѣмецкихъ лье большими лѣсами, отъ упомянутаго Новгорода до Пскова.

Псковъ оченъ хорошо укрѣпленъ каменными стѣнами и башнями, и въ немъ находится одинъ очень большой замокъ, куда ни одинъ истинный христіанинъ не можетъ войти, не подвергаясь опасности смерти. Этотъ городъ

[1]) Ung duc et ung burchgrave.

лежитъ на устьѣ на двухъ рѣкахъ Moede и Плесковѣ. Онъ управляется самъ собою, но въ зависимости отъ государя Московскаго. Въ то время, когда я былъ тамъ, ихъ князь былъ изгнанъ, и я его видѣлъ въ Новгородѣ. Русскіе этого города имѣютъ длинные волосы, распущенные по плечамъ, а женщины имѣютъ круглую діадему на макушкѣ, какъ у святыхъ.

(Кіевскія Универс. Извѣстія 1873 г. № 8; п. 39—49).

---

78. Жалованная Новгородская грамота Соловецкому монастырю на Соловецкій, Анзерскій и другіе острова.

1459—1470.

Господину преосвященному Архіепископу Великаго Новгорода и Пьскова владыкы Іоны, господину посаднику Великаго Новагорода степенному Ивану Лукиничу и старымъ посадникамъ, господину тысячкому Великаго Новагорода степенному Труфану Юрьевичю и старымъ тысяцкимъ, и боярамъ, и житьимъ людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, и всему господину государю Великому Новугороду, всимъ пяти Концемъ, на вѣцѣ на Ярославлѣ дворѣ.

Се биша челомъ игуменъ Ивоня и всѣ старцѣ Святаго Спаса и Святаго Николы съ Соловчевъ съ моря акіаня, а ркуци такъ: обитель, господо, Святаго Спаса и Святаго Николы наша пустынка отъ міру удалѣла сто верьстъ отъ людей; чтобы есте, господо, жаловалѣ обитель Святаго Спаса и Святаго Николы и насъ убогыхъ тыми острова Соловкы, и островомъ Анзери, и островомъ Нуксами, и островомъ Заяцьимъ, и малыми островкы!

И по благословенію господина преосвященнаго Архіепископа Великаго Новагорода и Пьскова владыка Іоны, господинъ посадникъ Великого Новагорода степенный Иванъ Лукиничь и старыи посадникы, и господинъ тысяцкѣй Великого Новогорода степенный Труфанъ Юрьевичъ и старыи тысяцкѣи, и бояре, и житьии люди, и купцѣ, и черныи люди, и весь господинъ государь Великій Новгородъ вся пять Концевъ, на вѣцѣ, на Ярославлѣ дворѣ, пожаловаша игумена Ивоню и всихъ старцевъ обитель Святаго Спаса и Святаго Николы тыми островы Соловкы, и Анзери островомъ, и Нуксами островомъ, и Заяцьимъ островомъ и малыми островкы, въ тыхъ островахъ землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лѣшими озеры, земля имъ дѣлати, и пожнѣ косити, и лѣшѣи озера ловити, и тонѣ ловити доброволно; а боярамъ Новгородчкымъ, ни Корѣльскымъ дѣтемъ, ни иному никому же, вь тыи островы не вступатися въ страдомую землю, ни въ пожнѣ, ни въ тонѣ, ни въ ловища, ни череновъ не наряжати, ни лѣсовъ не полѣсовать никому же, черезъ [1]) сюю жаловалную Великаго Новагорода грамоту. А кто пріѣдить на тыи островы на ловлю или на добытокъ, на сало или на кожю, ино всимъ тымъ давати въ домъ Святаго Спаса и Святаго Николы изо всего десятина.

А тыми островы, землею и водою, ловищами и тонями и пожнями, володѣти игумену и всимъ старцемъ обители Святаго Спаса и Святаго Николы, по сей жаловалной Великаго Новагорода грамотѣ, и въ вѣкы; а боронити игумена и всихъ старчевъ всимъ Великимъ Новымъ городомъ. А кто иметь наступатися на тыи островы, чрезъ сію жаловалную Великаго Новагорода грамоту, а той дасть Великому Новугороду сто рублевъ въ стѣну.

А къ сей грамотѣ приложилъ гос-

---

[1]) Вопреки, съ нарушеніемъ грамоты.

подинъ пресвященный Архіепископъ Великаго Новагорода и Пьскова владыка Іона свою печять. Посадникъ степенный Иванъ Лукиничъ и тысяцкій степенный Труфанъ Юрьевичь при-ложиша свои печати. Повелѣніемъ всего господина государя Великого Новагорода изо всихъ пяти Концевъ приложиша печати.

(Памятники по. ист. В. Новгорода, изд. Н. Клочковымъ).

---

79. Хожденіе Стефана Новгородца.

(Пол. XIV в.).

Азъ грѣшный Стефанъ изъ великаго Новгорода съ своими други осмью пріидохомъ въ Царьградъ поклонитися святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ, и помилованы быхомъ отъ святой Софіи Премудрости Божіей.

Въ недѣлю страстную пріидохомъ въ Царьградъ и идохомъ къ святой Софіи... И быхомъ довольнѣ въ великой церквѣ святой Софіи, оттолѣ идохомъ къ св. Арсенію Патріарху и цѣловахомъ тѣло его; и то все идетъ по солонь въ церкви той. И оттолѣ поидти изъ церкви въ двери, идти промежъ стѣнъ со свѣщею, обходя аки кругомъ: тамъ бо стоитъ икона Святый Спасъ, вельми чуденъ, и то зовется: Елеонъ гора, по подобію яко же въ Іерусалимѣ. И оттолѣ пошедъ къ олтарю, стоятъ столпи вельми красны, по подобію аспида: ту бо есть въ великомъ олтарѣ, кладязь отъ святаго Іордана явися. Бысть во едино утро стражи царскіе выняша изъ кладязя пахирь, и познаша калиги Русскія; Грецы же не яша вѣры...

Та же идохомъ къ Ѳеодору, въ Студійскій монастырь. Много бо суть видѣхомъ въ Царьградѣ видѣнія, еже не мочно всего написати. Толико бо Богъ прославилъ святыя мѣста, еже не мочно разстатися. Во монастырѣ Студійскомъ быхомъ и цѣловахомъ тѣло святаго Саввы. И церковь та велика вельми, и высоко палатою сведена; икона въ ней аки солнце сіяетъ, вельми украшена златомъ, много дивитися, аки жемчугомъ изсажена, и письцу тако же мочно вписати. Тако жъ и трапеза устроена, идѣ же братія ѣдятъ, вельми чудно, паче всѣхъ монастырей, а стоитъ на краю близъ Златыхъ вратъ. Ту лежитъ Ѳеодоръ Студійскій. Изъ того бо монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги. И оттолѣ идохомъ къ прекрасной Богородицѣ, въ монастырь, и цѣловахомъ руку Ивана Крестителя, и Симеона Богопріимца, и Григорія Богослова. И оттолѣ идохомъ къ Андрею Критскому; той бо есть монастырь женскій, вельми красенъ; и цѣловахомъ мощи святого Андрея. И оттолѣ идохомъ къ св. Патріарху Тарасію и цѣловахомъ мощи его. И оттолѣ идохомъ къ святой Богородицѣ въ монастырь, и цѣловахомъ святую Елизавету. И оттолѣ идохомъ къ святой Евѳиміи и цѣловахомъ мощи ея. И оттолѣ идохомъ къ святому Даніилу, и пришедъ въ церковь поидти подъ землею степеней 25, все со свѣщею идти, на правой руцѣ есть гробъ святаго Даніила, а на лѣвой руцѣ святаго мученика Никиты; и цѣловахомъ ихъ грѣшніи. И оттолѣ идохомъ къ святому Іоанну Милостивому, и къ святой Маріи Клеопинѣ, и къ святой мученицѣ Ѳеодосіѣ, юже заклаша рогомъ козымъ за икону Христову: тіи святіи лежатъ въ единой церкви, высоко идти по лѣстницѣ въ гору; ту жъ внидохомъ въ церковь и цѣловахомъ ихъ грѣшніи...

(Сахаровъ. Сказанія рус. народа II.)

---

80. Василій Буслаевичъ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
Живучи Буславъ не старился,
На достали Буславъ переставился,
Съ Новымъ Градомъ не перечился,
Съ каменной Москвой спору не было.
Оставалоси чадо милое
Молодый Василій сынъ Буслаевичъ.
Сталъ по улицкамъ похаживать,
Съ ребятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ —рука съ плеча,
Кого за ногу дернетъ—нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ — голова съ плечи вонъ.
Собиралися мужики новгородскіи,
Собрались къ Васильевой матушки.
„Ай же Васильева матушка,
Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
Уйми свое чадо милое
Молода Василія Буславьева.
А не уймешь Васильюшка Буслаева,
Будемъ унимать всимъ Новымъ Градомъ,
Сгонимъ Васильюшка подъ Волхово,
Пихнемъ Васильюшка въ Волхово“.
Тутъ Васильева матушка,
Молода Фетьма Тимоѳеевна,
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
„Ай ты Василій сынъ Буслаевичъ!
Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
Живучи Буславъ не старѣлся,
На достали Буславъ переставился,
Съ Новымъ Градомъ не перечился,
А съ каменной Москвой спору не было“.
Тутъ Василій сынъ Буславьевъ
Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
Накурилъ Василій зелена вина,
Наварилъ Василій пива пьянаго,
На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ
На бочкахъ подписи подписывалъ,
На ведрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
Мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ чара полтора пуда.
„Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
Кто истерпи мой черленой вязъ“.
Какъ идутъ мужики новгородскіе
Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пиромъ.
Идетъ въ стрѣту маленькій Потанюшко,
На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.
Говорятъ мужики новгородскіе:
„Не ходи Потаня на почестенъ пиръ!
Не выпить тебѣ чары зелена вина,
И не стерпеть вяза черленаго“.
Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ енъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ
Хлопнулъ вязомъ черленымъ,
Стоитъ Потанюшко не стряхнется,
Его желтыи кудри не сворохнутся.
Спроговоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Ай же ты маленькій Потанюшка!
Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи“.
Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накурили они зелена вина,
Наварили пива пьянаго.
А всихъ-то они на пиръ позвали,
Спроговори Василій сынъ Буславьевичъ:
„Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ“!
Спроговоритъ матушка родимая
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
„Не ходи, Василій, на почестенъ пиръ!
„Вси придутъ на пиръ гости званыи,
„Ты придешь на пиръ незваный гость“.
Спроговоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
„Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
„Куда меня посадятъ, я тамъ сяжу.
„Что могу достать, то я ѣмъ да пью“.
Пошли со дружиною на почестенъ пиръ.
Приходитъ Василій на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,

Поклонъ ведетъ по ученому.
„Здравствуйте мужики новгородскіи!“
—„Поди Василій сынъ Буславьевичъ!
„Садись Василій во большомъ углу“.
Кормили тутъ Васильюшка досыта,
Поили Васильюшка допьяна.
„Бейся Васильюшка во великъ закладъ,
„Завтра итти на Волохово!
„Мы станемъ биться всимъ Новымъ Градомъ,
„А ты двоима со дружинушкой“.
Пошелъ Василій со честна пиру,
Приходитъ къ матушкѣ родимоей
Прикручинивши, припечаливши.
Спроговори матушка родимая:
„Эй же Василій сынъ Буслаевичъ!
„Что ты Василій прикручинивши,
„Что ты Василій припечаливши?
„Вѣдь не чарой Василій тебя обнесли,
„Либо пьяница собака обезчестила?—
Спроговори маленькій Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
„Чарой Василья не обнесли,
„И пьяница собака не обезчестила:
„Енъ глупымъ умомъ, хмѣльномъ разумомъ,
„Бился Василій о великъ закладъ:
„Что итти съ утра на Волхово,
„Имъ биться всимъ Новымъ Градомъ,
„А намъ двоима со дружинушкой“.
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плече,
На мистку положила красна золота,
На другую чистаго серебра,
На третьюю скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
„Здравствуйте мужики новгородскіе!
„Возьмите дороги подарочки,
„Простите Василья во той вины“.
Говорятъ мужики новгородскіе:
„Мы не возьмемъ дороги подарочки
„И не простимъ Василья во той вины.
„Хоть повладѣемъ Васильевыма конями добрыма,
„Повладѣемъ платьями цвѣтныма!“
Вставалъ по утру ранешенько,
Пошелъ на Дунай рѣку купатися.
Иде въ стрѣту дѣвушка чернавушка.
„Ай же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
„Зналъ загадки загадывать,
„А не знаешь нонѣ отгадывать:
„Прибили дружину во чистомъ поли“.
Тутъ Василій Буслаевичъ
Чоботы надернулъ на босу ногу,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо.
Хватилъ Василій свой черленый вязъ...
Прибѣжалъ Васильюшко на Волхово,
Сталъ по Волхову поскакивать,
Черленымъ вязомъ помахивать.
Куды махнетъ — падутъ улицамȁ,
А въ перехвȁтъ махнетъ—переўлкама.
Кистенямы головы переломаны,
Кушакамы головы перевязаны.
Бѣжатъ къ Васильевой матушкѣ.
„Ай же Васильева матушка,
„Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
„Уйми свое чадо милое,
„Оставь людей хоть и на сѣмена“.
Тутъ Васильева матушка
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Прибѣжала она на Волхово,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
„Ай же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
„Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
„Жилъ Буславъ цѣлу тысяцу,
„Живучи Буславъ не старился...
„Съ Новымъ Градомъ не перечился,
„Съ каменной Москвой спору не было“.
Принесла Василья со чиста поля.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Говоритъ онъ матушкѣ родимоей:
„Ай же ты матушка родимая!
„Утрось я не завтракалъ, вечеръ я не ужиналъ,
„Дай хоть сегодня пообѣдати“...

(Онежскія былины, запис. А. Гильфердингомъ, II).

---

81. Садко купецъ, богатый гость.

Жилъ-былъ Садко, богатый гость,
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнце—во теремѣ солнце,
На небѣ звѣзды—во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяцъ—во теремѣ мѣсяцъ:
Все-то у Садка по небесному...

———

Потомъ Садко купецъ, богатый гость
Зозвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новгородскихъ
И тыихъ настоятелей новгородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой—удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
„Всѣ мы на пиру наѣдалися,
„Всѣ на почестномъ напивалися,
„Похвальбами всѣ похвалялися.
„Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
„Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
„А чѣмъ мнѣ, Садку хвастаться,
„Чѣмъ мнѣ, Садку похвалятися?
„У меня ль золота казна не тощится,
„Цвѣтно платьице не носится,
„Дружина хоробра не измѣняется.
„А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
„На свою безсчетну золоту казну
„Повыкуплю товары новгородскіе,
„Худые товары и добрые!“
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымь—рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
На всю безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымь-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ понавезено,
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день вставалъ Садко ранымь-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.—

„Още повыкуплю товары московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе.
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій:
„Побогаче меня славный Новгородъ".

(Пѣсни, собр. П. Рыбниковымъ, 1).

---

82. Іоанна Длугоша, краковскаго каноника (XVI в.). Исторіи Польской книга X.

1. Объ Уніи Литвы съ Польшей.

Литовскій великій князь Ягайло, узнавъ, что принцесса Ядвига, дочь короля Людовика, прибыла изъ Венгріи въ Польшу и увѣнчана королевскою діадемой, и что ей передано правленіе всѣмъ Польскимъ королевствомъ, — получивъ такія свѣдѣнія, благодаря молвѣ и по донесеніямъ своихъ пословъ, посланныхъ имъ для разслѣдованія,—и узнавъ, что вышесказанная принцесса до того пригожа и хороша собой, что въ цѣломъ свѣтѣ не было тогда ей равной по красотѣ,—отправилъ двухъ князей, своихъ братьевъ, а именно Скиргайло и Борича, а также Ганула, виленскаго старосту, въ Краковъ къ Ядвигѣ, прелатамъ и баронамъ, чтобы просить эту дѣвицу себѣ въ замужество.

Бывъ допущены на совѣтъ, украшенный присутствіемъ и королевы Ядвиги, и многихъ совѣтниковъ, они поднесли королевѣ Ядвигѣ, отъ имени князя Ягайла, дары большой цѣнности и достоинства, и устами князя Скиргайла обратились къ ней съ такою рѣчью: „Съ древнихъ временъ,—говорили они,—многіе государи и короли склоняли великаго князя литовскаго Ягайла, чтобы онъ, оставивъ собственную свою вѣру, полученную отъ предковъ, принялъ вѣру христіанскую; тѣмъ не менѣе ничто не могло его къ этому подвигнуть, ни какія либо увѣщанія, ни даже войны, внесенныя много разъ изъ Пруссіи крестоносцами; самъ Богъ хранилъ эту честь, честь, которая пребудетъ на многіе вѣка,—для тебя, превосходнѣйшая и славнѣйшая королева. Именно, если твоя свѣтлость удостоишь признать женихомъ вышереченнаго нашего великаго князя литовскаго Ягайла,—то онъ обѣщаетъ не только то, что касается принятія христіанской вѣры, въ чемъ просили его и другіе государи и короли, но и дастъ нѣкоторыя другія не меньшія обѣщанія. Поелику онъ обѣщаетъ во-первыхъ: принять самъ и со всѣми своими братьями, князьями литовскими, вельможами и старѣйшинами и со всѣмъ литовскимъ и самогитскимъ народомъ, католическую римскую вѣру, которую и ты и Польское твое королевство соблюдаютъ и исполняютъ. Предлагаетъ онъ также отпустить нѣкоторыхъ плѣнныхъ христіанъ, а именно выведенныхъ изъ Польскаго королевства, и по праву войны обращенныхъ въ рабство. Предлагаетъ включить и внѣдрить въ королевство Польское вѣчнымъ и безвозвратнымъ соединеніемъ (уніей) нѣкоторыя родныя его земли Литвы и Самогитіи, а равно и нѣкоторыя земли Руси, добытыя оружіемъ. Предлагаетъ вернуть Польскому королевству, въ составъ его и въ обладаніе, области Помераніи, Кульмскія, Силезіи... и другія, которыя были отчуждены отъ Польскаго королевства, заняты и подчинены другими. Предлагаетъ ввезти въ Польское королевство нѣкоторыя изъ сокровищъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, и обратить ихъ единственно на нужды Польскаго королевства. Предлагаетъ наконецъ выплатить 200 тысячъ флориновъ на издержки по бракосочетанію принцессы Ядвиги съ (прежнимъ ея женихомъ) австрійскимъ герцогомъ Вильгельмомъ"...

Такова была рѣчь варвара. Это посольство, хотя было мало пріятно

королевѣ Ядвигѣ, прелатамъ же и баронамъ могло быть пріемлемо; однако рѣшеніе вопроса было передано на волю и усмотрѣніе венгерской королевы Елизаветы, вдовы Людовика, матери королевы Ядвиги... — —

Заботами и попеченіемъ многимъ какъ прелатовъ, такъ и бароновъ Польши, королеву Ядвигу не оставляли просьбами и мольбами, и полезнѣйшими совѣтами; указывали, что и помолвка ея съ австрійскимъ герцогомъ Вильгельмомъ, состоявшаяся до ея совершеннолѣтія, нисколько ее не можетъ связывать; и Ядвига была этимъ побѣждена и, разорвавъ прежній договоръ, изъявила свое согласіе на бракъ съ Ягайломъ, княземъ литовскимъ, — не ради своего желанія или страсти, но ради распространенія римской вѣры и обезпеченія мира христіанамъ. По полученіи ея согласія, въ день Юпитера 14 февраля,— или въ день святого Валентина,—великій князь литовскій Ягайло, а за нимъ его братья, князья Литвы, бояре и знатные,—бывъ въ достаточной мѣрѣ посвящены въ истины христіанской вѣры и въ ея правила,—отвергли языческія заблужденія и приняли и исповѣдали святую римскую вѣру, и были крещены архіепископомъ гнѣзненскимъ Бодзантой и епископомъ краковскимъ Іоанномъ въ Краковской церкви. Покинувъ свои варварскія имена, литовскій великій князь Ягайло принялъ имя Владислава, по имени польскихъ государей; также Витовтъ—имя Александра, Киргайло—Казимира, Свидригайло—Болеслава...

Принявъ главнѣйшее и первѣйшее изъ таинствъ, князь Владиславъ Ягайло въ тотъ же день принялъ еще и другое таинство, и въ вышесказанной Краковской церкви сочетался бракомъ съ прекрасной и славной дѣвицей, польской королевой Ядвигой, которая неизвѣстно, чѣмъ больше отличалась, — нравственной или тѣлесною красотой. Бракосочетаніе совершалъ гнѣзненскій архіепископъ Бодзанта.

Земли Литвы, Самогитіи и Руссіи, въ которыхъ по наслѣдственному или благопріобрѣтенному праву онъ (Ягайло) имѣлъ какъ чистое, такъ и смѣшанное владѣніе, и которыя подчинялись его власти, онъ на вѣчныя времена вписалъ въ Польское королевство, соединилъ съ нимъ, внѣдрилъ, связалъ, инкорпорировалъ; клятвенно обязался крестить народы этихъ земель и привести ихъ къ римской вѣрѣ.

Хотя вышереченному Владиславу, королю польскому, вельможи и знатные внушали и совѣтывали, чтобы онъ, согласно христіанскому обычаю, назначилъ свое коронованіе не раньше двухъ дней послѣ крещенія, —однако онъ не согласился на это, и отказался принять крещеніе безъ одновременнаго принятія королевскаго сана, опасаясь злого умысла со стороны поляковъ...

Принявъ въ одинъ и тотъ же день два таинства для достиженія польской короны, Владиславъ Ягайло, великій князь литовскій, снова въ 4-й день Солнца, или 17 февраля, которое приходилось на воскресенье Пятидесятницы, прибылъ въ Краковскую церковь съ великой торжественностью и славой, въ сопровожденіи князей, войска и несмѣтнаго множества народа, дабы принять вѣнчаніе и помазаніе на царство, приличествующее однимъ царямъ. Тамъ въ присутствіи и передъ взорами своей благороднѣйшей невѣсты, королевы Ядвиги, онъ былъ помазанъ и вѣнчанъ на царство гнѣзненскимъ архіепископомъ Бодзантой въ сослуженіи съ епископомъ краковскимъ Іоанномъ и Доброгостіемъ познанскимъ; коронованъ онъ былъ новой діадемой, сдѣланной изъ золота съ драгоцѣнными каменьями; старую, древнюю діадему увезъ съ собой въ Венгрію Людовикъ, король венгерскій и польскій, не желая, чтобы она досталась кому нибудь изъ чужого рода...

2. Апостолическое бреве.

(Папское посланіе).

Урбанъ епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, свѣтлѣйшему во Христѣ сыну, Владиславу, славному королю польскому,—апостолическое привѣтствіе и благословеніе. Радуемся въ Господѣ, свѣтлѣйшій сынъ нашъ, и ради пріобрѣтенія такого сына веселіемъ исполняется отеческое сердце наше; радуемся, говорю я, и веселимся, что Просвѣтитель всѣхъ народовъ съ любовью вложилъ жаръ свѣта вѣчнаго, свѣтильникъ своей благодати, въ твое сердце и въ сердца твоихъ...

Поистинѣ, сынъ нашъ свѣтлѣйшій, недавно узнали мы изъ сообщенія намъ достопочтеннаго брата нашего Доброгостія, епископа познанскаго, что по принятіи тобою бани возрожденія, Утѣшитель всѣхъ исполнилъ твою особу дарами своей благодати, и далъ тебѣ столь великое рвеніе къ выполненію его предначертаній; ибо ты, какъ христіанскій государь, отличаясь чрезвычайнымъ благочестіемъ и славнѣйшими добродѣтелями, оказывая сыновнее почтеніе къ Богу и къ апостольскому престолу,—церквамъ и духовнымъ лицамъ оказываешь королевскую милость, и съ пламеннымъ рвеніемъ призываешь и приводишь къ свѣту истины и къ познанію Божественнаго имени находящихся во мракѣ; демонскія капища, въ которыхъ пребывали души несчастныхъ, ниспровергаешь и на ихъ мѣстѣ воздвигаешь и учреждаешь храмы Божіи, во славу вышесказанной святѣйшей Римской церкви, матери нашей, во внутреннихъ которой ты занимаешь преимущественное мѣсто посреди князей земного круга. Итакъ, прекрасно; какъ вѣрный рабъ, свѣтлѣйшій сынъ нашъ, какъ благородный залогъ будущей первой жатвы, ты достигъ вершины земного царства, и безъ сомнѣнія и небеснаго. И тебѣ, сынъ нашъ, надлежитъ по заслугамъ радоваться, что ты, со многими погибавшій, обрѣтенъ теперь, какъ сокрытое кѣмъ сокровище. Веселиться должно сердце твое, что ... съ такой любовью пріемлетъ тебя въ свое лоно наша матерь церковь. Вслѣдствіе чего, любезнѣйшій сынъ нашъ, сохранишь ты и пріумножишь начатки добродѣтелей, полученныхъ тобою отъ Господа, въ твердости твоей вѣры, и да будешь всегда имѣть въ почетѣ, какъ ты и началъ, церкви и лицъ духовныхъ. Братій твоихъ призывай къ вѣрѣ; имѣй въ этомъ дѣлѣ попечительность Марфы, но возвысься и до высотъ созерцанія Маріи, да соберешь себѣ на небесахъ сокровища вѣчной жизни, и по истеченіи сего бреннаго житія, радуясь, что избралъ благую часть, да заслужишь себѣ со избранными блаженный покой.

Впрочемъ, любезнѣйшій сынъ нашъ, что твоей свѣтлости мы раньше не написали, причиной тому было не небрежность Отца, но скорѣе, что ты самъ не отправилъ къ намъ торжественнаго посольства, и другія разумныя причины. Нынѣ же, съ прибытіемъ вышеписаннаго епископа, мы съ удовольствіемъ выслушали все, касавшееся тебя, и съ благодарностью изъяснили.

Дано въ Перуджіи въ XV календы Мая, папства нашего въ лѣто десятое.

[Johannis Dlugossi, Canonici cracovensis. Historiae Polonicae libri XII. Lib. X.]

83. Жалованная грамота короля Казимира Литовскому, Русскому и Жмудьскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ, о сравненіи ихъ въ правахъ съ поляками.

(1457 г.).

Во имя Божье, аминь. Къ вѣчной рѣчи памяти. Вси рѣчи, которыи жъ бывають, отъ людской памяти посполъ [1]) съ часомъ отходять, а ни потомъ къ памяти могутъ приведены быти: олижъ [2]) писмомъ имають подтверждены быти. Про тожъ мы Казимиръ, съ Божьей милости выбраный король Полскый и великій князь Литовскый, и Рускый, и Жемоитскый и иныхъ земль, познавше вѣрность уставичную почтивыхъ, достойныхъ, освѣченыхъ, выбраныхъ, мудрыхъ прелатовъ духовныхъ и свѣтьскыхъ княжатъ, рыцеровъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ земль великого княжьства Литовского и Русского, Жемоитского, которую жъ къ намъ и къ нашой парсунѣ освяченой, какъ жъ то до правого дѣдича и пана прироженого, имѣли и имають, а такожъ и напотомъ имѣти уставичнѣ и вѣрнѣ мыслять, якожъ то чересъ осмотреніе наше есть найдено; достойнѣ умыслили есмы, за такии доброты и ласки, дары и иными ласками имъ милостиве отдарить; бо тогды потомъ къ намъ и къ нашимъ службамъ найдени будуть рыхлѣйши, коли себе узрять такыми ласками утѣшоны.

Тогожъ дѣля, наипервѣй, предреченымъ прелатомъ, княжатомъ, рытеромъ, шляхтичомъ, бояромъ, мѣстичомъ нареченыхъ земль великого княжства Литовского и Руского, Жемоитского, неотзывнѣ дали есмо и моцью того-то листа щедрѣ давасмъ, позволяемъ и вѣчнѣ даруемъ посполито, овшсйкы [1]), правы тые, зволеньства, твердости, якожъ имають прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, мѣстичи коруны Полскоѣ; але бы [2]) потомъ въ томъ не было никоторое отщепеніе, а любо недовѣрьство возникнуть, туто умыслили есмы положити чересъ выкладъ письма явнѣ.

А на-первѣй, вся дарованя, привиліа, твердости церквей головныхъ, зборныхъ и кляштырныхъ, въ земляхъ нашихъ великого князьства Литовского и Руского, Жемоитскаго и иныхъ, поставленыхъ и заложеныхъ, а и потомъ которыи будуть заложены, хочомъ безъ нарушеніа и безъ обидъ ховати [3]), боронити и щитити, въ подлугъ [4])всее нашее моци. Которая жъ то церква головная, зборная, кляштырная, по смерти... ижь бы пуста была, а пастыря не дръжала, котороѣ жъ поданье къ намъ и къ нашимъ намѣстникомъ пригодило бы ся: тогды имъ съ полного права, не иного, а любо не иныхъ, пастыря, а любо пастыревъ давати имаемъ, нижьли великого князьства нашого Литовского, прироженого, ажъ достойными обычаи найдѣнъ будеть: ажъ пакъ не будеть, тогды иньшого рожаю [5]) парсуну ужиточную, почестливую, згодную, которая жъ бы могла рядить и вжиточна быти, имаемь ти, только кратъ, колько будетъ надобѣ.

Также предреченымъ прелатомъ, княжатомъ (и т. д.), дали есмо: што жъ ни на жадного [6]) обмовленіе [7]) явное, или тайное, тыхъ княжатъ, рытеревъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ не будемъ казнити, ни имѣньи, а ни пенязьми, ни нятствомъ [8]), ни кровью, олижъ очи-въ-очи, явно стануть на судѣ, въподлугъ права христіаньскаго: который жъ будеть у подлугъ пере моженіа права виноватъ, въ подлугъ обычаа и права коруны Полскоѣ има-

---

(1 Обычно. 2) Потому.

1) Всѣмъ. 2) Чтобы. 3) Хранить. 4) Въ мѣру. 5) Происхожденіе. 6) Никто, ни одинъ. 7) Обвиненіе. 8) Арестъ.

ють быти казнены и сужены, подлугъ ихъ великости проступковъ.

Такожъ за проступку, каково ль коли проступить, нихто иный, только тотъ виноватець, хто проступить, подлугъ права христіаньского имать быти казненъ; штожъ ни жена за проступку мужа своего, а ни отецъ за проступку сына, а ни иный прирожений, а ни слуга, только олижъ бы былъ причастникъ тоѣ проступкы, только выймуючи [1]) проступкы противъ нашего господарьства.

Такожъ призволяемъ, абы княжата, рытери, шляхтичи, бояре́, добровольно имѣли бы моць выѣхати зъ нашихъ земль князьства великаго, для лѣпшого исщастія набытья [2]), а любо учинковъ рытерьскихъ [3]), до каждыхъ земль, сторонъ, толко вымѣняючи стороны непріятельскоѣ; а куды выѣждиваючи изъ своихъ имѣней, штобы службы наши не были замѣшканы, але намъ и намѣстникомъ нашимъ какъ бы сами очивистѣ [4]) были, только кроть, колько надобѣ служили бы.

Такожъ... имѣніа своя и отчины, што имъ данье, а любо дарованое чересь освяченого князя Олександра и чересь освяченого князя Жикгимонта даные и дарованые, которыи жъ держали, и имаюче и володѣюче изъ ихъ дарованіа, привильями, достаточнымъ свѣточьствомъ [5]), твердостью листовъ возмогутъ досвѣтчити: съ правомъ имають держати, якожъ то княжата и рытери, шляхтичи, бояре́ и мѣстичи у корунѣ Польской своя имѣніа держать, и добровольную моць имають продати, и замѣнити и зычити [6]), и дарити, къ своему лѣпшому обернути; а коли тыи имѣніа продаючи, замѣняючи, изыначаюче, даруюче, передъ нами а любо передъ нашими намѣстникы имають здати.

Такожъ по смерти отцовѣ, сынове и дочкы отъ своее отчины не имають отдалены быти, але [1]) сь ихъ ближними съ полнымъ правомъ имають володѣти, якожъ то княжата, рытери, шляхтичи и мѣстичи коруны Полскые своимъ володѣють и къ ужиткомъ [2]) добрымъ промышляють...

А тежъ вси, а кажды особнѣ, селянѣ и подданные княжатомъ, рытеремъ, шляхтичомъ, бояромъ и мѣстичомъ отъ всего даніа и заплаты, собранья, вытягненіа серебщизны, и тежъ мѣръ, которыи же дякла [3]) реченыи суть, отъ воженіа каменіа, бревенъ и дерева на жженіа плитъ, а любо мѣлу на городы, сѣнокошеніа и иныхъ несправедливыхъ роботъ выпущены и будуть вольны овшейкы и выняты, выменуючи роботы на будованье городовъ нашихъ новыхъ потребныхъ, а старыхъ поправленіа; тежъ селянъ (имъ) данныхъ и подданныхъ и чересь насъ имъ дарованыхъ а такожъ вымаюче...

А такожъ обѣцуемъ и слюбуемъ, ижь панства нашего земль, великого князьства предреченого, не вменшимъ але у границахъ, какъ же предъкы были наши дръжали и володѣли, такожь и мы тыежъ земли здорови, цѣлы, держати будемъ, и володѣти и щитити, а съ Божьею помочью и всими силами нашими размножати будемъ.

Такожь обѣцуемъ и слюбуемъ, ижь въ земляхъ тыхъ нашихъ великого князьства, земль, городовъ, мѣстъ, а любо которыхъ—колвекъ [4]) дѣдичьтвъ, у володѣніе и въ дерьжаніе, а любо нѣкоторыи вряды [5]) а любо чьти, не имаемъ дать въ честь никоего чюжоземца, але только тамъ родичамъ тыхъ земль нашихъ предреченыхъ великого князьства Литовского дамы, и наши послѣ будущіи дадуть въ дерьжаніе и володѣнье...

(Акты Зап. Россіи I. № 61).

[1]) Исключая. [2]) Коммерческія предпріятія. [3]) Рыцарскія похожденія. [4]) На лицо. [5]) Ясность. [6]) Заложить.

[1]) Но. [2]) Доходъ. [3]) Натуральныя повинности (серебщизна—денежная). [4]) Сколько бы ни было. [5]) Уряды—должности.

84. Судебникъ короля Казимира Ягелловича, данный Литвѣ.

(1468).

Казимиръ Божьею милостью король Полскый, великый князь Литовьскій и Рускій, княжа Пруское, и Жемоитьскый и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на нь посмотрить, или чтучи услышить, ижь мы съ князьми и съ паны радою нашею великого князьства Литовьскаго и съ всимъ поспольствомъ согадавши, урядили есмо такъ:

Што съ лицомъ приведуть татя, будеть ли мочи чимъ платити, ино заплатити истинну; пакъ ли чего у дому не будеть, а будеть ли то жона вѣдала зъ дѣтми ужо изрослыми, ино жоною и дѣтми заплатити, а самого на шибѣницю; а што будуть малыи дѣти, ниже семи годовъ, тыи въ томъ невинни. А пакъ ли злодѣй не имѣти будеть чимъ платити, ино и лица у дворъ не имать, воротити истьцю, у кого украдѣно, и просокы [1]) половину вернути; а злодѣа на обѣшеніе, а просока по старому.

А въ кого будеть украдѣно, а што судьи присудять: ино прво заплатити истьцю, а потомъ осподарь татя того вину свою бери...

А коли бы злодѣй што у кого укралъ, а и гдѣ украдѣно, а тамъ его ухватять съ лицомъ, а онъ у домъ не принеслъ, жона и дѣти того не пожили вали: злодѣй терпи, а жона и дѣти и домъ ихъ невиненъ.

А коли злодѣй изъ дому вышелъ, а украдеть што и потеряеть, а любо што изъѣсть, а кромѣ жоны и дѣтей: ино домовыми статкы [2]), што того татя влостное [3]), заплатити; а жона и дѣти, и статкы женьни отъ того порожни...

А который впервое украдеть, а дотоль будеть не крадывалъ: ино за первую татбу виною его казнити [4]); аже будеть ниже полтины домовыи речи [1]) кралъ, домовыми жъ речьми платити; а будеть выше полтины кралъ, хотя бъ первое кралъ, ино его обѣсити.

А который хотя первое укралъ, а коньская татба, коня укралъ, а съ лицомъ приведуть,—того узвѣсити...

А который будеть люди выводити, а любо челядь неволную, а ухватять съ лицомъ: того на шибѣницю... [2])

При тожъ, какъ у семъ нашомъ листу выписано, по тому бы есте рядили, а исъ того не выступали.

(Акты Зап. Россіи I. № 67).

[1]) Судебныя издержки. [2]) Имущеетво. [3]) Собственный. [4]) Ошельмовать.

---

85. Уставная подтвердительная грамота жителямъ Кіевской области.

(1507).

Во имя святыя живоначальныя и нероздѣлимыя Тройца, аминь. Мы Жикгимонтъ, Божьею милостію король Полскій и великій князь Литовскій, Рускій, Жомоитскій и иныхъ, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хт на него посмотрить, або чтучи его вслышить, нынѣшнимъ и потомъ будучимъ, кому будетъ потребъ того вѣдати.

Били намъ чоломъ слуги наши, князи и панове й бояре и земяне [3]), вся шляхта Кіевская, и вказывали передъ нами листы доброѣ памяти отца нашого, короля Казимира его милости, и брата нашого короля Александра, што имъ дали право добровольное хрестіянское, и просили насъ, абыхмо томъ нашимъ листомъ подтвердили.

И мы вбачивши [4]) службу ихъ вѣрную, дали есмо имъ право доброволное хрестіянское, по тому какъ отецъ и братъ нашъ дали были имъ, духов-

[1]) Вещи. [2]) Висѣлица. [3]) Землевладѣльцы дворяне. [4]) Принявъ во вниманіе.

нымъ и свѣтцкимъ, напередъ церквамъ Божьимъ. Въ церковныи люди, въ князскіи и въ панскіи и въ боярскіи, и въ земли, и во вси доходы и въ приходы не вступатися, а безъ права [1]) намъ людей не казнити, а ни губити, а ни имѣней не отнимати; коли который завинитъ што, ино, осудивъ, право што укажетъ, виноватого по его винѣ казнити. А хто кого обадитъ [2]), а любо обмовитъ, таїноль, явноль, ино того ни одною виною не казнити, ни нятствомъ, ни шыею: олижъ поставити на явномъ суду хрестіянскомъ того, который вадитъ, и того, на кого важено, и, досмотрѣвъ межи ними, право вчинити; а хто будетъ што заслужилъ, тотъ тое утерпитъ, вымѣняя здрадцы [3]), хто иметъ насъ лихо мыслити, а любо на землю нашу, того казнити шыею [4]) и имѣньемъ. А который будетъ какую вину заслужилъ, ино того самого казнити по его винѣ, а жоны и дѣтей въ имѣньи не рушити: проступитъ отецъ, ино казнити отца; проступитъ сынъ, ино сына казнити, а отца сыннею виною не казнити, а сына отцовою виною не казнити; толко самого того казнити, хто будетъ виноватъ, а хто того участенъ.

А отчины и выслуги не отнимати: што которые будуть выслужили у великого князя Витовта и Жикгимонта, и въ отца нашого короля его милости, и въ брата нашого, и што придали предки наши, то имъ потвержаемъ. А што придали князь Александръ и князь Семенъ, а не отчины чюжыи, и съ того ихъ не рушаемъ, а оглядѣвши листовъ, нашими пакъ листы то потвердимъ зъ ласки нашое, и то вже будетъ наше данье...—А князи и панове, которые выслуги держатъ, а кому потвердимъ листы нашими, въ томъ волни, по души къ церкви дати, замѣнити, и продати, и отдати, зъ нашимъ призволеньемъ... — А которые княжата и панове всхотятъ ѣхати до чужихъ земль, и они возвѣстившися намъ, а любо нашому намѣстнику чоломъ ударивъ, и во своемъ имѣньи службу осадивъ, такъ добрую какъ бы и сами, а безъ себе зъ своими людьми, до кого будетъ дѣло, кому право велятъ давати: тогды могутъ, зъ докладомъ, ѣхати, ажъ земскоѣ службы не будетъ; а безъ нихъ, имѣней ихъ не рушити: только въ непріятельскую землю не ѣхати противъ насъ и нашое земли...—А коли будетъ человѣкъ или холопъ, или роба, на государя своего сочити [1]), ино съ человѣкомъ и съ холопомъ и съ робою суда нѣтъ, а человѣка и холопа и робу государю выдати.

А Кіянина, какъ и Литвина, во чти держати и во всѣхъ врадѣхъ ни въ чомъ не понизити. А волости Кіевскіе Кіяномъ держати, а иному никому. А городки Кіевскіе въ нашей воли: Кіяномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити. А которые князи и панове и бояре [2]) Литовскіе держатъ имѣнья въ Кіевской земли, тымъ служба заступати съ тыхъ имѣней съ Кіяны, самимъ своими головами...— А церковнымъ людемъ и князскимъ и панскимъ ѣзовъ не ѣзити, а сѣна не косити, а дворовъ нашихъ не селити: только имъ знати своихъ государовъ, хто кому служитъ, какъ будетъ было за великого князя Витовта; а наши дворы нашими людьми селити...—А имъ нашихъ людей, а ни Литовскихъ не пріймати, а намъ церковныхъ людей и князскихъ и панскихъ за себе не пріймати, отчинныхъ людей непохоячихъ.

Такожъ просили насъ князи и паны и земяне Кіевскіе, ижъбы имъ новины вводили врядники наши воеводы Кіевскіе: зъ ихъ людей куницы сва-

---

[1]) Безъ суда. [2]) Обвинять по подозрѣнію. [3]) Измѣна. ([4] Повѣсить.

[1]) Искать (на судѣ).
[2]) Шляхта.

дебные берутъ, и тежъ на имѣнья ихъ слугъ своихъ насылаютъ и безъ каждого права грабятъ ихъ самихъ и людей ихъ; такожъ хто бы ся заложилъ у которое право на насъ господаря, и они ихъ до насъ не допущаютъ; тежъ о мыта новые гдѣ здавна не бывали, а ново вставлены; и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тые новины отложили. И мы о томъ помысливши съ паны радою нашою, уставляемъ...

(Акты Зап. Россіи II. № 30.)

---

86. Грамота короля Сигизмунда I городу Владимиру Волынскому на Магдебургское право.

1509 г.

Жикгмонтъ, Божію милостію король польскій, великій князь литовскій, рускій, княжа пруское, жемойтское и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або, чтучи его, услышитъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведити:

Били намъ челомъ войтъ места володимерского, и бурмистры, радцы, и вси мещане володимерскіе, Ляхове и Русь; и покладали передъ нами привиля отца и брата нашего, счастное памяти [1]) королей ихъ милости. Въ тыхъ привильяхъ стоитъ: Штожъ ихъ милость дали имъ право немецкое, майдборское въ месте Володимерскомъ; и тыми привили своими потвердили, ижъ они маются [2]) въ месте Володимерскомъ тымъ правомъ майтборскимъ судити, радити такъ, якъ и по инишимъ местамъ нашимъ: въ Судомири, въ Люблине и въ Грубешове; а наместникомъ володимерскимъ и инишимъ врадникомъ въ тое право ихъ не вступатися. И тежъ въ тихъ привиліяхъ выписано, што имъ вольно дерево брати на будованіе домовъ и на дрова около места у двухъ миляхъ, къ тому мыта имъ не давати у Володимери и у володимерскомъ повете, и въ луцкомъ — только въ Луцку. И били намъ челомъ, абыхмо [1]) и мы имъ, ведле [2]) тихъ привилевъ отца и брата нашего, тое право потвердили нашимъ привильемъ.

Ино мы, выслухавши тыхъ привильевъ отца и брата нашего, въ томъ есмо имъ ласку нашу вчинили. И тое право майтборское потвержаемъ тымъ то нашимъ привильемъ: маются они ныне въ томъ своемъ праве судити и радити, водле обычая права майтборского, какъ и по инишимъ местомъ нашимъ. А наместники володимерскіе и иные врадники наши не маются въ тое право вступовати безъ нашое воли. Также поведили передъ нами, штожъ, коли наместникъ володимерскій едетъ на службу нашу, на войну, и онъ имъ велитъ съ собою на войну ходити, и отъ того въ нихъ себе челомъбитіе беретъ. А они поведили передъ нами, ижъ передъ тымъ, здавна, за продковъ нашихъ, за великого князя Витовта и Жикмимонта, и за отца и за брата нашего, королей ихъ милости, николи на войну не хоживали. Ино коли они передъ тымъ здавна за продковъ нашихъ, на войну не хоживали, и ныне имъ зъ намѣстникомъ володимерскимъ не надобе на войну ходити, только маютъ они платы местскіе платити и подводы давати по давному. А коли наместникъ володимерскій на войну поедетъ, тогда они, бесъ бытности его, маютъ на замку нашомъ зъ наместникомъ его для обороны быти, подлугъ давности. Тежъ поведали намъ, штожъ, коли земянинъ або служебникъ наместника володимерского, зваснившися на которого мещанина, заруки имъ заручаютъ [3]), тые заруки съ нихъ намѣстникъ собе беретъ, силы-моци [4]) въ праве городскомъ судитъ. А того нигде по ме-

---

[1]) Блаженной памяти. [2]) Имѣютъ (судиться).

[1]) Дабы. [2]) Согласно съ... [3]) Брать на поруки. [4]) Въ правѣ.

стомъ нашимъ нетъ; и гдѣ права майтборскіе суть, врадники наши силы-моцы не судять, и тыхъ зарукъ не беруть. И били намъ челомъ, абыхмо и то имъ выложили.

Ино коли по иншимъ листомъ нашимъ, кгдѣ права майтборскіе, врадники силы-моцы не судятъ и таковыхъ зарукъ не берутъ, ино и въ месте нашомъ Володимерскомъ наместнику не надобе силы-моцы судити и тыхъ зарукъ съ нихъ брать, нижли только онъ маетъ судити въ месте Володимерскомъ: кгвалты, шляхтскую рану, вєилство, похвальную пожогу. А о иншіе всякіе члонки, што въ майтборскихъ правехъ выписуются, судити то маетъ войтъ съ бурмистры и радцы, судити, и радити, и карати такъ, йакъ и по иншимъ местомъ нашимъ, водле обычая и беглости [1]) права майтборского. Тежъ казали есмо имъ людей вольныхъ, прихожихъ у место наше звати и садити а отъчизныхъ имъ людей, невольныхъ, ничиихъ не пріймати, йакъ же то выписано и въ привиляхъ отца и брата нашего, королей ихъ милости.

А на твердость тыхъ всихъ, вышей писаныхъ речей, печать нашу казали есмо привесити къ сему нашему листу.

(Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. V, т. I.)

---

87. В. Ключевскій.

1. Вліяніе природы на характеръ великоросса.

Рядомъ съ вліяніемъ природы страны на народное хозяйство Великороссіи замѣчаемъ слѣды ея могущественнаго дѣйствія на племенной характеръ великоросса. Великороссія XIII—XV вв. съ своими лѣсами, топями и болотами на каждомъ шагу представляла поселенцу тысячи мелкихъ опасностей, непредвидимыхъ затрудненій и непріятностей, среди которыхъ надобно было найтись, съ которыми приходилось поминутно бороться. Это пріучало великоросса зорко слѣдить за природой, смотрѣть въ оба, по его выраженію, ходить, оглядываясь и ощупывая почву, не соваться въ воду, не поискавъ броду, развивало въ немъ изворотливость въ мелкихъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, привычку къ терпѣливой борьбѣ съ невзгодами и лишеніями. Въ Европѣ нѣтъ народа менѣе избалованнаго и притязательнаго, пріученнаго меньше ждать отъ природы и судьбы и болѣе выносливаго. Притомъ по самому свойству края каждый уголъ его, каждая мѣстность задавала поселенцу трудную хозяйственную загадку; гдѣ бы здѣсь ни основался поселенецъ, ему прежде всего нужно было изучить свое мѣсто, всѣ его условія, чтобы высмотрѣть угодье, разработка котораго могла бы быть наиболѣе прибыльна. Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Здѣсь схвачены всѣ характерныя, часто трудно уловимыя явленія годового оборота великорусской природы, отмѣчены ея разнообразныя случайности, климатическія и хозяйственныя, очерченъ весь годовой обиходъ крестьянскаго хозяйства. Всѣ времена года, каждый мѣсяцъ, чуть не каждое число мѣсяца выступаютъ здѣсь съ особыми мѣтко очерченными климатическими и хозяйственными физіономіями, и въ этихъ наблюденіяхъ, часто достававшихся цѣной горькаго опыта, ярко отразились какъ наблюдаемая природа, такъ и самъ наблюдатель. Здѣсь онъ и наблюдаетъ окружающее, и размышляетъ о себѣ, и всѣ свои наблюденія старается привязать къ святцамъ, къ именамъ святыхъ и къ праздникамъ. Церковный календарь—это памятная книжка его наблюденій надъ природой и вмѣстѣ днев-

---

[1]) Скорость (суда).

никъ его думъ надъ своимъ хозяйственнымъ житьемъ-бытьемъ.

Январь—году начало, зимѣ середка. Вотъ съ января уже великороссъ, натерпѣвшись зимней стужи, начинаетъ подшучивать надъ нею. Крещенскіе морозы—онъ говоритъ имъ: трещи, трещи—минули водокрещи; дуй не дуй—не къ Рождеству пошло, а къ Великодню (Пасхѣ). Однако 18 января еще день Аѳанасія и Кирилла; аѳанасьевскіе морозы даютъ себя знать, и великороссъ уныло сознается въ преждевременной радости: Аѳанасій да Кирило забираютъ за рыло. 24 января память преп. Ксеніи: Аксиньи — полухлѣбницы - полузимницы: ползимы прошло, половина стараго хлѣба съѣдено. Примѣта: какова Аксинья, такова и весна. Февраль—бокогрѣй, съ боку солнце припекаетъ; 2 февраля Срѣтеніе, срѣтенскія оттепели: зима съ лѣтомъ встрѣтились. Примѣта: на Срѣтеніе снѣжокъ—весной дождекъ. Мартъ теплый, да не всегда: и мартъ на носъ садится. 25 марта Благовѣщеніе. Въ этотъ день весна зиму поборола. На Благовѣщенье медвѣдь встаетъ. Примѣта: каково Благовѣщенье, такова и Святая. Апрѣль—въ апрѣлѣ земля прѣетъ, вѣтрено и тепломъ вѣетъ. Крестьянинъ настораживаетъ вниманіе: близится страдная пора хлѣбопашца. Поговорка: апрѣль сипитъ да дуетъ, бабамъ тепло сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ. А зимніе запасы капусты на исходѣ. 1 апрѣля Маріи Египетской. Прозвище ея: Марья—пустыя щи. Захотѣлъ въ апрѣлѣ кислыхъ щей! 5 апрѣля мученика Ѳеодула. Ѳеодулъ—вѣтреникъ. Пришелъ Ѳедулъ, теплый вѣтеръ подулъ. Ѳедулъ губы надулъ (ненастье). 15 апрѣля апостола Пуда. Правило: выставлять пчелъ изъ зимняго омшаника на пчельникъ—цвѣты появились. На св. Пуда доставай пчелъ изъ-подъ спуда. 23 апрѣля св. Георгія Побѣдоносца. Замѣчено хозяйственно-климатическое соотношеніе этого дня съ 9 мая: Егорій съ росой, Никола съ травой; Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ. Вотъ и май. Зимніе запасы проѣдены. Ай май, мѣсяцъ май, не холоденъ да голоденъ. А холодки навертываются, да и настоящаго дѣла еще нѣтъ въ полѣ. Поговорка: май—коню сѣна дай, а самъ на печь полѣзай. Примѣта: коли въ маѣ дожъ—будетъ и рожь; май холодный—годъ хлѣбородный. 5 мая великомученицы Ирины. Арина—разсадница: разсаду (капусту) сажаютъ и выжигаютъ прошлогоднюю траву, чтобы новой не мѣшала. Поговорка: на Арину худая трава изъ поля вонъ. 21 мая св. царя Константина и матери его Елены. Съ Аленой по созвучію связался ленъ: на Алену сѣй ленъ и сажай огурцы; Аленѣ льны, Константину огурцы.

Точно такъ же среди поговорокъ, прибаутокъ, хозяйственныхъ примѣтъ, а порой и „сердца горестныхъ замѣтъ“ бѣгутъ у великоросса и остальные мѣсяцы: іюнь, когда закрома пусты въ ожиданіи новой жатвы и который потому зовется і ю н ь—а у! потомъ іюль—страдникъ, работникъ; августъ, когда серпы грѣютъ на горячей работѣ, а вода уже холодитъ, когда на Преображенье—второй Спасъ бери рукавицы про запасъ; за нимъ сентябрь—холоденъ сентябрь, да сытъ—послѣ уборки урожая; далѣе октябрь—грязникъ, ни колеса, ни полоза не любитъ, ни на саняхъ, ни на телѣгѣ не проѣдешь; ноябрь—курятникъ, потому что 1 числа, въ день Козьмы и Даміана, бабы куръ рѣжутъ, оттого и зовется этотъ день — курячьи именины, куриная смерть. Наконецъ, вотъ и декабрь—студень, развалъ зимы: годъ кончается—зима начинается. На дворѣ холодно: время въ избѣ сидѣть да учиться. 1 декабря пророка Наума—грамотника: начинаютъ ребятъ грамотѣ учить. Поговорка: батюшка Наумъ, наведи на умъ. А стужа крѣпнетъ, наступаютъ трескучіе морозы. 4 декабря св. вели-

комученицы Варвары. Поговорка: трещитъ Варюха—береги носъ да ухо.

Такъ со святцами въ рукахъ или, точнѣе, въ цѣпкой памяти, великороссъ прошелъ, наблюдая и изучая, весь годовой круговоротъ своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями въ этомъ наблюденіи и изученіи. Онъ вспоминалъ ихъ не въ церкви только: онъ уносилъ ихъ изъ храма съ собой въ свою избу, въ поле и лѣсъ, навѣшивая на имена ихъ свои примѣты въ видѣ безцеремонныхъ прозвищъ, какія даютъ закадычнымъ друзьямъ: Аѳанасій ломоносъ, Самсонъ сѣногной, что въ іюлѣ дождемъ сѣно гноитъ, Ѳедулъ вѣтреникъ, Акулины — гречишницы, мартовская Авдотья подмочи порогъ, апрѣльская Марья зажги снѣга, заиграй овражки, и т. д. безъ конца. Въ примѣтахъ великоросса и его метеорологія, и его хозяйственный учебникъ, и его бытовая автобіографія; въ нихъ отлился весь онъ со своимъ бытомъ и кругозоромъ, со своимъ умомъ и сердцемъ; въ нихъ онъ и размышляетъ, и наблюдаетъ, и радуется, и горюетъ, и самъ же подсмѣивается и надъ своими горями и надъ своими радостями.

Народныя примѣты великоросса, своенравны, какъ своенравна отразившаяся въ нихъ природа Великороссіи. Она часто смѣется надъ самыми осторожными разсчетами великоросса; своенравіе климата и почвы обманываетъ самыя скромныя его ожиданія, и, привыкнувъ къ этимъ обманамъ, разсчетливый великороссъ любитъ подъ часъ, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и неразсчетливое рѣшеніе, противопоставляя капризу природы капризъ собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть въ удачу и есть великорусскій авось.

Въ одномъ увѣренъ великороссъ — что надобно дорожить яснымъ лѣтнимъ рабочимъ днемъ, что природа отпускаетъ ему мало удобнаго времени для земледѣльческаго труда и что короткое великорусское лѣто умѣетъ еще укорачиваться безвременнымъ нежданнымъ ненастьемъ. Это заставляетъ великорусскаго крестьянина спѣшить, усиленно работать, чтобы сдѣлать много въ короткое время и впору убраться съ поля, а затѣмъ оставаться безъ дѣла осень и зиму. Такъ великороссъ пріучался къ чрезмѣрному кратковременному напряженію своихъ силъ, привыкалъ работать скоро, лихорадочно и споро, а потомъ отдыхать въ продолженіе вынужденнаго осенняго и зимняго бездѣлья. Ни одинъ народъ въ Европѣ не способенъ къ такому напряженію труда на короткое время, какое можетъ развить великороссъ; но и нигдѣ въ Европѣ, кажется, не найдемъ такой непривычки къ ровному, умѣренному и размѣренному, постоянному труду, какъ въ той же Великороссіи.

Съ другой стороны, свойствами края опредѣлился порядокъ разселенія великороссовъ. Жизнь удаленными другъ отъ друга, уединенными деревнями при недостаткѣ общенія естественно не могла пріучать великоросса дѣйствовать большими союзами, дружными массами. Великороссъ работалъ не на открытомъ полѣ на глазахъ у всѣхъ, подобно обитателю южной Руси: онъ боролся съ природой въ одиночку, въ глуши лѣса съ топоромъ въ рукѣ. То была молчаливая черная работа надъ внѣшней природой, надъ лѣсомъ или дикимъ полемъ, а не надъ собой и обществомъ, не надъ своими чувствами и отношеніями къ людямъ. Потому великороссъ лучше работаетъ одинъ, когда на него никто не смотритъ, и съ трудомъ привыкаетъ къ дружному дѣйствію общими силами. Онъ вообще замкнутъ и остороженъ, даже робокъ,

вѣчно себѣ на умѣ, необщителенъ, лучше самъ съ собою, чѣмъ на людяхъ, лучше въ началѣ дѣла, когда еще не увѣренъ въ себѣ и въ успѣхѣ, и хуже въ концѣ, когда уже добьется нѣкотораго успѣха и привлечетъ вниманіе: неувѣренность въ себѣ возбуждаетъ его силы, а успѣхъ роняетъ ихъ...

Невозможность разсчитать напередъ, заранѣе сообразить планъ дѣйствій и прямо идти къ намѣченной цѣли замѣтно отразилась на складѣ ума великоросса, на манерѣ его мышленія. Житейскія неровности и случайности пріучили его больше обсуждать пройденный путь, чѣмъ соображать дальнѣйшій, больше оглядываться назадъ, чѣмъ заглядывать впередъ. Въ борьбѣ съ нежданными метелями и оттепелями, съ непредвидѣнными августовскими морозами и январской слякотью онъ сталъ больше осмотрителенъ, чѣмъ предусмотрителенъ, выучился больше замѣчать слѣдствія, чѣмъ ставить цѣли, воспиталъ въ себѣ умѣнье подводить итоги насчетъ искусства составлять смѣты. Это умѣнье и есть то, что мы называемъ заднимъ умомъ. Поговорка: русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, вполнѣ принадлежитъ великороссу...

Онъ всегда идетъ къ прямой цѣли, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идетъ, оглядываясь по сторонамъ, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь и только вороны прямо летаютъ, говорятъ великорусскія пословицы. Природа и судьба вели великоросса такъ, что пріучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великороссъ мыслитъ и дѣйствуетъ, какъ ходитъ. Кажется, что можно придумать кривѣе и извилистѣе великорусскаго проселка? Точно змѣя проползла. А попробуйте пройти прямѣе: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу.

2. Характеръ московскихъ князей.

Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ возвышенія Московскаго княжества личнымъ качествамъ его князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество Московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, созданіемъ ихъ личнаго творчества, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV вв. не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ памятникахъ довольно блѣдными фигурами, преемственно смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Ивана, Семена, другого Ивана, Дмитрія, Василія, другого Василія. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ нами проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ московскіе князья до Ивана III какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Иванъ и кто Василій. Въ ихъ дѣятельности замѣтны нѣкоторыя индивидуальныя особенности; но онѣ объясняются различіемъ возраста князей или исключительными внѣшними обстоятельствами, въ какія попадали иные изъ нихъ; эти особенности не идутъ далѣе того, насколько измѣняется дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ условій. Слѣдя за преемственной смѣной московскихъ князей, можемъ уловить въ ихъ обликахъ только типическія фамильныя черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, его

костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ зрителю.

Прежде всего московскіе Даниловичи отличаются замѣчательно устойчивой посредственностью—не выше и не ниже средняго уровня. Племя Всеволода Большого Гнѣзда вообще не блестѣло избыткомъ выдающихся талантовъ, за исключеніемъ развѣ одного Александра Невскаго. Московскіе Даниловичи даже среди этого племени не шли въ передовомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, безъ признаковъ какъ героическаго, такъ и нравственнаго величія. Во-первыхъ, это очень мирные люди; они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ чаще проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отсиживаться отъ непріятеля за дубовыми, а съ Дмитрія Донского за каменными стѣнами московскаго Кремля, но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку митрополита да жену съ дѣтьми. Не блестя ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками, или страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности; даже ихъ наклонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древнерусскаго человѣка, высказанной устами Владиміра Святого. Это средніе люди древней Руси, какъ бы сказать, больше хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица. Лучшей ихъ фамильной характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго князя Семена Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: „великій князь Симеонъ былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ, пилъ медъ и вино, но не напивался допьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ наготовѣ“. Въ шести поколѣніяхъ одинъ Димитрій Донской далеко выдался впередъ изъ строго выровненнаго ряда своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Молодость (умеръ 39 лѣтъ), исключительныя обстоятельства, съ 11 лѣтъ посадившія его на боевого коня, четырехсторонняя борьба съ Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумомъ и тревогами его 30-лѣтнее княженіе, и болѣе всего великое побоище на Дону положили на него яркій отблескъ Александра Невскаго, и лѣтопись съ замѣтнымъ подъемомъ духа говоритъ о немъ, что онъ былъ „крѣпокъ и мужественъ и взоромъ дивенъ зѣло“. Біографъ-современникъ отмѣтилъ и другія, мирныя качества Димитрія, набожность, семейныя добродѣтели, прибавивъ: „аще книгамъ не ученъ сый добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше“. При этомъ единственномъ исключеніи художнику высокаго стиля вообще мало дѣла съ московскими князьями.

Но не блистая особыми доблестями, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обиліемъ дарованій, какими обыкновенно надѣляются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живутъ другъ съ другомъ. Они крѣпко держатся завѣта отцовъ: „жити за одинъ“. Въ продолженіе четырехъ поколѣній, со смерти Даниила до смерти Василія Дмитріевича, Московское княжество было, можетъ быть, единственнымъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ московскіе князья очень почтительные сыновья: они свято почитаютъ память и завѣтъ своихъ родителей. Поэтому среди нихъ рано складывается наслѣдственный запасъ понятій, привычекъ и пріемовъ княженія, об-

разуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка нерѣдко замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московскихъ князей, ровность движенія, послѣдовательность дѣйствія; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по затверженному завѣту отцовъ, чѣмъ по личному замыслу, и потому дѣйствуютъ навѣрняка, безъ капризныхъ перерывовъ и съ постояннымъ успѣхомъ, какъ недаровитому ученику крѣпкая память позволяетъ тверже отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить своими словами. Работа у московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью, какъ шла пряжа въ рукахъ ихъ женъ, повинуясь движенію веретена. Сынъ цѣпко хватается за дѣло отца и по мѣрѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ духовныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. „А пишу вамъ се слово, — такъ Семенъ Гордый заканчиваетъ свое завѣщаніе младшимъ братьямъ,—того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не погасла“.

Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наслѣдственная политика московскихъ князей? Они хорошіе хозяева-скопидомы по мелочамъ, понемногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣха въ невзрачной съ нравственной стороны борьбѣ, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты, денежнаго кошеля. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны ко всѣмъ подробностямъ своего хозяйства, какъ хорошо помнятъ всякую мелочь въ немъ. Не забудутъ ни шубки, ни стадца, ни пояса золотого, ни коробки сердоликовой, все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяжаніе и прибавить къ нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикупить—вотъ на что повидимому были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обнаруживаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Эти свойства и помогли ихъ политическимъ успѣхамъ.

(В. Ключевскій. Курсъ Рус. Ист. т. I, лекц. 17, с. 381—7, т. II, лекц. 22 с. 58—62).